

Saga 12

*Veistu,
hvé biðja skal?
Veistu,
hvé blóta skal?..*

*Жертвоприношения
германского
язычества:
формы и смыслы*

*Что можно увидеть
за мифом:*

*„Бальдр должен умереть...“
„Славно сходили, брат,
мы в гости...“*

*Источник и Древо:
Судьба, Мироздание, норны*

Слово от редакции:

Вот он и вышел, двенадцатый номер альманаха. Вышел к Осеннему Равноденствию, празднику Урожая и в преддверии Зимних Ночей. Мир сейчас изобилен и радостен, и радостью этой готов поделиться — налитыми яблоками, тяжёлыми округлыми тыквами, и — не так наглядно, но зачастую весомо — плодами дел, что мы завершили летом. Делятся радостью и люди в своих блогах и обращениях к богам, и боги — освящая собранный урожай и посылая мудрость в его использовании. Рады поделиться своим опытом, размышлениями и находками и авторы альманаха. С Июля 2011/2012 годов, когда вышел первый номер (и когда издание имело иной формат и иное имя) все мы, и читатели, и редакция, и Трот в целом, прошли немалый путь. Ещё больший нам предстоит, и всё зависит лишь от нас, от нашей готовности развиваться и умножать достигнутое. Но пока можно передохнуть, посидеть в последние тёплые дни золотой осени с новым номером, согласиться или поспорить с авторами, а то и увидеть за текстом новые возможности и новые дороги...

Содержание:

I. Северная Традиция: истоки

П. Бауцац. Источник и Древо: мир и время в ранней германской культуре. I. Источник Урд. (перевод с английского Н. Топчий) 4

Сигурд годи. Блот. Жертвы и жертвоприношения в Северной Традиции 33

Н. Топчий. Жертвоприношения германского и скандинавского язычества: формы и смыслы. 56

II. Интерпретация мифа.

Энмеркар. «Бальдр должен умереть» 86

О. Синько. «Мифы Иггдрасиля»: Месть Локи 90

III. Материалы и переводы.

Главы из «Саги об Одде Стреле» (перевод с исландского Т. Ермолаева). 101

«Кроха несёт мало-мало» (перевод с исландского Т. Ермолаева) 111

Троллиха похищает девушку (перевод с исландского Т. Ермолаева) 112

IV. События и Творчество.

Сигвальд. Альтинг-2016 под Тихвином 115

Создание Вечевого центра: шаг к организации практического взаимодействия языческих объединений 117

И. Назаренко. Былинный Берег – глазами очевидца. 120

Графика Ирины Назаренко. 123

С. Волкова. Кукла Стригушка (Соломенная кукла) 126

I. Северная Традиция: истоки

Источник и Древо: мир и время в ранней германской культуре. (The Well and the Tree: World and Time in Early Germanic Culture)

Автор — П. Бауцац (Paul C. Bauschatz)

Перевод с английского Н.Топчий (Tradis)

при участии А.С. Досаева и И.Р. Сайгина

I. Источник Урд.¹

В «Прорицании вёльвы», 19-20 мы встречаем, наверное, самое раннее упоминание источника Урд:

19.

Ask veit ek standa,

heitir Yggdrasil,

hár baðmr, ausinn

hvíta auri;

þaðan koma döggar,

þærs í dala falla,

stendr æ yfir grænn

Urðarbrunni.

20

Þaðan koma meyjar

margs vitandi

þrjár ór þeim sæ,

er und þolli stendr;

Urð hétu eina,

aðra Verðandi,

— skáru á skíði, —

Skuld ina þriðju;

þær lög lögðu,

þær líf kuru

alda börnum,

örlög seggja².

На русском языке в переводе
А.И.Корсуна³:

19.

Ясень я знаю

¹ *The University of Massachusetts Press, 1982, Amherst.*
Список литературы в журнальной публикации не приводится, хотя ссылки на него сохранены. Примечания автора вынесены в конец текста.

² Исландские тексты взяты с сайта «Северная Слава». Автор использует оригиналы как с употреблением современной буквы *ö*, так и её аналогов — устаревших *o* и *ø*, в переводе запись унифицирована.

³ Автор здесь приводит английские переводы Белоу (*Bellow (1926:2)*) и Холландера (*Hollander, (1962:4)*) соответственно. Далее, если не указано иное, песни «Эдды» приводятся в переводе А.И. Корсуна везде.

по имени Иггдрасиль,
древо, омытое
влагою мутной;
росы с него
на доли нисходят,
над источником Урд
зеленеет он вечно.
20.

Мудрые девы
оттуда возникли,
три из ключа
под деревом высоким;
Урд имя первой,
вторая Верданди, —
резали руны, —
Скульд имя третьей;
судьбы судили,
жизнь выбирали
детям людей,
жребий готовят.

Контекст несколько усиливает «Видение Гюльви», 15:

Þar stendr salr einn fagr undir askinum við brunninn, ok ór þeim sal koma þrjár meyjar, þær er svá heita: Urðr, Verðandi, Skuld. Þessar meyjar skapa mönnum aldr. Þær köllum vér nornir.

Под тем ясенем у источника стоит прекрасный чертог, и из него выходят три девы. Зовут их Урд, Верданди и Скульд. Эти девы судят людям судьбы, мы называем их норнами.

И далее, «Видение Гюльви», 16:

Enn er þat sagt, at nornir þær, er byggja við Urðarbrunn, taka hvern dag vatn í brunninum ok með aurinn þann, er liggr um brunninn, ok ausa upp yfir askinn, til þess at eigi skuli limar hans tréna eða fína. En þat vatn er svá heilagt, at allir hlutir, þeir er þar koma í brunninn, verða svá hvítir sem hinna síu, er skjall heitir, er innan liggr við eggskurn.

И рассказывают, что норны, живущие у источника Урд, каждый день черпают из него воду вместе с той грязью, что покрывает его берега, и поливают ясень, чтоб не засохли и не зачахли его ветви. И так священна эта вода, что все, что ни попадает в источник, становится белым, словно пленка, лежащая под скорлупой яйца⁴.

Отрывок интерпретируется обычно следующим образом. Мировой ясень Иггдрасиль содержит в пределах своих ветвей и корневой структуры миры богов, гигантов, карликов, и, что важнее всего, Мидгард, мир людей. Действия трёх норн влияют на эти миры. Их акт поливки дерева миры поддерживает; деяния норн влияют, к добру или к худу, на жизни и дела людей. Они

⁴ Здесь и далее перевод «Младшей Эдды» О. А. Смирницкой.

творят законы, наделяют жизнью или выбирают её, и указывают или устанавливают судьбы людей. Деятельность норн представляется работой судьбы; они управляют прошлым, настоящим и будущим отдельных людей и всего человечества. Норн часто приравнивают к классическим богиням судьбы (греческие Мойры, римские Парки), и Источник Урд поэтому становится Источником Судьбы. Эта интерпретация кажется разумной и звучит правдоподобно; однако есть в связи с нею также и некоторые затруднения.

Мало причин сомневаться в первоочередной важности Мирового Дерева как символа значительной части мироздания в представлениях ранних скандинавских народов. Его место и в «Прорицании вёльвы», и в «Видении Гюльви» это подтверждают. Его центральное положение тесно, хотя и не прямо, связано с людьми. Непосредственно Древо связано всегда с миром асов, богов, которых возглавляет Один, что сильнее всего влияют на людские дела. Само имя Иггдрасиль выводится из атрибута Одина, и именно асы ответственны, среди прочего, за создание Мидгарда и своего собственного мира-города Асгарда («Видение Гюльви», 8-9). Асы тесно связаны с Иггдрасилем и Источником Урд:

Dá mælti Gangleri: «Hvar er höfuðstaðrinn eða helgistaðrinn goðanna?»

Hárr svarar: «Þat er at aski Yggdrasils. Þar skulu goðin eiga dóma sína hvern dag.»

(...)

Норны. Й. Герт (Johannes Karl Gehrt, 1889).

Askrið er allra trjá mestr ok beztr. Limar hans dreifast um heim allan ok standa yfir himni. Þrjár rætr trésins halda því upp ok standa afarbreitt. Ein er með ásum, en önnur með hrímþursum, þar sem forðum var Ginnungagap. In þriðja stendr yfir Niflheimi, ok undir þeiri rót er Hvergelmir, en Niðhögggr gnagar neðan rótina. En undir þeiri rót, er til hrímþursa horfir, þar er Mímisbrunnr, er spekð ok mannvit er í fölgit, ok heitir sá Mímir, er á brunninn.

(...)

Þriðja rót asksins stendr á himni, ok undir þeiri rót er brunnr sá, er mjök er heilagr, er heitir Urðarbrunnr. Þar eiga goðin dómstað sinn.

Тогда спросил Ганглеру: «Где собираются боги или где главное их святилище?»

Высокий ответил: «Оно у ясеня Иггдрасиль, там всякий день вершат боги свой суд».

(...)

Тот ясень больше и прекраснее всех деревьев. Сучья его простерты над миром и поднимаются выше неба. Три корня поддерживают дерево, и далеко расходятся эти корни. Один корень — у асов, другой — у инеистых великанов, там, где прежде была Мировая Бездна. Третий же тянется к Нифльхейму, и под этим корнем — поток Кипящий Котел, и снизу подгрызает этот корень дракон Нидхёгг. А под тем корнем, что протянулся к инеистым великанам, — источник Мимира, в котором сокрыты знание и мудрость. Мимиром зовут владельца этого источника.

(...)

Под тем корнем ясеня, что на небе, течет источник, почитаемый за самый священный, имя ему Урд. Там место судьбища богов.

(«Видение Гюльви», 15)

Можно предположить, что правосудие и суд богов и забота норн очень тесно связаны. Они происходят в одном и том же месте и вся эта деятельность касается мира людей.

В «Прорицании вёльвы», 20 сказано, что норны «создают законы» (*lög leggja*), «выбирают жизни» (*lif kjósa*) сынам людей, и «устанавливают или отмечают судьбу»⁵

⁵ Так у автора. В оригинале — «говорить судьбу».

(*örlög segja*). В это может быть включено, вероятно, интерполированное действие «резания дерева»⁶. Поскольку германской поэзии свойственно подобные меж собой признаки связывать в последовательном тексте, вероятно, что различные действия норн, сгруппированные здесь, нужно воспринимать как связанные аспекты их всеобщего, нераздельного предназначения. Внимательное рассмотрение сказанного на древнескандинавском (*ON*) языке будет полезно. Древнескандинавское *lif kjósa* столь же неопределённо, как фразо-перевод «выбирать жизнь». Было бы слишком ограниченным видеть в этом только акт выбора смерти, финальной границы человеческой жизни, как есть искушение сделать. Начало жизни, рождение, не является исключением, как и любое событие непосредственно в ежедневном течении жизни. Выражение *lög leggja* является обычным термином в древнескандинавском для действия создания законов, но буквальное прочтение подразумевает кое-что ещё. *Leggja* означает «класть», «устанавливать» или «делать». *Lög* (множественное число от *lag*) буквально означает «слой (пласт, страта)», или «то, является залегающим или сложенным». *Lög leggja*, таким образом, означает: «складывать то, что будет лежащим внизу», или: «укладывать вниз» или: «складывать слои». В этом есть сильное ощущение физического (усиленное в действии «резания дерева»). Конечно же, *lög* встречается снова в *örlög seggja*: «говорить или возвещать *ör*-пласта,

⁶ В оригинале и английском переводе речь идёт именно о резании по полену (дереву) — *skáru á skíði*, и только в русском переводе — о вырезании рун («резали руны»).

ør-вещи-лежащей-ниже, *ør*-закона». Фраза обычно переводится на английский как *to set fate*, «устанавливать фатум-судьбу», но фатум-*fate* — не германское слово. Если бы значение слова *fate* было ограничено значением «то, что было сказано» или «то, что было сложено/уложено вниз», тогда перевод контекста был бы верен, если же нет, это вызовет проблемы. Что точно означает, что норны говорят, возглашая *ør-lög*? Префикс *ør* означает нечто, что за пределами или выше обычного [I] Это подразумевает нечто первого или первичного значения, но не указывает на шкалу, по которой значение будет измерено; поэтому скорее префикс передаёт неопределённые «над» и «за пределами». Таким образом, *örlög* есть «первичный закон» (по значению), «высший закон» (по уровню), «самый ранний закон» (по времени), «первый закон» (по последовательности) и так далее. Если взять более буквальное прочтение, то *lög*, *örlög* являются «наиболее значимым, что сложено внизу», «самым ранним, что завершено/совершено» [II]. В дополнение к действиям, описанным в «Прорицании вёльвы», «Видение Гюльви», 16 добавляет акт полива Мирового Древа Иггдрасиль, чтобы сохранить его «вечно-зелёным». В этом суть продолжения жизни Древа. Норны питают и поддерживают его, таким образом их деятельность обладает позитивной и порождающей силой. Священная вода, которая питает, исходит из источника Урд.

Норны представляют собой могущественную, дрящущую, восстанавливающую силу в мироздании.

Блюдо с тремя Норнами (роспись по дереву, фрагменты). Автор Edita-WoodCarver (найден в Интернете)

Они регулярно возглашают «первичный закон» или «складывают в слои-страты то, что было совершено» и они регулярно влияют на жизни людей. Эти, казалось бы, разрозненные действия объединены и включены в миф о Мировом Древе и Источнике Урд. Значимые аспекты мифа лежат в его повторяющейся, поддерживающей характеристике и качестве физического контроля и влияния, представленной в идее «слоёв-страт» в *lög* и в действиях по поливу Древа. Возможно, второе существенно дополнено в «Видении Гюльви», 16, где действие полива связано со смешиванием «глины» со священной водой, подразумевая тем разновидность слоя или напластования-страты. Все эти уровни повторяются и наслаиваются, растущие, как это было сказано, слой за слоем, деяние за деянием. Поскольку *örlög* возглашается непрерывно и слои действий прибавляются за слоями, вид универсального идеала представлен в мифе, в котором всё растёт и процесс этого роста связан непосредственно с его происхождением. Возглашать *örlög* означает, таким образом, учитывать всё, что происходит в связи со всем, что уже произошло. Теперь становится понятнее опасность перевода *örlög* именно как *fate*-фатум. Для нас рок или фатум челове-

ка подобны подтверждению современного знания о том, что существует, что, как мы верим, произойти предопределено. Норны, однако, говорят о том, что уже было, что уже известно. Явное упоминание о предопределении или предвидении отсутствует и в приведённых в отрывках, и в самом северном универсальном мифе. Идеи предопределения и предвидения, конечно, постоянно связываются с деятельностью классических божеств судьбы, и нет ничего удивительного, что норны с довольно древних времён с ними идентифицированы. И Эпинальский и Эрфуртский глоссарии, и Англо-Саксонский глоссарий восьмого века передают латинское *parcae* (парки) как *wyrdae* (Sweet 1885: 86). Слово *Wyrd* является этимологическим древнеанглийским эквивалентом древнескандинавского *Urth*, и множественное *wyrdae* поддерживает идею о том, что норны действуют как группа (термин, эквивалентный древнесеверному *norðir* в древнеанглийском не встречается). Какими полагает христианский глоссарий восьмого века функции парок? Исидор Севильский в своей «Этимологии» (622-23 гг.) обсуждает судьбу (фатум) и Парок:

Fatum autem dicunt esse quidquid dii fantur, quidquid Iuppiter fatum. A fando igitur fatum dicunt, id est a loquendo.

92 *Tria autem fata fingunt in colo et fuso digitisque filum ex lana torquentibus, propter tria tempora: praeteritum, quod in fuso iam netum atque involutum est: praesens, quod inter digitos neentis traicitur: futurum, in lana quae colo implicata est, et quod adhuc per digitos neentis ad fustum tamquam praesens ad praeteritum traiciendum est.* 93 *Parcae κατ' ἀντίφρασιν appellatas, quod minime parcant. Quas tres esse voluerunt: unam, quae vitam hominis ordiatur; alteram, quae contextat; tertiam, quae*

rumpat.

Как считается, судьба (*fatum*) это то, что предназначено богами, [или иначе говоря это] то, о чём сказал Юпитер. Считается, что это слово '*fatum*' (судьба) происходит от [слова] '*fando*' (рассказывать), или по-другому — '*loquendo*' (говорить).⁷

92 Три судьбы (*fata*) посредством веретена, пряжи и вытягивающих из шерсти нить пальцев образуют три времени: прошлое, которое уже превращено из шерсти в нить и намотано [на веретено], настоящее, которое [в данный момент] проходит через пальцы пряжи, и будущее, которое [пока] заключено в шерсти, что на веретене и которое [в скором времени] должно будет под пальцами пряжи превращаться в пряжу подобно тому как [всякое] настоящее [со временем превращается] в прошлое. 93 Парки занимаются тем, что прямо противоположно (греч. κατ' ἀντίφρασιν) их названию, поскольку [в действительности] они совершенно лишены жалости⁸; считается, что всего их три: одна — зачинает жизнь человека, вторая — определяет её продолжительность и содержание, а третья — [безжалостно] обрывает.⁹

(Гримм (*Grimm* 1900; 1-405))¹⁰ [III]

Здесь изложены два наиболее часто встречающихся и цитируемых аспекта богинь судьбы: трёхчастные начало, середина и конец человеческой жизни и соответствующая трёхчастная схема времени, связывающая прошлое с настоящим и с буду-

⁷ Исидор Севильский, *Этимологии* (VIII, 11.90) (примечание к латинским источникам, их перевод и толкование отдельных терминов здесь и далее подсказаны А.С.Досаевым, которому искренняя благодарность за помощь);

⁸ Лат. *parco*: жалеть, щадить (прим. А.С. Досаева).

⁹ Исидор Севильский, *Этимологии* (VIII, 11.92-93) (прим. А.С. Досаева)

¹⁰Примечание переводчика: вопреки сказанному автором в примечаниях в конце главы и перевод, и текст оригинала в данной цитате приведены к классической редакции, расширенной по сравнению с приводимым автором отрывком Гримма.

шим. Не важно, является донесённая до нас Исидором информация его собственным измышлением или он передаёт общепринятое представление своих дней. Мы знаем, что его идеи сделались или остались всеобщими. Современный человек так проникся этим представлением, что оно повторялось без особых вопросов до самого последнего времени. Grimm собственноручно сыграл решающую роль в доверии к этой идее:

В трех собственных именах [т.е. именах норн — Урд, Верданди и Скульд] нельзя не узнать формы отглагольных существительных или прилагательных: *Urðr* взято из множественного числа претерита [pret. pl., форма прошедшего времени] от *verða* (*varð*, *urðuni*), «становиться», *Verðandi* является причастием настоящего времени (pres. part.) от того же слова, и *Skuld* причастием прошедшего времени (past part.) от *skula*, «быть должным», вспомогательного глагола для образования будущего времени. Таким образом, мы имеем то, что было, что есть, и что будет, или прошлое, настоящее и будущее, очень метко обозначенные, и Судьбу-*Fate*, руководящую каждым. (Grimm 1900 1-405)

Эта идея троичности времени порою всплывает в комментариях, подобных следующему: «В *Völuspá* ...богиня судьбы [*Urðr*] видится вместе с двумя другими, *Verðandi* (Настоящее?) и *Skuld* (Будущее), вероятно, присоединёнными позже, как определяющая течение жизни людей»

(Turville-Petre 1964: 280).

Норны. А.Шатунов, 2014 г.

В классической концепции мойр (Μοῖραι) или парок (*Parcae*) мало что позволяет предположить временную арку настоящего, прошлого и будущего. Наши ранние записи о Μοῖραι изначально содержали неопределённое упоминание «множестве» их, и только потом их образ утвердился как образ трёх прях: Клото (Κλωθώ, от корня, который означает «вращение» или «вертено»), Лахезис (Λάχεσις, «доля, дающая жребий», ср. Λάχο, «доля, часть»), и Атропос (Ἄτροπος «неотвратимая, неизменная»). Эти имена, интересные сами по себе, являются сравнительно недавними, и не столь информативны, как родовое имя μοῖρα.

Μοῖραι и μοῖρα непосредственно выводятся из μεῖρομαι, в котором εἰ + *μάρτο является полным страдательным залогом (*perfect passive*), и εἰ + *μάρто плюсквамперфектом пассивной формы (*pluperfect passive form*). Μεῖρομαι является средней формой, которая

означает «получать часть чего-либо» (почти — «получить как нечто причитающееся»). Этот глагол имеет значение пассива (*passive sense*), «быть разделённым с», лишь один раз [у Гомера]. (*Dietrich 1965: 11*)¹¹

Корень **smer* — «думать, помнить, разделять» является основой *мо́ра*, которое часто имеет значение просто «порция, часть, доля» чего-либо, так же как значение «судьба, рок» у Гомера. Этимология была бы полезна, но она не вполне ясна. «Если концепция *мо́ра*-судьба развивалась из *мо́ра*-часть, из чего состояла эта «часть»?» (*Dietrich 1965: 12*). С другой стороны, не исключено, что божество *Мо́ра* существовало раньше идеи *мо́ра*-части и таким образом главенствует над всеми действиями мышления, рассуждения и т.д. (*Dietrich 1965: 11-13*).

Когда и если «судьба» стала персонифицироваться как «часть» или «часть» стала абстракционироваться как «судьба» — для нашей темы не важно. Природа вещей в любом случае такова, что любой вариант означает присутствие могучей силы, которая стоит на пересечении этого мира и мира вне его, и управляет делами людей там, где они касаются этой большей реальности [IV]. Культовые представления об этой силе (как о *Мо́ра*) являются хтоническими по своему происхождению и первоначально связывались со смертью в надписях и гимнах, а так же с растительностью (*Dietrich 1965: 76-77*). Они так же проявляются относительно рано как «прядущие жребий человека» (*Bianchi 1953:*

205-20), и они часто изображаются как присутствующие при рождении человека (*Dietrich 1965: 79-80*).

Классические образы парок-*Parcae* являются римским развитием божеств, что, по-видимому, были древними италийскими божествами деторождения. По крайней мере два из трёх латинских имён (*Nōna*, *Decima*, *Morta*) подразумевают время или номера, и их обычная интерпретация отсылает нас к периоду беременности, с тем результатом, что любая из этих судеб-*fate* будет управлять рождением человека: *Nōna* (от *nōnus*, «девятая») рождением выношенного, *Decima*, «десятая» рождением переносимого, или *Morta* (от *mors*, «смерть») рождением мёртвого плода [V]. Общее имя *Parcae*, возможно, происходит от *parere* «носить (детей)». Однако очень рано в истории италийской культуры древние римские *Parcae* были приравнены к греческим *Мо́ра*. Вероятно также в это время (конец четвёртого, начало третьего вв. до н.э.) латинские *fatum*, *fata* «та, что говорит» (от *fari*, «говорить») были ассоциированы с корнями глаголов, лежащих в основе *Мо́ра*. «Два самых старых примера, что мы имеем и что соединяют глагол *fari* с идеей судьбы, принадлежат «Одиссее» Ливия Андроника (*Odisia*, *Livius Andronicus*) и «Анналам» Энния (*Annales*, *Ennius*) [оба относятся к III в. до н.э.]. Составитель, что пишет на латыни, но думает по-гречески, приравнивая... Парок, одну из которых он именуется, к *Мо́рам*...: *quando dies adueniet, quem profata Morta est* («когда наступит тот день, который назначила *Морта*») ¹² (*Dumézil 1970:500*). Кроме того, в тот же

¹¹ В отрывке греческие формы взяты из книжного издания Бауцаца, которое отнюдь не лишено опечаток.

¹² Сама эта фраза — цитата из латинского перевода «Одиссеи» (*Od. 2, 99-100*). Ливием Андроником (прим. А.С. Досаева)

самый периода три плиты-*cippi*¹³ дают нам надписи *Neuna fata*, *Neuna dono*, *Parca Maurtia dono*, которые были обнаружены около античного Лавиниума (*Lavinium*). Имена *Nōna* и *Morta*, хотя и в дифтонгизируемой форме, являются распознаваемыми. «Эпитет *Fata*, кажется, указывает, что уже в это время, в Лавиниуме эти образы были связаны с судьбой» (*Dumézil* 1970: 500-1). Путь развития образов парок в божества судьбы таким образом ясно прослеживается вплоть до греческого влияния в италийской культуре.

Норны имеют много общих черт как с *Moīrai*, так и с *Parcae*. Все они существуют в своей окончательном формализации как группы по три, хотя подразумевается, что в основе их образа лежат либо неопределённое множество (например, божеств покровительствующих индивидуальному рождению у парок) или единственная абстракция (разделение, правосудие), умножившаяся через многочисленные персонификации. Таким образом, мы находим проявление вместе понятия (*Wyrd*, *Moīrai*) и их персонификации (*wyrdæ*, *moīrai*). Абстракции и проявления, что развивались в каждой группе, являются жизненно важными для дел людей: рождение, наделение жизнью, управление родами, выбор жизни и т.д. Всё это означает плодородие и (по крайней мере, по отношению к нормам и *Moīrai*) произрастание. В конечном счете, все они связаны с идеей смерти, как (кажется) частью жизни. Как классическая, так и германская концепция вытекают из идеи извлечения-парцилляции, разделения, распре-

деления, наделения; в обеих концепциях роль человека относительно пассивна. Создание законов и «укладывание-установление слоёв-страт», столь важное в деятельности норн, заставляет вспомнить о непреклонной твёрдости имени Атропос.

Есть, однако, фундаментальные различия между классической и германской божественными группами. Парки, хоть их происхождение и неизвестно, кажутся «личными» божествами, властвовавшими над делами отдельных людей. Норны и *Moīrai* (и, в итоге, парки, какими они становятся под влиянием греческого мышления) контролируют не только отдельные случаи, но весь ход человеческих событий. Природа контроля в каждой группе различна. Джагер (*Jaeger*), комментируя поэзию Соллона, описывает очевидную природу контроля Мойр: «сам провидец не может предотвратить... несчастье, даже если он видит, что оно надвигается... центральная мысль ... четко выделяется: Мойра, Судьба, делает все человеческие усилия принципиально ненадёжными, пусть всерьез и исходя из логики так может показаться; и эта *Moīrai* не может быть предотвращена путем предвидения, хотя ... страдания, причинённые действующей силой могут быть предотвращены» (1945: 145). *Moīrai*, таким образом, стоят перед всеми событиями, что происходят на земле. *Wyrd* (общий термин для деятельности и контроля, связанного с нормами) также стоит в стороне от человеческих дел, но при этом не находится в позиции предвидения таким явным образом, как для *Moīra*. *Moīra* (и *moīrai*) стоят перед событиями этого мира и управляет преобразованием настоящего в будущее (или, лучше ска-

¹³ *Cippi* — надгробный памятник, могильная плита, один из основных источников античной эпиграфики (прим. А.С. Досаева).

зять, работают над будущим в настоящее время). Вирд (и норны) управляют преобразованием прошлого в настоящее (или, точнее, работают в настоящем над прошлым)¹⁴.

Ни мойры, ни парки, ни норны не были в основном или в первую очередь связаны с определения временной непрерывности прошлого, настоящего и будущего. Если такая функция действительно в конечном счете добавляется к основным интересам норн и парок, и, видимо, так и было, или Исидор бы не чувствовал себя обязанным об этом писать, она появилась позже, в пост-классические, в пост-древнегерманские времена. Но что с утверждениями братьев Гримм, уже приводившимся выше, что в «именах норнами имеем мы то, что было, то, что есть, и что должно быть, или прошлое, настоящее и будущее»? Если это так, то, выходит, существуют весьма веские свидетельства в германской системе, указывающие на работу со временем как один из аспектов функций норн. Гримм правильно связывает имена с глаголами *verða* и *skula*. В *Verðandi* ясно видно причастие настоящего времени от первого, и *Skuld* с лёгкостью соответствует причастию прошедшего времени от последнего. Имя *Urð* определяется не так легко. *Verða*, третье спряжение сильного глагола (*third-conjugation strong verb*), продвигает переход к основе *urð* и в претерите множественного числа (*preterite*

¹⁴ В оригинале: *Moíra* (and the *Moíra*) stands before the events of this world and governs the working out of the present into the future (or, better, the working in of the future into the present). *Wyrd* (and the *Norns*) governs the working out of the past into the present (or, more accurately, the working in of the present into the past) (c).

plural) (как утверждает и Гримм) и в своем причастии прошедшего времени (*past participle*). Для Гримма форма претерита множественного числа, казалось наиболее вероятным источником, потому что он увидел три имени, что состояли в отношении прошлое-настоящее-будущее; *Urð* представляет прошедшее время и в претерите, *Verðandi* поддерживает настоящее время и в причастии настоящего времени (*present participle*) и *Skuld* — хотя это причастие прошедшего (*past participle*) — обеспечивает будущее время, поскольку Гримм находит, что «*skula, shall, [будет]* вспомогательным, с помощью которого формируется будущее время». Здесь аргументы Гримма слабы. *Skula* или *skulu*, хотя это часто означает то, что мы называем «будущим временем», ни в коем случае не является вспомогательным глаголом будущего времени в древнескандинавском. Оно несет гораздо большую силу обязательства или необходимости; «что должно быть» в древнескандинавском это есть «то, что необходимо». *Skulu* наиболее часто встречается в контексте, выражающем обобщенное, универсальное настоящее, то есть в общих выражениях о том, что происходит постоянно:

*Körmt ok Örmт
ok Kerlaugar tvær,
þær skal Þórr vada
dag hvern,
er hann dæma ferr
at aski Yggdrasils,
því at ásbrú
brenn öll loga,
heilög vötn hlóa.*

(*Grímnismál* 29:63)

Көрмт и Эрмт
и Керлауг обе
Тор вброд переходит

в те дни, когда асы¹⁵
вершат правосудье
у ясеня Иггдрасиль;
в ту пору священные
воды кипят,
пламенеет мост асов
(«Речи Гримнира», 29)

Часто это слово используется в эпиграмматических выражениях, призванных передать определения или прописные истины:

*Ósnotr maðr
þykkisk allt vita,
ef hann á sér í vá veru;
hittki hann veit,
hvat hann skal við kveða,
ef hans freista firar.
(Hávamál 26: 21)*

Муж неразумный
все знает на свете,
в углу своем сидя;
но не найдет он
достойных ответов
в дельной беседе.
(«Речи Высокого», 26)

Внимательное изучение «Прорицания вэльвы», «Речей Высокого» и «Речей Гримнира» не показывает ни одного появления *skulu* как в первую очередь, выражающего собственно «будущее» время, хотя некоторые случаи, по нашим представлениям, его подразумевают [VI]. Все случаи, однако, выражают принуждение,

обязательства, необходимые постоянное действие, и так далее [VII]. Такие обязательства подразумевают непрерывное «настоящее», которые логически распространяется на «будущее» в некоторых случаях, но *skulu* непосредственно не означает таких временных условий.

Если не временную последовательность, то что же имена трех норн означают? Дэвидсон (*Davidson 1964: 26*) толкует их как Судьба (*Urðr*, англ. *Fate*), Сущее (*Verðandi*, англ. *Being*), и Необходимость (*Skuld*, англ. *Necessity*). Как указал Гехл (*Gehl 1939: 96-105*), *Skuld*, конечно, имеет отношение к необходимости, но толкование «Сущее» и «Судьба» для *Verðandi* и *Urð* не выражают их базовое подобие их друг другу и породившему слову, глаголу *verða* (древнеанглийское (OE) *weorþan*, древнефризское (OFris.) *wertha*, древнешведское (OS) *werðan*, древневерхненемецкое (OHG) *werdan*, готское *wairþan*). Глагол, очевидно, был распространён во всех ранних германских языках и сохранился в большинстве их современных потомков. Существенным исключением является английский, где, за исключением таких необычных и устаревших выражений как *woe worth the day* («будь проклят день»), он исчез [VIII]. *Verða* происходит от индоевропейского (IE) корня **uert-*, который обозначает вид движения, с общим смыслом «поворачивать, вертеть, вращать». В индоевропейских языках он используются широко, например, в древнеиндийском (OInd.) *vártate* «вращать», лат. *vertere* «поворачивать», и в славянском корне **v'ert-* «круговое движение», распространённом в различных комбинациях в большинстве славянских языков: древнеславянское (OSlav.) *vratiti*, русск. «вер-

¹⁵ Интересно, что оригинале этот отрывок звучит несколько иначе, чем в русском переводе А.Корсуна: «Кёрмт и Эрмт, и Керлауг две те Тор должен/будет переходить вброд день каждый, когда он идёт судить к ясеню Иггдрасиль, ибо/поэтому мост асов весь горит пламенем, священные воды кипят». Т.е. судьей под Иггдрасилем выступает Тор, и под кипением здесь имеется в виду не просто бурление, а именно кипение горячей воды (от пламени моста?) — хорошо знакомое исландцам кипение гейзеров.

теть», польск. *wiercić* («бурить, сверлить») и т.д. Базовая идея *Verða* содержит этот элемент «поворота» и, вероятно, представляет собой своего рода изменения местоположения или переориентации в пространстве. Её смысл развивается логически от «поворота (из одного места или позиции в другую)» > «поворота к» > «становлению». Это явление не уникально для этого глагола или германских языков:

Der Bedeutungswandel "drehen > geschehen, sich ereignen" ist auch sonst belegbar. Englisch *to turn* "drehen" und spanisch *volverse* "sich drehen" bedeuten auch "geschehen"; auch altindisch *vártate* "dreht sich" nimmt gelegentlich die abstrakte Bedeutung "geschieht" an (vgl. lat. *bene vertere, honori verti. . .*); ungarisch *elöl'ordulni* "vorkommen" bedeutet wörtlich "sich nach vorne drehen" (*Mittner* 1955:91).

Изменение значения слова «drehen (вращать, крутить)>geschehen (происходить, случаться), sich ereignen(случаться)» также имеет место. Английское *to turn* «поворачивать» и испанского *volverse* «поворачивать» так же означают «происходить»; так же санскритское *vártate* «поворачиваться» выступает иногда в абстрактном значении «случаться» (вульг. латынь: *bene vertere, honori verti. . .*); венгерское *elöl'ordulni* «происходить» буквально означает «вращаться вперёд» (*Митнер* 1955:91)¹⁶.

Кроме того, движение «поворачивания» или «изменения положения», найденного в

¹⁶ Здесь и далее переводчик искренне благодарит за помощь с отрывками на немецком языке И.Р. Сайгина.

**uert*-предполагает вращение или движение вокруг оси. Такое движение предполагает возвращение к исходной точке (как во вращающейся двери), или по крайней мере приблизительно к такому как исходное (как в винтовом движении). Таким образом, нечто превращаясь во что-то ещё, будет сохранять часть или всё от самого себя или воз-вращаться, по крайней мере частично, к своему исходному состоянию. Это противоречивая природа изменения и сохранения заложена в значении *verða* и слов, связанных с ним в германских языках. Если *Verðandi* и *Urð* семантически связаны, *Verðandi* становится тем, что в процессе «поворачивания-превращения» или «становления», и *Urð* будет тем, что «повёрнуто-превращено» или «установлено». Кажется логичным, что корень *Urð* также является формой причастия прошедшего времени, как и имена двух других норн, тоже основанные на причастиях. Концептуально, это кажется подобным тому, что все три будут по строению причастиями, если их действия должны быть приняты в качестве связанной группы. Использование причастий обеспечивает объединяющей семантической элемент, возможно что-то вроде «процесса» и «завершения», без дополнительных ограничений, возникающих при получении форм глагола, отмеченных временем, залогом, склонением, и т.д. [IX]

Если мы решим поделить сферы влияния норн среди них трёх, то их имена предполагают, что они определяют то, о чём мы обычно думаем как об всеобщей области глагольного действия: *Urð* отражает действия проявленные, доведённые до полного, ясного, наблюдаемого осуществления; они «стали»; они свершились. *Verðandi* четко отражает в настоящее время происходящий процесс всего, что в конечном итоге выражает

Urð. Две норны тесно связаны, влияние *Verðandi* перетекает непосредственно к *Urð*. Поскольку действия переходят от *Verðandi* к *Urð*, они перемещаются из области «становления» в область того, что «стало». Так как *Skuld* вовлечена в необходимые или обязательные действия, она стоит немного в стороне от двух других норн. Она, кажется, даёт отсылку к действиям, воспринимаемым как что-то обязательное или о которых известно, что они произойдут; то есть, необходимость их «становления» так сильно ощущается или столь несомненно известна, что они представляются пригодными для включения в сферы *Verðandi* и *Urð*.

Если все возможные деяния в созданной вселенной, будь то деяния людей или богов, рассматриваются как лежащие в пределах области влияния норн, потому что именно они поддерживают Мировое Древо, то все эти деяния должны находиться в пределах тех действий, что необходимо происходят, тех, которые происходят, и тех, которые происходили. Это трехсторонний деление еще позволяет сократить временную схему будущего-настоящего-прошлого, с «будущим», определяемым *Skuld*, норной необходимостью. Такое сокращение приведет нас непосредственно к представлениям германской космологии, где доминирует «будущее», которое каким-то образом необходимо, предопределено, и предуготовано. Тем не менее, мало что в любой области остатков известной нам германской культуры позволяет предположить, что это правда. Если бы это было правдой, то можно ожидать довольно ощутимого акцента на деятельности *Skuld*, как подразумевает её предполагаемое отношение к будущему.

Мы могли бы ожидать приблизительно такого же акцента, какой, например, средневековая христианская Европа делала на деятельности Госпожи Фортуны (*Dame Fortune*) и её колесе, влиявших непосредственно на будущее людских дел. Наоборот, такого акцентирования со *Skuld* не происходит. Помимо упоминания в «Прорицании вёльвы», 20, где она просто названа по имени, и второго упоминания в «Прорицании вёльвы», 30, где она связана с валькириями, она дополнительно в скандинавской мифологии не упоминается [X]. По редкости ссылок *Skuld* превзойдена только *Verðandi*. Помимо своего упоминания в «Прорицании вёльвы», 20 (и соответствующего расширения этого места в «Младшей Эдде»), более ссылок на неё нет нигде. Не так с *Urð*. Она упоминается снова и снова. Кроме того, если мы примем во внимание, что её имя используется как нарицательное, которое выражает деятельность всех норн в целом (древнеанглийское (OE) *wyrd*, древнесаксонское (OS) *wurd*, древневерхнемецкое (OHG) *wurt* и т.д.), она получает первостепенное значение в большей части германской литературы и в самой древней германской культуре. Именно из её источника норны набирают воду, которая питает Иггдрасиль. Если какой-либо один норна и имеет преобладающее значение, то это *Urð*.

Это значение *Urð* среди норн не является идеей оригинальной или новой. Большинство комментаторов германской религии и мифологии упоминают её в той или иной форме. Есть, конечно, разногласия по поводу её значения для космологической системы. Она чаще всего описывается как норна прошлого, и можно принять это, до тех пор,

пока мы имеем в виду, что прошлое не является третьей от триады прошлого-настоящего-будущего. Германской прошлое более точно есть область опыта, включающего все совершенные действия всех существ: людей, богов, и т.д. Оно вечно возрастающее, и оно имеет прямой, непосредственный, питающий и поддерживающий эффект влияния на мир, который люди воспринимают как жизнь, подобно тому, как вода из Источника Урд питает Иггдрасиль. Связь эта предполагает постоянное, поддерживающую вторжение прошлого в нынешнее существование. События, условия и трудности текущей жизни, поэтому, находятся под влиянием области *Urð*. Не удивительно обнаружить, что *wyrd* используется для пояснения не только латинского *Parcae* как *wyrdæ* и *fortuna* и *fatum* как *wyrd*, но так же *fors*, *sortem*, *condicionem*¹⁷ как *wyrd* (Sweet 1885: 566). *Urð* имеет отношение не только к событиям прошлого, но и к расстановке событий в мире людей. Такое взаимодействие событий прошлого и настоящего привело некоторых недавних комментаторов к тому, чтобы увидеть область действия *Urð* как представляющую собой либо течение времени либо ход событий [XI]. Ни одно из этих предположений, видимо, не является неправильным, но оба требуют пристального внимания, чтобы быть полностью понятыми. Нет никакой гарантии, что течение времени, ощущаемое сознанием древних германцев будет чем-то подобным тому, что мы ощуща-

ем сегодня; на самом-то деле, большей части того, что было сказано выше, вполне достаточно, чтобы это, очевидным образом, было не так. Ход событий, над которым властна *Urð*, это больше, чем скопления свершившихся действий; *Urð* раскрывает схему и последовательность всех событий как они выстраиваются и выходят в современный мир; она иллюстрирует фундаментальное значение *örlög*, «первичных» событий, сложенных в самые ранние времена, чьи паттерны определяют и структурируют события, что происходят в мире людей сейчас.

Значение *Urð* также усиливает анализ её основного символического атрибута в мифе: это *Urðarbrunnr* (или, в другой его формы, *Urðarbruðr*), Источник Урд. Как и с именем *Urð*, есть некоторые трудности для говорящих на современных германских языках, особенно на английском, в понимании истинной природы этого *brunn*. Современный английский утратил все этимологические производные данного слова, за исключением таких метатезисных диалектных форм, как *bourne* или *burn* со значениями «поток, промоины». Однако слово сохраняется в различных формах в других германских языках с довольно широким диапазоном значений. Обычная английский перевод «источник» только приблизительно передаёт древнесеверный оригинал, и делает это не вполне удовлетворительно.

В исландском языке *brunnr* относится чаще к роднику или источнику, особенно к расположенному в центре чего-либо. Это «общее для всех, высокое и низкое, например, в пословицах (*allir*) *eiga sama til brunns að bera*, (все) черпают из одного источника, т.е. (все) имеют те же потребности, желания и тому подобное;

¹⁷ *fors* – случай; *sortem* (именит. пад.: *sors*) – доля по жребью, предсказание оракула; *conditionem* (именит. пад.: *conditio*) – участь, обстоятельства. (прим. А.С. Досаева)

или *allt her að sama brunni*, всё возвращается в тот же источник (всё возвращается к своему истоку, на круги своя), всё идёт своим путём... Слово также может быть использовано для обозначения проточной воды, хотя это и не принято в исландском, где делается различие между *brunnr* и *lækur* [небольшой поток, ручей]» (*Cleasby et al.*, 1957: 83). Различные оттенки смысла, находимые в исландских текстах, регулярно повторяются в других скандинавских языках. Норвежский *brønn* (*bokmål*, «книжная речь», языковой стандарт норвежского) или *brunn* (*nynorsk*, второй стандарт норвежского), оба в целом обозначают «источник». Различные формы употребления *brunn-* в этих диалектах часто обозначают, однако, то, что в английском языке будет легче назвать *cistern* (цистерна, резервуар, вместилище). Версии самого слова *cistern* также встречаются в скандинавских языках, но они являются недавними заимствованиями и, кажется, относятся исключительно к искусственным водным резервуарам. *Brunn-*, следовательно, будет относиться к источнику воды, наполненным каким-то «естественным» образом, которая имеет как особенность формы полу шахтоподобную структуру, иногда довольно глубокую, иногда сравнительно небольшую. Структура, кажется, погружена в или является естественной частью земли. *Brønd* в датском языке, например, относится либо к шахтоподобному источнику, нам известному, или к бассейнообразному месту сбора воды. В шведском языке *brunn* наиболее часто используется в контексте минеральных источников и относится не только к собственно источникам, но и к минеральным водам, взятым из них.

Для выяснения смысла *brunn-* как можно полнее, мы должны думать не только о самом источнике-роднике, но и о других

атрибутах источников воды, которые слово подразумевает. Если мы начнем размышлять о колодце или роднике, то ясно, что оба представляют некоторые основные идеи: источник воды, своего рода ограждение-оболочка, которое фиксирует его в качестве точки в пространстве, и наличие активного процесса, что приводит к накоплению воды. Сегодня большинство из нас связаны с городом, и мы видим воду почти исключительно текущей из крана. Из книг мы представляем себе струю или родничок воды, бьющие из-под какой-нибудь затенённой, поросшей мхом скалы — холодный, маленький гейзер. Источники пробиваются почти исключительно в болотистой земле, однако, как правило, в низинах. Исток родника обычно довольно трудно найти. После того, как он будет найден, его, как правило, изолируют от болота, окружая стенками, чаще всего деревянными или каменными. Тут вода может подняться в нём явным образом, свободная от загрязнений из окружающей среды. Конечно, почти то же самое происходит с источником на более глубоком уровне. Эта способность собирать чистую воду, по-видимому неведомого происхождения, должны была когда-то казаться не только таинственной, но и сверхъестественной. Найти родник, то бьющий вверх, то опадающий, или источник чистой воды в грязном болоте — должно намекать на какое-то влияние, находящееся за пределами знаний простых людей. Так возникает идея *brunn-*, затем она включает вместилище, воду в нём, и мощную, активную силу, что позволяет воде бить и заполнить вместилище. Различное развитие значений слова в современных языках показывают разделение этих ранних присоединённых атрибутов. Шведская отсылка к целебным водам минеральных источников, кажется, предпо-

лагают правомерность магического влияния, обнаруживаемого в таинственной силе, которая заполняет источник за счет аспекта слова, указывающего на вместилище или фиксацию в пространстве. В датском оно используется для обозначения вместилища-бассейна сбора воды, при этом подразумевается акцент на на саму конструкцию за счет более мистического, активного, обеспечивающего водой аспекта. Во всех современных случаях используется, однако, как представляется, расширения одного или более аспектов слова, как это происходило в древнеисландском языке.

Данные других германских языков подтверждают эти выводы. В голландском *bron* переводится, в зависимости от контекста, как «источник, родник, ключ, фонтан, место, откуда фонтан бьёт», как мы и могли бы ожидать. Современный немецкий использует термин *Brunnen* аналогично. Гримм делит своё описание *Brunne* на два: во-первых, он делает комментарий о воде, которая есть *aus dem erdboden quellende, vordringende, sprudelnde wasser, unterschieden von dem fortrinnenden bach und flusz* («бьющая вверх, стремящаяся из земли вода, отличная от текущих по земле ручьёв и рек»¹⁸) (*Grimm and Grimm* 1860:433). Такая вода сохраняет «активный», «местоопределяющий» аспекты исландского смысла. Второе упоминание Гримма относится к вместилищу: *die gehegte, eingefaszte, ummauerte, zugedeckte quelle, oft auch die gegrabne, ausgehauene . . . sein wasser springt durch röhren (springbrunne) oder wird im eimer aus der tiefe gezogen* («закрытый, огороженный родник, окруженный стеной, часто выдолбленный ...

вода, бьющая по трубам (фонтан), или источник, откуда черпают ведром из глубины»¹⁹) (*Grimm and Grimm* 1860:433-34)). В немецком языке *Brunnen*, как и в шведском, используется для обозначения минеральных вод: *Brunnen trinken* (питьевой ключ, источник, питьевой фонтанчик) подразумевает «питьё минеральной или целебной воды». *Brunnen* является обычным термином для цистерны воды или бассейна её сбора или тарелкообразного, заполненного водой углублений фонтанчика (или для фонтана в целом). Слово также используется для обозначения шахты или водяного насоса. Даже в выражении *der Brunnen des Abgrunds* («бездна, бездонная яма или шахта») участвует по крайней мере один из исходных аспектов *brunn-*. Все эти аспекты можно найти в скандинавских языках: источник; его особые магические активные качества; аспект расположения; шахтообразное вместилище.

Только в английском отсутствуют какие-либо веские свидетельства в поддержку данной аргументации. Слово представлено как древнеанглийское (ОЕ) *burna* или *burne*, которое, кажется, что-то несёт в себе от идеи «источника», потому что оно используется для передачи латинского *fons* (источник) в древнеанглийском переводе Вульгаты [XII]. Что более интересно, однако, так это использование ОЕ *burne* для перевода латинского *latex* в *Corpus Gloss* (*Sweet* 1885 73). *Latex* — редкоупотребительное слово, означающее жидкость или жидкую среду (обычно воду) в «поэтическом» контексте. Если *latex* относится к какой-то особой воде исключительного качества, то, возможно, *burne*

¹⁸ Перевод с немецкого И.Р. Сайгина.

¹⁹ Перевод с немецкого И.Р. Сайгина.

со своим особым, активным аспектом легко подошло для англо-саксонского глоссария как подходящий перевод. Использование *burn* (или, позже, *bourne*) для представления о небольшом потоке впервые встречается около 1000 года и, кажется, расширяет активный, *vorderingen* (нем. архаич. «проникать, стремиться»²⁰) аспект слова за счет аспекта местоположения. Помимо этого, сказать нечего. Английский язык данное слово не сохранил.

Если Источник Урд, *Urtharbrunnr* — источник описанного выше рода, мы не должны удивляться, что он представляет собой не только источник воды, но тот, в котором вода имеет особые активные качества. В «Эдде», «Видение Гюльви», 16 становится ясно, что источник священен, и что он имеет свойство очищать: «И так священна эта вода, что все, что ни попадает в источник, становится белым, словно пленка, лежащая под скорлупой яйца». Кроме того, вода имеет силу, необходимую, чтобы питать и поддерживать Иггдрасиль, Мировое Древо. Мы должны помнить, что источник относится к норне Урд, к *Urð*. Особое качество вода демонстрирует, кажется, наиболее чётко в связи с ней. Её имя означает и включает в себя все известные или завершённые действия, всё, что произошло. Эта концепция источника делает его источником прошлого, и это поддерживает непосредственно важность влияния, которое прошлое имеет над всем существованием настоящего. Так же, как вода в источнике распространяет свою власть на Мировое Древо, так и прошлое активно приносит свою силу влияния на дела мира. Всё существование в настоящем

зависит постоянного контроля и поддержки активного, питающего прошлого.

Сочетание элементов, присущих концепции Источника Урд и его взаимосвязь с Иггдрасилем представляют мощную символическую конфигурацию, выражающую природу Вселенной и её влияние на жизни людей. Из концепции Источника возникает мысль о живой и активной воде, которую норны приносят питать и поддерживать Иггдрасиль. Это питание проявляет себя в мифе как роса:

*hár baðmr, ausinn
hvíta auri;
þaðan koma döggar
þærs í dala falla, ...
(Völuspá 19:5)*

...древо, омытое
влагою мутной;
росы с него
на доли нисходят, ...
(«Прорицание вельвы», 19)

Природа этой росы дополнительно поясняется в «Видении Гюльви», 16, где указанный текст приводится в слегка измененной форме:

*Ask veit ek ausinn,
heitir Yggdrasil,
hárr baðmr, heilagr,
hvíta auri;
þaðan koma döggar,
er í dali falla;
stendr hann æ yfir grænn
Urðarbrunni.*

Sú döggr, er þaðan af fellr á jörðina, þat

²⁰ Примечание И.Р. Сайгина.

*kalla menn hunangfall, ok þar af fæðast
býflugur.*

Ясень я знаю
по имени Иггдрасиль,
древо, омытое
влагой мутной,
росы от него
на доли нисходят;
над источником Урд
зеленеет он вечно.

Росу, выпадающую при этом на зем-
лю, люди называют медвяной, и ею
кормятся пчелы.

«Падение» росы воссоединяет воды Древа с тем Источником, что корни дерева питает. Циклический характер этого процесса с Источником, который одновременно и источник и цель, начало и конец взращивания, объединяет все структурные семантические элементы *brunn*, представляющие как активный, природный, фонтанирующий источник, так и источник собирающий, хранящий. Миф демонстрирует нам непрерывный цикл активности.

Источник назван по имени *Urð*; ее имя имеет смысл «прошлого». Это прошлое включает деяния всех существ, которые есть в ограждении ветвей Иггдрасиля: людей, богов, великанов, альвов и т.д., подобно воде, эти деяния находят свой путь обратно к собирающему всё источнику; и как только это происходит, все действия становятся известны, фиксированны, завершены. В определённом смысле это те действия, которые образуют слои или напластования, которые ежедневно ложатся в источник с провозглашением *örlög*. Приход в источник упорядочен и организован; события чет-

ко связаны друг с другом, и существует паттерн и структура их хранения. Этот паттерн событий вечно изменяющийся, вечнорастущий, и ежедневно, с провозглашением *örlög*, новые события, новые действия нисходят в Источник. Процесс возникновения событий и постоянной аккумуляции всё большего и большего их числа в структуре прошлого представляет систему роста, который никогда не кончается. Когда норны ежедневно поливают Древо, они выражают силу этой последовательности или шаблона прошлого в направлении вверх и наружу, и на мир людей; так как эти «прошлые» события поддерживают и питают Древо, они приносят в бытие события здесь и сейчас; когда происходят события «настоящего», они падают с Древа обратно в Источник и присоединившихся в постоянно увеличивающейся сложности прошлого, реструктуризируя его, переосмысливая его, постоянно выражая всё больше и больше взаимоотношений всех действий.

Это постоянное взращивание, изменение и взаимосвязь событий и укладывание слоев друг на друга наводят на мысль о ткачестве, элементе, что часто приписывается норнам. Рассмотрение норн как ткачих во многом созвучно с большей частью того, о чем уже шла речь. Активное, идущее вверх и наружу движение событий прошлого, поскольку они связаны и формируют нынешнее состояние, образуют ортогональную взаимосвязь с идеей напластований или слоев, что заложена в сам Источник. Этот уровень-противоперпендикулярной упорядоченности определённо напоминает основу и уток ткацкого станка с ежедневным провозглашением *örlög*, движущимся среди деяний подобно ткацкому челноку, который

ткёт узор — картину событий. Это «ткань» событий является хорошо известной концепцией [XIII]. Этимологический источник имени *Urð*, глагол *verða* «поворачивать», является не только источником нем. *werden*, но также и средневерхненемецкого (МНГ) *wirtel* «колесо прялки, веретено». Другие термины, связанные семантически с властью, применяемой *wurd* (например «рок» (англ. *destiny*)), «доля» (*lot*), «судьба» (*fatum*), нем. *Schicksal* — сами содержат корень, означающий «наслоение» или «упорядочивание», не отличаясь в этом от *örlög*), что также намекает на прядение или создание ткани. Man hat altsächsisch *ôdan*, altnordisch *auðinn* "beschieden, vom Schicksal gewährt" herangezogen, die etymologisch mit litauisch *áudmi* "ich webe" zusammenhängen («В качестве примеров приводят древнесаксонское *ôdan*, старосеверное *auðinn*, 'предназначенное, судьба', связывает его этимологически с литовским *áudmi* "плести"»²¹) (Mittner 1955: 90) [XIV]. Действие прядения или ткачества содержит в себе в сжатом виде несколько наиболее значимых атрибутов норн. Однако это представление несколько семантически ограничено, поскольку оно не отражает в явном виде идею источника или его питающей функции.

Эта связь Источника Урд с Иггдрасилем имеет первостепенное значение для данного конкретного мифа. Существует чётко оформленная иконография этой взаимосвязи. Современный человек может испытать это, возможно, по крайней мере частично, представив себе гигантское растение в горшке, чья корневая структура скрыта и заключена в структуре содержащего источника. Из него вверх и вовне

поднимаются ствол и широкие раскидистые ветви Древа, на котором расположены различные миры из мифа. Все силы Древа исходят снизу из-под него, из питающих сил, что находятся в его поддерживающем основании, и деятельность, которая происходит над этим вместилищем-основой, в конечном счете падает или погружается обратно в основу. Пожалуй, наиболее важным моментом такой иконографической связи является место, в котором ствол встречается с основанием, где дерево соединяется с землёй. Это, конечно, то место соединения, где «асы вершат правосудье²²» («Речи Гримнира», 29). Место представляет собой момент, где настоящее (или не-прошлое) соединяется с прошлым [XV].

Иконографическое описание, однако, игнорирует элемент множественности и повторения, обнаруживаемый в мифе. В приводимом выше отрывке из «Видения Гюльви»,¹⁵ у Иггдрасиля есть три отдельных корня, простирающиеся на три отдельных источника: корень, находящийся над Нифльхелем (Нифльхеймом), который простирается в источник Хвергельмир; корень у инеистых великанов вблизи места, называемого «Зияющая бездна» (*Ginnungagap*), который простирается в источник Мимира, и источник, связанный с асами, священный источник Урд, который расположен на небе. Трёхкратное повторение источников и корней воспроизводит троичность норн, и вполне вероятно, что «в этом отрывке, как и в некоторых других, Снорри может быть, чрезмерно систематизирует, и, возможно, все три названия относятся к единственному источнику, что был основным ... источником мудрости» (Turville-Petre, 1964:

²¹ Перевод с немецкого И.Р. Сайгина.

²² См. примечание к этому отрывку выше.

279). Не ясно, чем источники отличаются друг от друга, каждый из них по отдельности воспроизводит одну и ту же базовую связь с Древом; каждый из дополнительных источников усиливает свой отдельный аспект, уже присутствующий в источнике Урд. Источник Мимира (*Mimisbrunnr*) является источником мудрости; он появляется знаково, когда Один должен отдать в залог свой глаз, чтобы получить глоток воды из него и, как следствие, мудрость. Источник и Древо вместе связаны в этих рассказах, как источников мудрости. Мировое Древо позже именуется Древом Мимира (*Mimateið*) в несколько более поздней поэме «Речи Многомудрого» (*Fjölsvinnsmíal*) [XVI], 19-20:

Виндкальд сказал:

«Фьельсвинн, ответь,
я слышал ты знаешь
и желаю узнать я:
древо как называют,
что ветви пустило
через все миры?»

Фьельсвинн сказал:

«Мимамейд зовут,
не знает никто,
чьи глубже корни;
никто не знает,
что дерево сгубит,
не сгубят ни пламя, ни сталь»²³.

Идея мудрости является основной для всего, что было показано об Источнике Урд. Иконография помещает мудрость в источник, но придает её Древу через взаимоотношения меж ними. Знания, выработанные Урд, ведут к мудрости, и «Эдды» дают понять, что такие знания получить не легко и не просто.

Мало что известно о третьем источнике, Хвергельмире. Его имя, как правило, пе-

реводится как Бурлящий или Кипящий Котел. Мысль выглядит подходящей, если мы приравниваем все три источника; ведь одним из наиболее поразительных аспектов источника Урд является его мощное, магическое свойство, которое позволяет воде двигаться вверх и наружу, позволяя питать и вскармливать мир. Похоже, в этом имени отражена его способность бурлить, двигаться, быть в действии. Другой аспект Хвергельмира соотносит его с источником Урд. В «Речах Гримнира», 25-26, часть действий некоторых из многочисленных животных, связанных с Мировым Древом, соотносятся с Хвергельмиром:

25. *Heiðrún heitir geit,
er stendr höllu á
ok bítr af Læraðs limum;
skapker fylla
hon skal ins skíra mjaðar;
kná-at sú veig vanask*

26. *Eikþyrnir heitir hjörtr,
er stendr höllu á
ok bítr af Læraðs limum;
en af hans hornum
drýpr í Hvergelmi,
þaðan eiga vötn öll vega:*

25. Хейдрун коза,
на Вальгалле стоя,
ест Лерад листву;
мед сверкающий
в чан она цедит,
тот мед не иссякнет.

26. Эйктюрнир олень,
на Вальгалле стоя,
ест Лерад листву;
в Хвергельмир падает

²³ Перевод с исландского Тимура Гимранова (Тьяльдра Валиссона).

влага с рогов —

всех рек то истоки:

Здесь Мировое Древо, называется именем Лерад (*Læráð*), и, как сказано, включает в свою область зал мёда, Валхаллу; мёд этот поставляет коза Хейдрун [XVII]. Строфы позволяют предположить, что чистый мёд течет из зала по рогам оленя, о котором говорится в строфе 26, и заканчивает свой путь в конечном итоге внизу в Хвергельмире. Как предполагается, роса, которая падает с ветвей Иггдрасиля, находит свой путь в собирающую чашу источника Урд. Этот процесс подобен описанному здесь. Мы имеем дело либо с двумя отдельными деревьями, Лерад и Иггдрасиль, и двумя отдельными источниками, или с одним и тем же Древом и Источником, у которого в различных ситуациях выражены различные атрибуты.

Пожалуй, самое простое — рассматривать подобное умножение деревьев и источников в качестве важнейшего проявления основного мифической импульса. Есть хорошая причина для этого. Во-первых, это тот факт, что умножение структурных элементов, кажется, является основополагающим для любого мифологического мышления. Леви-Стросс объяснял «почему мифы, и в более общем случае, устная литература, проявляют такое пристрастие к дублированию, утраиванию или учетверению одной и той же последовательности. Если принять наши гипотезы, то ответ очевиден: функция повторения делает структуру мифа наглядной» (*Lévi-Strauss* 1967: 226). Ранее Олрик описал в 1909 году то, что он назвал «законом повторения», композиционной основой всех мифов, песен, сказаний, легенд и т. д. Приём придает размерность, значимость и интенсивность повторяющимся элементам (*Olrik* 1965: 131-33). Олрика особенно по-

разило троекратное повторение элементов, он называет его «законом троичности», который «как широкая полоса прорезает мир народной традиции, на протяжении веков и тысячелетий человеческой культуры. Семитская, и даже более того, [индоевропейская] культура, являются предметами этой доминирующей силы» (*Olrik* 1965: 134) [XVIII]. Любое повторение обращает внимание на аспекты конкретной фигуры или действия (или связанной последовательности действий), чья важность будет повышена и на которых надо сфокусироваться. В нашем случае исследуется тройное повторение связи Источника и Древа, которое усиливает значение этой точки пересечения между двумя аспектами, его пространственным расположением и его связью со временным моментом. Точка представляет собой место слияния этого мира с большей областью вне его и здесь-и-сейчас с прошлым. Она также сочетает противоположное движение потока настоящего в прошлое и подъёма прошлого в настоящее; это структурно усиливается идеей питающей, активной воды, что, с одной стороны, накапливается в Источнике и, с другой стороны, поддерживает Древо. Повторное структурное подчёркивание идентифицирует пересечение Источника и Древа в качестве центральной, фокальной точки в мифе.

Существует дополнительный аспект источника Хвергельмир, которые следует рассмотреть. Именно в Хвергельмире обитает змей Нидхёгг, что подгрызает корни Иггдрасиля. Дерево грызут сверху и снизу, стоит вспомнить упоминание о козе Хейдрун и олене Эйктюрнире. Обгрызание и обкусывание этих животных позволяют предположить, что не вся деятельность, связанная с источником, является поддерживающей и питающей. Посколь-

ку, однако, в природе Урд приводить все виды человеческой деятельности в свою сферу, это может быть достигнуто различным образом. Один из способов предполагает ежедневное движение вперёд, провозглашение первичного закона, и влияние на дела людей. Постоянное питание, исходящее от Древа — это еще один способ, в котором, по существу, выполняется то же самое. Подтачивание Древа змеем представляет собой не только в буквальном смысле попытку переместить Древо в Источник, но также предполагает, через кольца змея, наслаивающую и сплетающую деятельность Урд. Деятельность эта также наводит на мысль о переплетении нитей в ткани. В действительности только лишь гегемонии асов грозит падение Иггдрасиля.

Трудности, с которыми мы сталкиваемся, когда пытаемся осознать то, что было, вероятно, довольно позитивным космическим образом, вытекают из наших собственных, наносящих ущерб ассоциативных сопутствующих значений. Тут, пожалуй, как никогда внимательно мы должны отнестись к предупреждению Эванса-Притчарда (*Evans-Pritchard* 1965), что, без должной осторожности мы, скорее всего, создадим карту семантических отношений нашей собственной концептуальной структуры, неточную для культур, отличных от нашей. От наших средневековых христианских предков мы унаследовали предубеждение относительно направлений: место «вверху» воспринимается как позитивное, «внизу» как негативное. Мы сталкиваемся с многообразными проблемами, связаны с нашими негативным восприятием «падения», Подземного мира («вниз» — т.е. в ад) — в отличие от нашего позитивного ощущения направления «вверх»: Вознесение, Воскресение, Небо

(«вверх» — т.е. в небеса), или просто быть в «приподнятом настроении» (в отличие от настроения, что «пошло вниз», «упало») и т.д. Все это работает против нашего понимания германских образов и делает затруднительным для нас увидеть их иначе чем негативно. Нам трудно использовать любой из центральных терминов мифа без негативных ассоциаций: *спуск* в колодезь, *коллапс*, *падение* и т.д. *Распад* (нейтральный, естественный процесс) также излишне негативно окрашен. Тем не менее, для германских народов, кажется, не было подразумеваемого как плохое представления о направлении сверху-вниз²⁴. Скорее, их концептуальный процесс, кажется, был связан, насколько это уместно для образов Источника и Древа, оппозицией *застоя* или *бездействия*, рассматриваемых, как негативные, и *движения* или *действия*, рассматриваемых как позитивные. Таким образом, стремление вверх вод Источника и падение капель с дерева оба являются движением, как и все другие действия, связанные с деревом: бег по нему, кусание, подгрызание, и т.д. Интеграция Источника и Древа и вековая сила, что действует как интегрирующая, играет типичную положительную космическую роль в целом. Последние строфы «Прорицания вёльвы» исполнены силы возрождения [XIX].

Схема, которая включает Иггдрасиль и источник Урд, встречается в полном виде только в скандинавских материалах. Это не удивительно, вся германской мифологии будет для нас скандинавской. Хотя

²⁴ Примечание переводчика: однако в эпоху викингов пожелание «вниз и на север» означало отправление в Хель, в могилу, и Мир Мёртвых всё же не считался особо желанным местом. Зато дорога к богам проходит по радуге (мосту Биврёст), и Асгард мыслится «где-то выше».

есть случайные ссылки на большую часть того, что является необходимыми и центральными элементами этой мифологии в других германских диалектах, только в материалах, зафиксированных в письменной форме на скандинавских языках, мы находим что-либо подобное в полном представлении. Насколько эти скандинавские версии могут дать нам доступ к концептуальным структурам, которые были бы эндемичны для всех германских народов? На данный вопрос нет точного ответа, но есть существенные указания среди свидетельств, что находятся в других областях германского мира, позволяющие предположить, что, в случае знаковых связей, присущих картине Источника и Древа, мифологические элементы, что были рассмотрены, действительно имели широкое распространение. Эссе, которое тщательно проанализировало бы эти общие элементы, было бы чересчур подробным. Здесь же будет достаточно двух общих моментов.

Во-первых, конфигурация Источник-Древо есть и у кельтских и у германских народов. Маккензи (*Mackenzie*, 1922: 176-94) находит на всех Британских островах представления о комбинации деревьев, источников и животных (чаще змей), которые, кажется, служат символами космической энергии и силы. Приводимые им цитаты, к сожалению, начинаются только с шестого века нашей эры, после германского вторжения. Примеры, однако, встречаются чаще в кельтских областях. Источники, например, появляются в связи с деревьями и мегалитами (вероятно, символическими деревьями) в Уэльсе. «Есть 62 примера мест ..., где имеется ассоциация источник-мегалит, и еще 14 случаев источников в районе курганов ... Многие камни, которые когда-то стояли рядом с источниками, исчезли ... Источники, свя-

занные с деревьями, в Уэльсе немногочисленны, но всё же было отмечено около 30 примеры, и, вероятно, их имеется и больше». (*Jones* 1954: 15-18). Связаны с источником, как правило, тис, лещина, дуб или боярышник. Кажется маловероятным, что широкое распространение источников и деревьев в чисто кельтских районах Британских островах было результатом от воздействия либо вторжения саксов и англов, или либо норманнов, с которыми валлийцы редко имели дело.

Кельты и германцы, кажется, поотдельности принесли этот образ на Британские острова с европейского континента, где представление о Мировом Древе встречаются не только среди северных индоевропейцев, но и среди финно-угорских народов [XX]. Таким образом, оно, вероятно, было общим для всех германских народов до их расселения на север, восток и запад.

Теперь, однако, мы получаем аргументацию из другого лагеря: если образ настолько широко распространён, что может сделать его германским? Чтобы узнать собственно германские характеристики, мы должны рассмотреть не только сам культовый образ, но и те семантические элементы, которые создают его. Принимая конфигурацию Древа-Источника как она была разработана выше, мы могли бы предложить текучесть, возвращение, описывающие ещё и отчасти сдерживание, накопление и эволюционирующее «прошлое» как наиболее ясные центральные элементы в скандинавском мифе. Безусловно, однозначно «германской» будет не идея текучести (насколько она связана с источником). Идея широко распространена, и, кажется, имеет основополагающее значение среди народов кельтских, также как и германских [XXI]. Также не кажется, что возвращение является уникальным германским элементом: «растительность

— это вся жизнь, это сама природа, которая обновляется ... силы растительной жизни являются проявлением жизни всей вселенной» (*Eliade*, 1963: 324-25). Забота о природе и космосе подразумевается в культовом образе дерева, и «мы встречаем священные деревья, и связанные с растительностью обряды и символы в истории каждой религии» (*Eliade* 1963: 265).

Наиболее существенно, что идея, описывающая частичное сдерживание, как это было изложено выше, обеспечивает представление о Древе и Источнике его «наиболее германскими» качествами. Идея парадоксальная: свободное, активное движение (но то, которое структурировано и организовано — «содержится» и «уложено» являются наиболее органичными терминами) производит универсальную генерацию не только «жидкости» и «поддержания», но и возвращения. Это не только идея естественного прироста («вскармливания») и поддержания космической структуры, это также в буквальном смысле, рост физический — накопление всё большего и большего числа слоев в источнике, больше вод, больше действий. Образ Источника и Древа поддерживает не просто собственную структуру, но и процесс роста *внутри* себя; он находится постоянно в состоянии саморасширяющейся трансформации. Наконец, движущая сила, благодаря которой совершается постоянное действие универсального порождения, связана со властью прошлого. Урд, которой принадлежит источник и чьё имя приносит активную силу всех выполненных действий, чтобы нести космическую само-регенерирующую деятельность, является, в пределах культового образа, выражающей всё, что оживляет область как Древа, так и Источника.

Если воздействующая сила прошлого на реальность текущего «сейчас» миров Дре-

ва является единой особенностью концептуализирующей структуры всех германских народов, то мы могли бы ожидать найти некоторые общие указания на её широкое распространение на всей территории германской культуры. Это то, что мы ищем. Эта влияющая сила, этимологически родственная и семантически связанная с функцией Урд, постоянно находит выражение в языках всех германских народов как концепции древнеанглийского (OE) *wyrd* (древнесаксонского (OS) *wiurd*, древневерхненемецкого (OHG) *wiurd*, и т.д.). Ссылки на *wyrd* являются, конечно, скорее не вполне точными по природе, потому что люди осознают его действие только косвенно. Его власть исходит из-за границ нашего мира, а миф ясно указывает, что наш разум слишком ограничен, чтобы понять его действие полностью. Человек прикасается к *wyrd*, когда он становится вовлечён в вопросы, природа и происхождение которых выходят за пределы его существования на земле. Некоторые аспекты жизни на земле ограничены исключительно земными материями и не имеют большого значения: сон (основное), еда (основное), повседневная рутина физического существования, и т.д. Есть времена, однако, когда, по-видимому, обычные виды деятельности приобретают особое значение, и кажется вероятным, что в эти времена повседневная жизнь соприкасается и окрашивается элементами вне наших ограниченных представлений. Есть, кроме того, аспекты существования, которые по самой своей природе управляются событиями вне наших познаний: битвы, честь (клятвы) и т.д. Мы никогда не можем быть уверены, когда и как такое влияние низойдёт на нас. Мы можем, однако, по крайней мере, частично подготовить себя к такому воздействию. Для всех людей, очевидно, наиболее важный момент суще-

ствования наступает в миг смерти, в той точке, где человек соединяется с существованием за пределами этого мира. Мудрец готовит себя к этому моменту, когда его индивидуальная жизнь и сила *wurd* будут соединены теснее всего; он пытается ввести свою жизнь наиболее полно в основной поток течения *wurd*. Он должен действовать в соответствии с предписанными кодами поведения, полученными из прошлого; тем самым, он будет защищать свою репутацию и обеспечит себе добрую славу. Его действия будут регулироваться тем, что он знает; поэтому, мудрый человек стремится познать для себя всё, что сможет. Сила прошлых событий, которая вздымается столь выразительно в жизни в настоящем, предлагает ему некоторую информацию о природе самого *wurd*, но человек, поскольку он живет в реальности Древа, терпит неудачу в полном познании прошлого. Однако, в той мере, в какой он ценит себя, он будет стремиться к познанию. Он будет пытаться связать себя полностью со всем, что он знает, чтобы быть хорошим и мудрым [XXII]. Поступая таким образом, он будет проявлять себя в самое благоприятное свете так, что он умрет хорошо; момент смерти является моментом величайшей значимости во всей обыденной жизни.

Примечания автора.

[I] Префикс является общим для всех германских языков. В дополнение к *Old Norse* он встречается в готском как *us-*, *ur-*, в древневерхненемецком (OHG) и германском как *ur-*, в древнесаксонском (OS) как *ur-*, *or-*, в средне- и современном датском как *oor-*, и в древнеанглийском (*OE*), где он был довольно распространён. В настоящее время в английском префикс устарел, за исключением сохранившегося слова *ordeal* (испытание, мытарство). «Первоначальным значением было *out* (вне), как в

готском и в OHG в слове *úrruns* "бегство, выход, исход", в ON *órför* (исход, выезд), отсюда различные производные значения, среди которых [древнеангл.] "вне, полностью, до конца", как в *orþanc* "задумка" ... , "умение", . *orielda* "сверхдолгий век/глубокая старость"; ... *orsiete* "четко видное, проявленное», [etc.]» (Оксфордский Английский Словарь (OED)). Связь префикса с выходом за границы и чрезмерностью-окончателностью дополнительно иллюстрируется замечанием у Гримма (*Grimm and Grimm 1936:2355-59*), где он связывает префикс с санскритским (Skt) *ud* «наверх/кверху, вон/наружу». (2355). В конечном счёте префикс стал входить в выражения «*[die] bezeichnung des ersten* (первый), *anfänglich vorhandenen* (изначальный), *ursprünglichen* (исходный), *unabgeleiteten* (производный), *originalen* (оригинальный), *primitiven* (примитивный), *unverfälschten* (сырой), *reinen* (чистый)» (2358).

[II] Этимология согласуется с замечаниями де Фриса (*de Vries 1971*), который прослеживает голландскую форму *oorlog* (война) до * *uzlaga*: «которое интерпретируется как война»(491). В голландском, *oorlog* теперь означает «войну, раздор, распри». Развитие шло, по мнению де Фриса, от «того, что выкладывается» к *noodlot* «судьба, рок», то есть «то, что сложено необходимостью». Таким образом, *wat her eerste aangaat, mag men er aan herinneren, dat de strijd als een godsoordeel opgevat werd en dus een noodlotsbeschikking was* («что касается первого, следует напомнить, что война мыслилась как тяжелое испытание, и поэтому как решение о судьбе») (491). От «необходимости раздора» к простой «распре» — само по себе

указывает на развитие в современном голландском языке.

Форма существует, однако, в современном датском и норвежском во фразе *til örlogs* — в (военно-морском) флоте» и во всех скандинавских языках, как именной префикс, обозначающий «морской», как в шведском *örlogsfartyg* «военный корабль», *örlogsvarv* «док», в датском и норвежском *örlogsgast* «моряк», датском *örlogsflaade*, норвежском *örlogsflåte* — «флот». Они близки к голландскому «война», но добавляют дополнительный семантический элемент «вода». В качестве аргумента, представленного здесь, будет показана идея слоев-страт *örlög*, что включает в себя не только «насаждение» или «складывание», но в значительный элемент «напряжения», «деятельности», и (возможно) «раздора». Идея «воды» так же присутствует, так развитие в современных германских языках не смогло увести слово слишком далеко от его этимологии как, казалось бы, подразумевают современные значения. В вопросе об этимологии, однако, нет полного согласия. В дополнение к приведенному выше, де Фрис (1971: 491) приводит возможную связь войны в голландском языке с готским. *liuga* «брак», полученным из германского * *leug* «установление договора», и с германской формой * *lugja*, * *leugja* (связанным с ON *logn* «спокойствие» и *lón* «спокойное море недалеко от берега»), развивая смысл войны как «условия, при котором спокойствие нарушается». Хотя доводы взяты из нескольких различных несходных точек зрения, они показывают кое-что из семантического материала, представленного здесь, что не сразу заметно при современном использовании слова.

[III] Цитата Исидора Севильского, приведенная выше, следует примечанию в тексте Гримма, видимо, как документ, подтвер-

ждающий прочтение Гримма. Гриммовское описание значений имён обсуждается далее.

[IV] См., например, Нильссон (*Nilsson, 1923-24*)

[V] Альтернативная интерпретация, не имеющая, впрочем, для нашей темы, большого значения, связывает *Nōna* с *Nōnae*, «пятый или седьмой день месяца», и является расширением ссылки на недоношенных при пяти- и семимесячных родах. *Decima* в этом случае соответствует рождению развитого плода в девять и более месяцев, и *Morta* (от *morari* — «задерживать») к рождению переносимого плода.

[VI] Ни в данном случае, ни в «Речах Гримнира» (*Grimnismál* 29:63) английский текст не передаётся при помощи соответствующих вспомогательных глаголов: *Kormt and Ormt and the Kerlaugs twain, Thor does wade through every day* (*Hollander 1962:59*). Если бы их использовали, стояло бы *should* или *ought* («должен»), ответ на вопрос, что он должен бы сделать. В цитате *Grimnismál*, если мы попытаемся заменить *do* (*Thór does wade through / every day*), мы можем усилить выбор *must* (*Thór must wade through / every day*). Это единственная модальная форма, которая не искажает отрывок.

[VII] Древнескандинавский язык подразумевает, как и другие германские языки то, что мы называем «будущим» в случае не-претерита, изъявительного наклонения (*indicative inflection*) и в глаголах, выражающих модальность, см. главу 5. Таким образом, кажется, *timi* будет ближе всего к идее будущего времени, хотя даже это слово не подходит регулярно под такое представление.

В таблице ниже перечислены вхождения глаголов *munu*, *sculu* и *vilja* для упомянутых текстов:

	<i>sculu</i>	<i>Munu</i>	<i>Vilja</i>	Число строк в тексте
<i>Völuspá</i>	4	15	1	65
<i>Hávamál</i>	63	50	9	165
<i>Grimnismál</i>	13	1	3	55

Sculu появляется очень часто в «Речах Высокого» (*Hávamál*), где текст содержит общую информацию о природе вещей и инструкции для приемлемого поведения. Слово реже встречается в «Прорицании вёльвы» (*Völuspá*), где текст описательный. *Munu*, с другой стороны, в «Прорицании» встречается относительно часто, причём 14 случаев из 15 приходится на ту часть текста, что описывает будущий конец света. Слово, похоже, описывает «случай предвидения», когда не подчёркивается «привычность» и «постоянство» действия, которое, видимо, являются общими для употребления *skulu*. И, наконец, *vilja* всегда выражает волю или желание.

[VIII] См. описание слова в Оксфордском словаре (OED).

[IX] То, что *urth-* является причастной формой, скорее чем претеритно-отмеченной (*preterite-marked*), полезно, но не существенно. Более полно о причастиях и природе претерита см. главу 5.

[X] Упоминание Скульд в «Прорицании вёльвы», 20 и его повторение в «Видении Гюльви», 15 упоминаются выше. Вторично Скульд упоминается так:

<i>Skuld helt skildi,</i>	Скульд со щитом,
<i>en Skögul önnur,</i>	Скёгуль другая,
<i>Gunnr, Hildir, Göndul</i>	Гунн, Хильд и Гёндуль
<i>ok Geirskögul.</i>	и Гейрскёгуль.
<i>Nú eru talðar</i>	Вот перечислены
<i>nönnur Herjans,</i>	девы Одина,

görvar at ríða grund valkyrjur.
(*Völuspá*, 30)

любо скакать им повсюду, валькириям.
(«Прорицание вёльвы», 30)

[XI] Даннинг и Блисс (*Dunning and Bliss*, 1969: 71-72), толкуя *wurd*, объясняют, что «различие между германской концепцией *wurd* и классическим понятием *Fate* в значительной степени этимологическое. [Лат.] *fatum* является нейтральным причастием прошедшего времени от *fari* "говорить"; *wurd* связан происхождением с *weorðan* "стать". В то время как *Fate* является "тем, что было сказано" (какой-то высшей силой), *wurd* является этимологически просто "тем, что приходит и проходит" Шиппей. (Shippey, 1972: 40) замечает, что «*wurd*, по крайней мере отдаленно, связано с *weorþan*, "стать", и приемлемый перевод часто "то, что становится, что переходит в прошлое, ход событий", не сверхъестественная и своевольная Сила, но скорее просто поток времени».

[XII] См. запись для *burn* в Оксфордском словаре (OED). Метатезы *burn* как источника можно заметить в некоторых голландском и немецком словах.

[XIII] И парки, и мойры имеют атрибуты ткачих; о мойрах говорят, что они прядут, измеряют и обрезают нить жизни. Была ли идея источника сугубо германской, а ткачества позаимствованной у италийцев (и, в конечном итоге, у эллинской культуры) или обе идеи и германцы, и греки, и римляне вынесли из древнего индоевропейского источника — не известно, и не имеет решающего значения для нашей темы. Для детального рассмотрения данной точки зрения — см. *Branston* (1957:56-66).

[XIV] См. также de *Vries* (1956a:270) and *Gehl* (1939:19-38, 241-55).

[XV] Образ горшка и растения, однако, лишь частично отражает структуру мифа.

Другой аспект станет яснее, если мы будем рассматривать Мировое Древо как растение целиком в закрытом аквариуме, который функционирует в качестве Источника. Здесь источник и средства к существованию суть одно и то же, но этот образ нарушает раздельность Древа и Источника в мифе, Древо в мифе не внутри Источника. Не существует научного или «реалистического» представления Источника и Древа, которое бы адекватно выразило эти взаимосвязи, они, в конечном итоге, находятся за пределами чувственного восприятия людей, хотя отдельные атрибуты связей могут быть познаны, визуализированы и выражены.

[XVI] «Речи Многомудрого» не входят в *Codex Regius*, откуда взята большая часть Поэтической Эдды. Это одна из двух древних поэм, сохранившихся только в рукописях, датируемых не ранее чем XVII в. (Hollander 1962: 140).

[XVII] Хейдрун (*Heiðrún*) — лишь один пример из ряда взаимосвязанных появлений в германском мифе животных, которые относятся к *Ziegengestalt* (нем. «образу козы, козе-персонажу») индоевропейского или до-индоевропейского происхождения. Важно отметить, что эти появления связаны с плодородием или плодовитостью, в данном случае в точке объединения Источника и Древа. См. раздел *Die Göttin* (нем. «Богиня») в *Ziegengestalt* Шрёдера (Schröder, 1941: 29-64) и Дюмезиля (Dumézil, 1959b). Зал мёда, *Valhöll*, сам по себе довольно интересен. Мёд, что даёт Хейдрун для пирующих в зале связан в цитируемом отрывке с каплями, которые стекают с рогов Эйтюрнира в Хвергельмир. Капающая жидкость названа «росами» (*döggvar*) в *Völuspá*, 19, а расширение темы в «Видении Гюльви», 16 дополнительно идентифицирует капли как «медовые росы» (*hunangfall*). Связь росы/медовой ро-

сы/напитка-мёда очевидна. Более важным является использование в германской поэзии «росы» как кенинга крови (например, *valdögg* — «роса битвы») (Neckel 1913: 21-22). Само название *Valhöll*, вероятно, получено из корней Val- «битва» и Хель (*hel*) или *hölle*, и выражает идею «смерти». Таким образом, *Valhöll* является буквально полем битвы после боя, чей образ распространён в германской литературе (Neckel 1913: 37-51). (прим. переводчика: данная этимология была справедливо раскритикована ещё в рецензии на книгу как устаревшая, *höll* переводится как «зал», отнюдь не как «Хель/смерть») Народная этимология перевернула картину, превратив недавно убитых в живых, а кровь боя/росу/мёд в напиток. Аспект Источника как вместилитца, что тесно связано с Древом и его росой, ничем не препятствует семантическому переходу от «смерти в битве» к «залу воинов».

[XVIII] Несмотря на упоминание Олриком семитской культуры, его примеры относятся почти исключительно к индоевропейцам. Со времён Олрика были обнаружены и другие виды повторов среди неиндоевропейских народов. Нередки, например, учетверения. Индоевропейцы же были, кажется, очарованы идеей троичности. Самые последние примеры представлены в книгах Ж. Дюмезиля, который пришел к выводу, что самая ранняя индоевропейская социальная и религиозная мысль поделила культуру на три основные функции: верховную власть, силу (военную мощь), и продолжение рода. Германцы были склонны видеть события тройками, даже если конкретное мифическое событие не было, по существу, разделено таким образом. С другой стороны, возможно, что такое деление было наиболее древним, а не позднейшим, и, наоборот, подверглось размыванию по мере того, как

германские народы всё дальше отходили от своих индоевропейских корней. Вопрос о том, насколько индоевропейские элементы сохранились в германских религии и мифе в настоящее время не решён. Последователи Дюмезиля находят довольно много наблюдаемых в них индоевропейских компонентов; те, кто отвергают его взгляды, или не находят их, или дают этим элементам другое объяснение. Очевидно, что есть нечто индоевропейское в германском мифе. Остаётся открытым вопрос — сколько и что именно? Для получения подробного обзора современных взглядов см. Поломе (*Polomé* 1970b) и Струтински (*Strutynski* 1973, 1974), что, отвечая Хагену (*Haugen* 1967), затрагивает другие недавние мнения и события. Есть хорошая библиография работ Дюмезиля в *Hommages à Georges Dumézil, Collection Latomus (Brussels, 1960)*, 45:xi-xxiii; у *Puhvel* (1970), и у *Littleton* (1973).

[XIX] Особенно начиная со строфы 58 и до конца (строфа 66), см. главу 4. Существенно, что Нидхёгг появляется в последней строфе поэмы, как если бы целая вселенная стала частью Источника. Некоторые комментаторы поэмы, желая сохранить концепцию «мрачности» германской мифологии, утверждали, что эти заключительные строфы являются более поздним дополнением (ок.1000г.) и, таким образом, обусловлены христианским влиянием. Также является вопросом, представляет ли поэма собой связанное видение. Об истории таких взглядов и некоторых отчетов по продолжающейся полемике — см. Турвиль-Петр (*Turville-Petre* 1953:56-65), Холландер

(*Hollander* 1963:101-6), и Нордаль (*Nordal* 1970-73:79-91, 103-18). Здесь нет необходимости рассматривать эти вопросы. Целиком очевидно, что в заключительных строфах «Прорицания» ничто серьёзно не противоречит мифологии поэмы в целом. В главе 3 рассматриваются детально принципы структурной согласованности в германской композиции. Там же кратко рассматривается и проблема «христианского влияния».

[XX] О возможных источниках и аналогах представления о Мировом Древе см. *Holmberg* (1922), *Eliade* (1963:265-330, 367-87), *de Vries* (1957:380-97), *Davidson* (1964:190-96), и *Doht* (1974:124-56).

[XXI] Что касается воды (моря, вод, связываемых с божественным или сверхъестественным) — см. *Patch* (1950), *Jones* (1954), *Dumézil* (1959c), и *Littleton* (1970). *Doht* (1974:142-52) приводит кельтские и индоевропейские примеры. Более детальное сравнение некоторых аспектов кельтской и германской культуры, в частности, погребений и ритуалов, будет проведено в главе 2.

[XXII] Он будет развивать «внутренний потенциал в процессе становления» (*Campbell* 1968:140). Хотя Кэмпбелл готов рассматривать *wurd* в традиционном понимании прошлого/настоящего/будущего (121) и видеть его мрачным и фатальным, ведущим к «наступающему неотвратимому концу» (140), его ощущение его (вирда) активности как потенциала вещей кажется весьма близким к отмеченному.

Блот. Жертвы и жертвоприношения в Северной Традиции

Автор: Сигурд годи (годорд Скидбладнир)

Корректурa: Александра Волка

Москва, 2016

Предупреждение: данная статья рассматривает различные кровавые и бескровные жертвоприношения у германских народов в древние времена. Данная статья не является руководством к действию и носит характер исследования. Слабонервным и детям до 18 лет прочтение не рекомендуется.

Материал распространяется свободно, указание авторства обязательно.

1. Жертвоприношения в архаичной традиции

Неискушенному читателю может показаться, что речь пойдет о некоей важной, но, все же, части религиозного мышления язычника — обряде или части обрядового действия, совершаемого во время славления богов. Именно в таком формате, как правило, обсуждают в современных языческих кругах жертвоприношения, объединяя их с понятием дара — подношения богам. Однако, на самом деле все гораздо сложнее и масштабнее. В действительности, говоря о жертвоприношениях, мы говорим не просто о некоей части языческой веры, а имеем в виду архаический исток религиозной мысли как таковой.

Во многих индоевропейских религиях, и северная традиция не является исключением, существует миф о смерти первосущества. В северной традиции это великан

Имир, из которого был создан Мир. Смерть Имира многие называют убийством, однако в источниках об этом нигде прямо не сказано, иначе картина была бы более ясной. В индийской мифологии, тексты которой в большом объеме дошли до наших дней, аналог Имира — Пуруша, пожертвовал собой и совершил ритуальное жертвоприношение себя — себе же руками богов, чтобы из его тела был создан Мир. Любой, знакомый со скандинавской мифологией сразу увидит тут сюжет самопожертвования Одина себя — себе же.

Прорицание Вёльвы (*Völuspá*)

*В начале не было
(был только Имир)
ни берега моря,
ни волн студеных,
ни тверди снизу,
ни неба сверху,
ни трав зеленых —
только бездна зева-
ла.*

*Ár var alda
þar er Ýmir byggði,
vara sandr né sær
né svalar unnir,
jörð fannsk æva
né upphiminn,
gap var ginnunga,
en gras hvergi.*

*Отпрыски Бора
подняли сушу,
мир срединный
воздвигли дивный —
солнце сияло
с юга на скалы,
зеленью землю
злаки покрыли;*

*Áðr Burs synir
bjöðum um yrdi,
þeir er Miðgarð
mæran skópu;
sól skein sunnan
á salar steina,
þá var grund gróin
grænum lauki.*

Солнце — луна же
с ним шла бок о бок
—

долонь простерло
с юга чрез небо:
солнце не знало
ночлега в небе,
звезды не знали
дороги в небе,
луна же не знала,
сколь сильна она в
небе;

(с) Norse Ulver, перевод В.Тухомирова

Возвращаясь к теме Имира: был ли он убит асами по их задумке или пожертвовал сам себя ради благой цели, нарушив холодное безмолвие Бездны, важно не это. Важно то, что именно этот мифологический сюжет лежит в основе любого жертвоприношения. Первая смерть породила жизнь в том виде, в котором мы знаем ее сейчас. Когда мы совершаем жертвоприношение, мы повторяем мифологический сюжет со смертью Имира, создавая нечто новое или обновляя нечто старое.

Следы человеческих жертвоприношений, а именно о них сейчас идет речь, отслеживаются у всех индоевропейских народов и во всех верованиях. Со временем, однако, они были заменены на жертвоприношения животных. В тех религиях, где институт жречества процветал, жертвоприношения животных развивались гораздо сильнее, чем в тех, где жрецы были подавлены воинами и вождями. Именно это случилось в скандинавском обществе, где жрецов заменили военные вожди. Я глубоко убежден в том, что именно это послужило причиной сохранения института человеческих жертвоприношений вплоть до Эпохи Викингов. Все дело в том, что в определен-

*Sól varp sunnan,
sinni mána,
hendi inni hægri
um himinjódyr;
sól þat ne vissi
hvar hon sali átti,
máni þat ne vissi
hvat hann megins
átti,
stjörnur þat ne vissu
hvar þær staði áttu.*

ный момент развития индоевропейских народов, битва стала тесно связана с религией, а значит и с жертвоприношениями. Битва как жертвоприношение лучше всего прослеживается в индийской ведической традиции:

Битва как жертвоприношение (по данным древнеиндийской традиции)

О теснейшей в ранневедийской культуре ассоциированности битвы и жертвоприношения говорит и тот факт, что оба понятия могли выражаться одними и теми же терминами: *samarú* — «сходка (для жертвоприношения или битвы)»; *samidhá* — «стычка, схватка», «жертвенное приношение / возлияние»; слова *hávītan* и *devāvīti*, означающие «призывание (богов)», которое по контексту имеет следствием убийство врагов, могут также означать и «жертвоприношение» в целом.

(с) Я.В. Васильков

В северной традиции таких этимологических связей нет совсем, кроме одного, достаточно спорного момента.

Английское слово «victim» (англ. жертва) совершенно точно происходит от латинского «victima» — также жертва. Слово «victima» связывают с протоиндоевропейским корнем — «weyk», которое связывают с протогерманским «wīganą», оба эти слова означают битва, сражение. Отсюда же пошло староисландское «víg».

Однако в северной традиции есть связь другого рода, связь мифологическая. Судя по источникам, эта связь начинает прослеживаться с 1—го века нашей эры, хотя, возможно, имеет гораздо более глубокие корни. Несмотря на то, что у древних германцев жреческий институт еще присут-

ствовал в полном объеме, уже тогда жертвоприношения Водану отличались от других жертвоприношений:

О происхождении германцев и местоположении Германии

Из богов они больше всего чтят Меркурия²⁵ и считают должным приносить ему по известным дням в жертву также людей. Геркулеса и Марса они умилостивляют заклятиями обрекаемых им в жертву животных. Часть свевов совершает жертвоприношения и Изиде.

(с) Корнелий Тацит, перевод А.С. Бобовича

Связь между жертвоприношением и войной, как вы, наверное, уже догадались, прослеживается через культ Водана и обряды, связанные с ним. У этих жертвоприношений есть две основные формы.

Первое: смерть врага, которого перед битвой посвятили Одину, в битве — это прибавление в войске асов. Таким образом, убивая людей на войне (принося жертву) и погибая на ней (принося в жертву себя) воины усиливают богов.

Второе: человеческое жертвоприношение в мирное время — это, по сути, продление власти конунга и восполнение потраченной удачи. Именно Один дарует победу или поражение в битве, а этот фактор во много зависит от удачи конунга, которая распространяется на всех его воинов. Если же конунг удачу свою терял и не мог восполнить ее, даже совершая человеческие жертвоприношения, это могло кончиться для него очень плачевно. Если в военное

время конунг, потерявший удачу расставался с жизнью от руки врага, то в мирное время это происходило примерно следующим образом:

Сага об Инглингах (Ynglinga saga)

*В его дни в Швеции были неурожай и голод. Шведы совершали большие жертвоприношения в Уппсале. В первую осень они приносили в жертву быков. Но голод не уменьшился. На вторую осень они стали приносить **человеческие жертвы**. Но голод был все такой же, если не хуже. На третью осень много шведов собралось в Уппсалу, где должно было происходить жертвоприношение. Вожди их стали совещаться и порешили, что в неурожайе виноват Домальди и что надо принести его в жертву — напасть на него, убить и **обгадить** алтарь его кровью. Это и было сделано.*

*Þá efldu Svíarblótstórað Uppsölum. Hið fyrstahaustblótuðu þeir xnumogbatnaðiekki árferð að heldur. En annað haust hófu þeir **mannblót** en árferð var söm eða verri. En hið þriðja haust komu Svíar fjölmennt til Uppsala þá er blót skyldu vera. Þá áttu höfðingjar ráðagerð sína og kom það ásamt með þeim að hallærið mundi standa af Dómalda konungi þeirra og það með að þeir skyldu honum blóta til árs sér og veita honum atgöngu og drepa hann og **rjóða** stalla með blóði hans, og svo gerðu þeir.*

(с) Norse Ulver. Перевод М. И. Стеблин-Каменского.

В обоих случаях мы видим ключевое значение жертвоприношения — смерть рождает жизнь. Воин погибает на поле битвы или во время жертвоприношения Одину, и оживает в Вальгалле, где в свое время встанет плечом к плечу с тем, кто его убил. Конунг, совершая человеческое жертвоприношение, обновляет свою власть

²⁵ Меркурием называли Водана, Геркулесом — Донара, Марсом — Тюра, Изидой — Фригг или Фрейю.

и пополняет свою удачу. Смерть жертвы приносит урожай и победы живым.

Жертвоприношение в Уппсале, в день зимнего солнцестояния" Карл Улов Ларссон (Carl Larsson, 1915, Швеция)

О механизме человеческих жертвоприношений нам также известно достаточно много. В нашем распоряжении множественные упоминания этих действий в сагах и даже изображение на камне, предположительно являющимся жертвенным.

*Стура-Хаммарский камень (фрагмент).
Приход Лэрбру, Готланд, Швеция.*

Разбор изображения со всего камня и отдельных элементов на приведенном фрагменте — тема для совсем другой статьи. В данный момент нас интересует только копье в руках у человека, совершающего казнь-жертвоприношение, а также фигура повешенного воина. Именно копье являлось орудием жертвоприношения. Образ копья в контексте жертвоприношений встречается в двух случаях.

Первый, образец которого приведен выше — в способе непосредственного умерщвления жертвы. Жертва подвешивалась на

дереве и протыкалась копьем. Описание примера такого жертвоприношения можно прочитать ниже:

Сага о Гаутреке (Gautreks saga)

Тогда сказал Грани Конский Волос Старкаду: «Хорошо бы теперь отплатить мне, воспитанник, за ту помощь, что я даровал тебе».

«Хорошо», — ответил Старкад.

Грани Конский Волос сказал: «Тогда отправь ко мне нынче конунга Викара, я же дам совет, как этого достичь».

Старкад согласился на это. Грани Конский Волос дал ему в руки копье и сказал, что оно будет казаться стеблем тростника. Тем временем вернулись они с моря к войску, и было тогда начало дня.

Наутро вслед за тем явились советники конунга на намеченное совещание. Установилось меж ними согласие, что должны они совершить нечто, **напоминающее жертвоприношение**, и рассказал Старкад свой план. Стояла неподалёку от них сосна, и высокая колода подле неё. Одна тонкая сосновая тонкая ветвь была опущена, а её веточки—отростки тянулись вверх. Слуги в это время готовили еду людям, и был зарезан и выпотрошен телёнок.

Старкад велел взять его кишки. Затем поднялся Старкад на колоду, согнул книзу ту тонкую ветвь и привязал к ней телячьи кишки.

Тогда обратился Старкад к конунгу: «Вот тут готова виселица, конунг, и выглядит она не слишком грозной. Теперь иди сюда, и я надену петлю тебе на шею».

Конунг сказал: «Как кажется, это устройство мне не опасно, так что надеюсь, что оно мне не повредит. Но если это не так, пусть судьба решит, чему свершиться».

Он поднялся на колоду. Старкад надел ему на шею петлю, и сошёл с бревна.

Затем Старкад уколол конунга стеблем и сказал: «Теперь я отдаю тебя Одину».

Старкад освободил сосновую ветвь. Камышовый стебель стал копьём и пронзил конунга насквозь. Колода упала у него из под ног, а телячьи кишки в петле сделались крепкими, ветвь же поднялась и подняла конунга вместе с порослью веточек, и там он и умер. С тех пор это место зовётся Викарскольм

Þá mælti Hrosshárs—Grani til Starkaðs: «Vel muntu nú launa mér, fóstri, liðsemd þá, er ek veitta þér.»

«Vel,» sagði Starkaðr.

Þá mælti Hrosshárs-Grani: «Þá skaltu nú senda mér Víkar konung, en ek mun ráðin til leggja.»

Starkaðr játar þessu. Þá fekk Hrosshárs-Grani geir í hönd honum ok sagði, at þat mundi sýnast reyrspoti. Þá fóru þeir út til liðsins, ok var þá komit at degi.

Um morguninn eptir gengu ráðgjafar konungs á stefnu til umráða. Kom þat ásamt með þeim, at þeir skyldu gera nokkura **minningblótsins**, ok sagði Starkaðr upp ráðagerðina. Þar stóð fura ein hjá þeim ok stofn einn hár nær furunni. Neðarlíga af furunni stóð einn kvistr mjór ok tók í limit upp. Þá bjuggu þjónustusveinar mat manna, ok var kálfr einn skorinn ok kruför. Starkaðr lét taka kálfsparmana. Síðan steig Starkaðr upp á stofninn ok sveigði ofan þann inn mjóva kvistinn ok knýtti þar um kálfsþörmunum.

Þá mælti Starkaðr til konungs: «Nú er hér búinn þér gálgi, konungr, ok mun sýnast eigi allmannhættligr. Nú gakktu hingat, ok mun ek leggja snöru á háls þér.»

Konungr mælti: «Sé þessi umbúð ekki mér hættuligr en mér sýnist, þá vænti ek, at mik skaði þetta ekki, en ef öðruvíis er, þá mun auðna ráða, hvat at gerist.»

Síðan steig hann upp á stofninn, ok lagði Starkaðr virgulinn um háls honum ok steig síðan ofan af stofninum.

Þá stakk Starkaðr sprotanum á konungi ok mælti: «Nú gef ek þik Óðni.»

A let Starker Lausanne forklifting. Reinsertion vary at gear, ok stop í regnum lounging. Stoning fell undam forum hokum, end kálfsþarmarnir urðu at viðju sterkri, en kvistrinn reis upp ok hóf upp konunginn við limar, ok dó hann þar. Nú heita þar síðan Víkarshólmar. (c) Norse Ulver, перевод Н. Тончий

Стоит отметить, что принесённые в жертву люди были для Одина не только источником пополнения войска эйнхериев, у особого образа умерших можно было обрести мудрость и знание будущего. Скорее всего, это его качество является побочным, однако ему уделено достаточно внимания в эпосе:

Речи Высокого (Hávamál)

Двенадцатым я,
увидев на дереве
в петле повисшего,
так руны вырежу,
так их окрашу,
что он оживет
и беседовать будет.

Þat kann ek it
tolfta:
ef ek sé á tré uppi
váfa virgílná,
svá ek rist
ok í rúnum fák,
at sá gengr gumi
ok mælir við mik.

(c) Norse Ulver, перевод А. И. Корсуна

Возвращаясь к теме жертвоприношения врага в битве, позволю себе привести еще одну цитату из замечательной статьи Василькова:

БИТВА КАК ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ (По данным древнеиндийской традиции)

Помимо серии отождествлений, отметим здесь и употребление слова *ātmaujña* — «жертва собой», «принесение себя в жертву», которое, оказывается, означает не гибель в бою, поскольку герои намерены вернуться с победой, а нечто иное, о чем скажем позже. ... Сначала Ашваттхаман

не может войти в спящий лагерь, поскольку ему преграждает путь неодолимый чудовищный страж. Тогда Ашваттхаман взывает о помощи к Шиве в его грозной ипостаси древнего Рудры. Погрузившись в медитацию, он молитвенно перечисляет различные имена бога (большинство из них — это имена Рудры, зловещего бога архаических воинских братств) и затем выражает намерение принести ему в жертву самого себя. ... Ашваттхаман «подносит богу сам себя как жертвенное приношение», это, по-видимому, то, что в других описаниях называлось *ātmayajā* — «жертва собой / собственной жизнью» ... Вслед за этим Шива вручает Ашваттхаману свой меч и сам вселяется в его тело. (с) Я.В. Васильков

Я не собираюсь утверждать, что древние германцы «погружались в медитацию» чтобы воззвать к Одину, однако в северной традиции есть другая, совершенно отличная внешне, но схожая по своей сути тема — тема берсерков.

Известно, что имя Одина происходит от слова «óðr», которое имеет множество значений — вдохновение, безумие, ярость, экстаз. Некоторые соотносят это состояние с шаманским экстазом. Есть ли связь между Одином и шаманизмом — вопрос отдельный, однако то, что связь между Одином и состоянием боевого безумия, присущего берсеркам существует, сомневаться не приходится.

Берсерков описывают как людей нередко уродливых, сильных, заносчивых. Из-за бесстрашия берсерков их держали возле себя конунги, однако бывало, что берсерки, недовольные конунгом, разбойничали на его землях и даже собирали собственные дружины. Но, помимо этого, берсерки

были поэтами и нередко умели резать руны.

По сути, берсерки обладали всеми наборами качеств, присущих самому Одину, из чего можно сделать вывод, что берсерки — это воины, чья жизнь полностью посвящена ему. Возможно, во время битвы и состояния боевого безумия, берсерки становились самим Одином, неся смерть на поле битвы.

Надо отметить, что тема берсерков крайне занимательна и стоит отдельного обсуждения.

Теперь коснемся известного сюжета Первой Войны между асами и ванами. В данном случае мифологический сюжет, явно имеющий древнюю историю, отражает непосредственно сам механизм принесения в жертву. И вновь нам встречается копьё, как основное орудие жертвоприношения:

Прорицание Вёльвы (*Völuspá*)

*Один метнул —
воины пали
(так было в мире
войны начало),
но рухнули стены
крепости асов —
ваны—провидцы
верх одерживали.*

*Fleygði Óðinn
ok í folk of skaut,
þat var enn folkvíg
fyrst í heimi;
brotinn var
borðveggr
borgar ása,
knáttu vanir vígspá
völlu sporna.*

(с) *Norse Ulver*, перевод В.Тухомирова

Также поступают и предводители дружин на море и на земле во время инициации битвы. Интересный факт, думаю известный многим, традиция метания копья сохранилась даже у потомков Рюриковичей на Руси:

Повесть временных лет

В год 6454 (946). Ольга с сыном своим Святославом собрала много храбрых

воинов и пошла на Деревскую землю. И вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав бросил копьем в древлян, и копье пролетело между ушей коня и удавило коня по ногам, ибо был Святослав еще ребенок. И сказали Свенельд и Асмуд: "Князь уже начал; последуем, дружина, за князем". И победили древлян.
(с) нормализация Д.С.Лихачева

2. Blót

Теперь вернемся к тому, что в северной традиции называется «блот». Слово это известно большинству последователей традиции современной, однако мало кто знает его истинное значение. Блот — это не просто жертвоприношение или обряд славления богов. Блотом в традиции архаичной и после нее называли все, что связано с язычеством, даже саму языческую веру как таковую. Вот небольшой список терминов, связанных со словом «блот»:

О религии

blótdómr, blótnaðr, blótskapr — язычество

blótkona — язычница

blótmaðr — язычник

blótgoði — жрец

blótgyðja — жрица

blótguð — языческий бог

blótvilla — языческая «ересь»

О ритуалистике

blótbolli — жертвенная чаша

blótspránn — гадание во время жертвоприношения

blótmatr — пища, поедаемая во время жертвоприношения

goðablót — жертвоприношение богам

blótveizla — жертвенный пир

О месте для жертвоприношений и богослужений

blóthaugr — курган для жертвоприношений

blóthof — языческий храм

blóthús — языческий дом для жертвоприношений

blóthqrgr — языческий алтарь

blótlundr — языческая роща

blótstaðr — место жертвоприношения

blótviðr — языческий священный лес

blótskógr — языческий священный лес

blótstallr — жертвенный камень

blótvöllr — языческое священное поле

О том, что приносили в жертвы

blótklæði — жертвенные одежды

blótnaut — жертвенный бык

blótauðigr — богатые жертвы

blótdrykkja — жертвенные напитки

Если вы не поняли того, кто придумал все эти значения, думаю, термин blótvilla должен расставить все точки над i. Естественно, традиции, существующей в изолированном пространстве, нет нужды в самоназвании. Вера есть вера, а боги есть боги.

Такая необходимость возникает только тогда, когда появляются люди другой, отличной от традиционной веры. Нет сомнений, что большинство этих терминов возникло во времена прихода христианства, короткого периода двоеверия и какое-то время после. Были ли эти термины самоназваниями для идентификации в обществе или же все они придуманы христианами, большого значения не имеет. Для нас огромную ценность представляют, во-первых, сам термин, выбранный для обозначения всего языческого, а во-вторых, список терминов, говорящих о том кто, что, где и как приносил в жертву.

К слову не только многообразие терминологии связанной со словом **blót** говорит нам о его значении. Вот пример источника, из которого следует, что даже если люди крестились, они могли продолжать совершать блоты. И только прекращение этой практики говорило о полном переходе в другую веру:

Saga o Hakone добром (Saga Hákonar góða)

Хакон конунг был хорошим христианином, когда он приехал в Норвегию. Но так как вся страна была тогда языческой, и жертвоприношения — в обычае, а в стране было много влиятельных людей, в поддержке которых, как и в любви всего народа, он очень нуждался, он решил скрывать свое христианство. Из дружбы к нему многие тогда крестились, а некоторые оставили и жертвоприношение.

Hákon konungr var vel kristinn, er hann kom í Noreg. En fyrir því at þar var land alt heiðit ok blótskapr mikill, en stórmenni mart, en hann þóttist liðs þurfa mjök ok alþýðu vinsæld, þá tók hann þat ráð, at fara leyniliga með kristni, hélt sunnudaga ok frjádagaföstu ok minning hinna stærstu hátíða. Hann gerði svá fyrst, at hann lokkaði þá menn, er honum

váru kærstir, til kristni; kom svá með vinsæld hans, at margir létu skírast, en sumir létu af blótum.

(c) Norse Ulver, перевод М. И. Стеблин-Каменского.

В совокупности с сагами, эддическими песнями, изображениями и археологией получается практически полная картина ритуала жертвоприношения, восстановить которую не составляет особого труда.

Жертвоприношение животных

Рассматривая вопрос жертвоприношения животных, мы должны вновь вернуться к вопросу мифа о первом жертвоприношении ради создания Мира. Именно этот мифологический сюжет лег в основу всех кровавых жертвоприношений как таковых. Изначальные человеческие жертвоприношения заменялись жертвоприношениями животных, но менялась лишь внешняя сторона, суть оставалась прежней.

Ключевым фактором в жертвоприношении является смерть живого существа и проливаемая им кровь. При этом факт смерти не имеет какого-то специального термина, нет указаний на то, что богам уходит «жизнь» или «душа» или еще что-то наподобие этого. Однако значение смерти жертвы незримо присутствует в самом ритуальном значении жертвоприношения как такового. Ключом к понимаю значения жертвоприношения, является кровь. Считается, что само слово **blót** имеет одно происхождение со словом **blóð** (ON — кровь). Что же делали с помощью жертвенной крови, как ее использовали?

Тут нам на помощь приходит целый пласт источников связанных именно с жертвенной кровью. Во-первых, этимология современного английского слова **bless** (англ. благословлять), а также современного исландского слова **blessa**, восходит к старору-

английскому **bletsian** (ст. англ. освящать кровью), которое, в свою очередь, возводят к протогерманскому **blōpisoną** (протогерм. отметить кровью). Все эти слова имеют в основе своей значения — собственно кровь, и отмечать, брызгать, ставить пятно. Таким образом, само слово **blót**, в широком смысле означающее жертвоприношение, в узком смысле означает «**делать священным с помощью нанесения крови**».

Свидетельством тому являются многочисленные упоминания ритуала кровавого жертвоприношения в сагах:

Saga o Hakone добром (Saga Hákonar góða)

*На этот пир все должны были принести также пива. Для пира **закалывали** всякого рода скот, а также лошадей. Вся **кровь** от жертв называлась **жертвенной кровью**, а чаши, в которых она стояла, — **жертвенными чашами**, а **жертвенные веники** были наподобие кропил. Ими окропляли все жертвенники, а также стены **капища** снаружи и внутри. Жертвенной кровью окропляли также людей. А мясо варили и вкушали на **пир**.*

*At veizlu þeirri skyldu allir menn öl eiga; þar var ok **drepinn** allskonar smali ok svá hross; en **blóð** þat alt, er þar kom af, þá var kallat **hlaut**, ok **hlautbollar** þat, er blóð þat stóð í, ok **hlautteinar**, þat var svá gert sem stöklar; með því skyldi **rjóðastallana** öllu saman, ok svá veggi **hofsins** utan ok innan, ok svá stökkva á mennina; en slátr skyldi sjóða til **mannfagnaðar**.*

(c) Norse Ulver, перевод М. И. Стеблин-Каменского.

В данном тексте присутствует специальный термин для жертвенной крови и атрибутики, с помощью которой совершалось главное ритуальное действие блота —

нанесение крови (в данном случае окропление). Слово **hlaut** (ст. исл. «жертвенная кровь») происходит от **hljóta** — слова, не имеющего аналогов в русском языке. Можно описать его как «быть обязанным что-то делать из-за случайного события». Вот пример из словаря Зоega: «**hón hlaut at sitja hjá Björgólfi**», что можно перевести как «так вышло, что она должна была сидеть около Бьоргольфа». Еще один пример, в более позитивном аспекте — «**margin hlutu gott af hans ráðum**», «многие выиграли (то есть получили блага, в том числе благодаря случайности) из-за его советов». Лучше всего этот термин, на мой взгляд, описывает фраза «**hlauzt svá til**» — «так получилось». Слово это возводят к **hleutana** (протогерм. «выбирать по жребию, получать»).

Таким образом, **hlaut** — это кровь, полученная от жертвы выбранной случайным образом, по жребию. То есть в данном случае не имеет значения, кто именно принесен в жертву, важен сам факт получения крови. К слову, в сагах присутствуют мотивы, когда человеческая жертва выбиралась именно способом жеребьевки.

Существует предположение, что данное описание, записанное Снорри Стурлусоном, может быть христианским заимствованием (по аналогии со святой водой). Но даже если это правда, под сомнение можно поставить только методы «нанесения жертвенной крови» с помощью веников и чаш. Сам факт наличия такого ритуального действия в северном язычестве подтверждается другими источниками:

Песнь о Хюндле (Hyndluljóð)

*Алтарь для меня Hörg hann mér
из камня сложил он, gerði*

и камень в стекло
переплавлен теперь;
обагрят он алтарь
жертвенной кровью:
в асиний верил
Оттар всегда.

*hlaðinn steinum,
— nú er grjót þat
at gleri orðit; —
rauð hann í nýju
nauta blóði;
æ trúði Óttarr
á ásynjur.*

(c) Norse Ulver, перевод А. И. Корсуна

В данном случае используется глагол **rjóða** (ст. исл. «окрашивать в красный цвет»), происходящий от **rauðr** (ст. исл. «красный цвет», поэт. «кровь»). И опять мы видим отсылку темы жертвоприношений к войне — **rjóður** (ст. исл. поэт. «тот, кто окрашивает кровью»), **rjóður brand** (ст. исл. поэт. «окрашивающий кровью мечи» — кёниннг воина), **fólkroði** (ст. исл. поэт. «то, что окрашивает людей кровью» — кёниннг битвы).

Тот же термин используется и для окрашивания рун кровью в магических целях:

Сага об Эгиле (Egils saga Skallagrímssonar)

Потом он принял рог, вырезал на нем руны и окрасил их своей кровью. Он сказал:
Hann tók við horninu ok reist á rúnar ok reið á blóðinu. Hann kvað:

Руны на роге режу,
Кровь их моя окрасит.
Рунами каждое слово
Врезано будет крепко.
Брагу девы веселой
Выпью, коль захочу я,
Только на пользу ль
будет
Брага, что Бард мне
налил?

*Rístum rún á horni.
Rjóðum spjöll í dreyra.
Þau velk orð til eyrna
óðs dýrs viðar róta.
Drekkum veig, sem viljum,
vel glýjaðra þýja.
Vitum, hvé oss of eiri
öl, þats Báröðr sign-
di.*

(c) Norse Ulver, перевод А. И. Корсуна

Если говорить о том, что прообразом жертвы является убийство человека в битве, тогда хлещущая кровь является основным и неотъемлемым атрибутом этого действия. Как уже говорилось ранее, именно кровь является основной ценностью и священным итогом жертвоприношения, а не жизнь или «душа» как таковая. Что же делает кровь жертвы-**hlaut** священной? Во-первых, кровь, в представлении древних скандинавов, явно являлась источником или переносчиком некоей информации и, в некоторых случаях, силы ее владельца. Вот известный всем пример, подтверждающий вышесказанное:

Язык поэзии (Skáldskaparmál)

Браги отвечает: «Все началось с того, что боги враждовали с народом, что зовется ванами. Но потом они назначили встречу для заключения мира, и в знак мира те и другие подошли к чаше и плюнули в нее. А при расставании боги, чтобы не пропал втуне тот знак мира, сотворили из него человека. Он зовется Квасир. Он так мудр, что нет вопроса, на который он не мог бы ответить. Он много странствовал по свету и учил людей мудрости. И однажды, когда он пришел в гости к неким карлам, Фьялару и Галару они позвали его как будто затем, чтобы поговорить с глазу на глаз, и убили. А кровь его слили в две чаши и котел, что зовется Одрёрир, — чаши же зовутся Сон и Бодн, — смешали с той кровью мед, и получилось медовое питье, да такое, что всякий, кто ни выпьет, станет скальдом либо ученым.

Браги svarar: «Þat váru upphöf til þess, at goðin höfðu ósætt við þat fólk, er Vanir heita. En þeir lögðu með sér friðstefnu ok settu grið á þá lund, at þeir gengu hváirtveggju til eins kers ok spýttu í hráka sínum. En at skilnaði

þá tóku goðin ok vildu eigi láta týnast þat gríðamark ok sköpuðu þar ór mann. Sá heitir Kvasir. Hann er svá vitr, at engi spyrr hann þeirra hluta, er eigi kann hann órlausn. Hann fór víða um heim at kenna mönnum fræði, ok þá er hann kom at heimboði til dverga nök-
kurra, Fjalars ok Galars, þá kölluðu þeir hann með sér á einmæli ok drápu hann, létu renna blóð hans í tvau ker ok einn ketil, ok heitir sá Óðrerir, en kerin heita Són ok Boðn. Þeir blendu hunangi við blóðit, ok varð þar af mjöðr sá, er hverr, er af drekkur, verðr skáld eða fræðamaðr.

(c) Norse Ulver, перевод О. А. Смирницкой

Еще одна особенность крови в качестве переносчика силы — достаточно всего одной капли, чтобы передать эту силу. Причем, судя по всему, любая жидкость (как минимум алкогольные напитки) способна перенимать всю силу, содержащуюся в крови, о чем мы еще поговорим позднее. Вот еще один пример передачи силы вместе с кровью, на этот раз капля тут указывается не фигурально, а вполне реально:

Язык поэзии (Skáldskaparmál)

И когда Фафнир полз к воде и оказался над той ямой, Сигурд пронзил его мечом, и Фафниру пришла смерть. Тогда подошел Регин и сказал, что Сигурд убил его брата и стал требовать за это, чтобы он вынул сердце Фафнира и изжарил его на огне. И Регин нагнулся и, напившись крови Фафнира, лег спать. А Сигурд стал жарить сердце и, подумав, что, верно, оно изжарилось, дотронулся пальцем: не жестко ли. И когда пена из сердца попала ему на палец, он обжегся и сунул палец в рот. И только лишь попала ему на язык кровь из сердца, он уразумел птичью речь и понял, о чем говорили синицы, сидевшие на дереве. En er Fáfnir skreið til vatns ok hann kom yfir gröfina, þá lagði Sigurðr sverðinu í gegnum

hann, ok var þat hans bani. Kom þá Reginn at ok sagði, at hann hefði drepit bróður hans, ok bauð honum þat at sætt, at hann skyldi taka hjarta Fáfnis ok steikja við eld, en Reginn lagðist niðr ok drakk blóð Fáfnis ok lagðist at sofa.

En er Sigurðr steikði hjartat ok hann hugði, at fullsteikt myndi, ok tók á fingrinum, hvé hart var. En er frauðit rann ór hjartanu á fingrinn, þá brann hann ok drap fingrinum í munn sér. En er hjartablóðit kom á tunguna, þá kunni hann fuglsrödd ok skilði, hvat igðurnar sögðu, er sátu í viðnum.

(c) Norse Ulver, перевод О. А. Смирницкой

Во-вторых, о жертвенной крови стоит сказать следующее: в восприятии священности крови, которую наносят на алтари, которой освящают предметы землю и прочее, присутствует простейшая архаичная логика. То, что посвящено богам — становится священным. Кровь — концентрация и зримое воплощение жизненной силы любого живого существа. Таким образом, эта сила, посвященная богам, становится священной силой. Прикосновением к этой силе или передачей этой священной силы является акт нанесения крови на предметы людей и пр. Люди, жертвуя кровью богам, берут часть этой крови (которая уже принадлежит им, а значит, священна), чтобы придать чему-либо такие же свойства.

Обращение к богам

Помимо самого блота, в процессе которого происходило ритуальное окропление жертвенной кровью людей, предметов, алтарей и прочего, в источниках встречается еще одной действие, часто идущее вместе со словом **blót**.

Viðja (ст. исл. «спрашивать, желать, молиться»). Также как и **hlaut**, слово **viðja** нельзя перевести однозначно. Это одно-

временно и мольба и обращение и желание (то есть проявление воли).

Этот термин интересен нам своей неоднозначностью. С одной стороны, это слово ближе к значению «умолять». Если посмотреть на современный английский, есть два основных термина это *bag* — «умолять, выпрашивать, попрошайничать» (то есть обращаться в состоянии крайней нужды к более сильному) и *ask* — «просить, спрашивать и даже требовать». Так вот, *bag* имеет одно происхождение с **biðja**, а *ask* произошло от протогерманского **aiskō** (которое, к слову, имеет один корень с «искать»). Так вот, я могу ошибаться, но в old Norse нет этого второго термина. И просьба, и мольба, и молитва (просьба, обращение к высшим силам) обозначаются одним термином — **biðja**. И даже больше, вот интересный отрывок:

Речи Сигдривы (*Sigrdrífumál*)

<i>Омой мертвецу голову, руки, пригладь ему волосы; в гроб положив, мирного сна пожелай умершему.</i>	<i>Laug skal gera, þeim er liðnir eru, þváa hendr ok höfuð, kemba ok þerra, áðr í kistu fari, ok biðja sælan sofa.</i>
---	--

(c) Norse Ulver перевод А. И. Корсуна

Пожалуй, слово «пожелай» лучше всего описывает значение слова **biðja** в данном контексте, что добавляет к просьбам, мольбам и требованиям еще и выражение воли – пожелание.

Есть как минимум два примера, когда слова **blóta** и **biðja** встречаются вместе один за другим:

Песнь о Хюндле (*Hynndluljóð*)

<i>Жертвы для Тора я приготовлю,</i>	<i>Þórr mun hon blóta,</i>
--	--------------------------------

*чтоб милость свою
он тебе даровал,
хоть он не жалует
ётунов жен.*

*þess mun hon biðja,
at hann æ við þik
einart láti;
þó er hánum ótítt
við jötuns brúðir.*

(c) Norse Ulver перевод А. И. Корсуна

Кстати, слово **láta** по словарю Зоega имеет 13 (!) значений. Интересно узнать, что же на самом деле просит Фрейя для йотунши Хюндли, перевод таков:

*Тору она пожертвует, то она попросит,
что бы он всегда тебе отвечал (или к тебе
прислушивался...), хоть он нечасто [так
поступает] с невестами ётунов.*

(c) перевод Н. Топчий

А вот второе, гораздо более известное упоминание:

Речи Высокого (*Hávamál*)

<i>Умеешь ли резать?</i>	<i>Veistu, hvé rísta skal?</i>
<i>Умеешь ли разгадывать?</i>	<i>Veistu, hvé ráða skal?</i>
<i>Умеешь ли окрасить?</i>	<i>Veistu, hvé ráða skal?</i>
<i>Умеешь ли спрашивать?</i>	<i>Veistu, hvé fáa skal?</i>
<i>Умеешь ли молиться и жертвы готовить?</i>	<i>Veistu, hvé freista skal?</i>
<i>Умеешь ли раздать?</i>	<i>Veistu, hvé blóta skal?</i>
<i>Умеешь ли заклать?</i>	<i>Veistu, hvé biðja skal?</i>
	<i>Veistu, hvé blóta skal?</i>
	<i>Veistu, hvé senda skal?</i>
	<i>Veistu, hvé sóa skal?</i>

(c) Norse Ulver, перевод А. И. Корсуна

Судя по этим отрывкам, блот и **biðja** происходили в одно и то же время, вопрос только в том, зачем разделять эти термины

ны? (Учитывая то, что в позднее время, судя по всему, оба эти действия объединились в термин — блот). Можно предположить, что в данном случае **biðja** и блот использовали для построения поэтического размера и, по сути, дублировали, то есть усиливали значение самого процесса принесения жертвы и обращения к богам.

Кого приносили в жертву?

Кого же приносили в жертву во время совершения блота? Про человеческие жертвоприношения мы поговорили уже достаточно, тем более что в наше время они уже, естественно, не актуальны (однако знание о них необходимо, для понимания глубинной сути и истории блотов). Теперь рассмотрим подробнее кого именно из животных приносили в жертву и постараемся разобраться почему.

Бык

Сначала поговорим про жертвоприношения богам или другим силам в принципе. Возвращаясь к списку терминов, связанных с блотом мы найдем один, относящийся к конкретному животному — **blótnaut** «жертвенный бык». Про быка мы уже слышали также и в «Песне о Хюндле». Из уст богини Фрейи, в той песне, звучит следующая фраза: «**rauð hann í nýju nauta blóði**», что означает следующее: «обагрят он [алтарь] свежей быка жертвенной кровью».

Naut (old norse — бык) произошло от **nauta** («протогерм. выгода, прибыль, владение, рогатый скот»). Такое неожиданное толкование уже заинтриговывает, однако это еще не все. Вот список однокоренных слов, не имеющих ничего общего с быком:

Nautn — польза, полученная из предмета

Nautr — соучастник, дающий (не в значении **gefandi** — «дающий, дарящий»; а в значении донор — «тот, кто отдает»)

Förunautar — компаньон, спутник

Современное немецкое **genosse** (нем. «товарищ»), ныне устаревшее английское **geneat** (англ. «вассал») возводят к протогерманскому **ganautaz** состоящее из двух слов **ga** и **nautaz** — «идущие за добычей, прибылью».

Более того, существует синоним быка, который обозначает собственно быка без всяких дополнений — **tarfr**, родственный русскому слову **тыр**.

Петроглифы с изображением быков на камнях в коммуне Танум (Tanum). Швеция, Бронзовый век (1800-600гг до н.э.).

Таким образом, **naut** это, скорее всего, изначально иносказательный, возможно даже поэтический способ назвать быка — «существо, дающее огромное количество пользы». Это символ богатства и прибыли (во всех смыслах). В какой-то степени, это символ хорошей жизни. Именно этот символ подносят в жертву богам. Зная этимологию этого слова, мне кажется, ни у кого не должно возникнуть вопросов, почему же именно бык.

Следует также отметить, что культ быка — один из самых древних культов европей-

ских народов, наравне с культом коня, о котором мы поговорим дальше. Однако культ быка не является характерным для скандинавского общества. Если вообще можно говорить о следе этого культа в ритуальном жертвоприношении быка, то только в качестве архаичного пережитка.

Конь

Как говорилось ранее, культ коня также является древним индоевропейским культом, однако больше всего развит он был у народов южных. Чем дальше на север, тем меньше прослеживается культ коня в народных верованиях. У германцев этот культ еще был достаточно распространен:

О происхождении германцев и местоположении Германии

... но лишь у германцев в обыкновении обращаться за предсказаниями и знаменами также к коням. Принадлежа всему племени, они выращиваются в тех же священных дубравах и рощах, ослепительно белые и не понуждаемые к каким-либо работам земного свойства; запряженных в священную колесницу, их сопровождают жрец с царем или вождем племени и наблюдают за их ржаньем и фырканием. И никакому предзнаменованию нет большей веры, чем этому, и не только у простого народа, но и между знатными и между жрецами, которые считают себя служителями коней — посредниками богов.

[...]

Похороны у них лишены всякой пышности; единственное, что они соблюдают, это — чтобы при сожжении тел знаменитых мужей употреблялись определенные породы деревьев. В пламя костра они не

бросают ни одежды, ни благоволий; вместе с умершим предается огню только его оружие, иногда также и его конь.

[...]

(с) Корнелий Тацит, Перевод А.С.Бобовича

Также известны полумифические братья — вожди с лошадиными именами Хенгист (**Hengest**) и Хорса (**Horsa**), которые вторглись и завоевали Англию в V веке. Тема божественных близнецов — прародителей рода, вождей в принципе близка индоевропейской мифологии и встречается, например, в римской истории. К слову, родословную Хенгиста и Хорса возводят, естественно к Одину.

Изображение коней на камнях в коммуне Танум (Tanum). Швеция, Бронзовый век (1800-600гг до н.э.).

Образ коня, особенно белого коня, восходит к образу царственного животного. По сути это самая дорогая жертва — заместитель человеческой. Если до германцев культ коня дошел уже достаточно измененным, то для скандинавов он и вовсе является архаизмом. Сам по себе конь в скандинавской мифологии из божеств связан только с Одином, как вождем асов и с образом мирового древа. Восьминогий

конь – Слейпнир, является ездовым животным Одина. Также название мирового древа Иггдрасиль означает «Конь Игга», то есть конь Одина. Про жертвоприношение коня мы знаем из «Саги о Хаконе Добром». Нам известно также, что мясо жертвенного коня употреблялось в пищу также, как мясо всех остальных жертвенных животных. Еще один образ, предположительно жертвоприношения коня, есть в «Саге о Храфнкеле Годи Фрейра», где Сыновья Тьостара убивают Коня Фрейра, скидывая его со скалы. Но даже если эта сага описывает жертвоприношение, суть его явно утеряна и мотивация дана совершенно отличная от религиозной.

Можно еще рассказать про культ коня в скандинавской традиции, но это не тема данной статьи.

Вепрь

Если о культе коня и культе быка можно говорить, как о культурах сильно видоизмененных и деградировавших, по сравнению и изначальными религиозными воззрениями индоевропейцев, то культ вепря дошел до германцев и скандинавов в своем изначальном виде и получил сильное развитие:

Индоевропейский язык и индоевропейцы
 Основу с первоначальным значением «вепрь», «кабан» можно увязать с основой со значением «бросать», «извергать» (семя) : др.-инд. *varati* «извергающий семя», *varṅa* — «насыпь» (земляная) (ср. *Рокорпу 1959 : 1149*). Такая этимология вероятна в свете древних представлений об этом животном как о производителе прежде всего, что и отражается в значительной степени в мифологической традиции (в частности, германской см. ниже)

[...]

В древнеисландском архаичное название «вепря» **jöfurr** используется только в зна-

чении «князь» (а также «бог»), чем символизируется особая роль этого животного в германской традиции. Более того, «вепрь» считался тотемным животным германцев, возводивших себя к божественной паре братьев **Ibor** и **Agio**, первый из которых увязывается с названием «вепря». Ввиду особой культовой значимости «вепрь» в германской традиции соответствующие слова в первичном значении табуируются, заменяясь другими словами, в частности словом, обозначающим и «домашнюю свинью» ...

(с) Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов

Англосаксонские шлемы с навершием в виде кабана, слева шлем, найденный в Нортгемптоншире (VII в.), справа — остатки шлема из кургана в Дербишире (Benty Grange Farm)

Ситуация с древнесеверным **jöfurr**, аналогична табуированию настоящего имени медведя (**ber**) в славянской культуре. С вепрем же все наоборот, славянские языки сохранили протоиндоевропейское слово **hepr** (отсюда протогерм. **eburaz**, лат. **aper** и, собственно, old Norse **jöfurr**), а old Norse заменил его на также знакомое нам слово **svín**. Слово же **jöfurr** используется исключительно в поэтическом обозначении во-

жда. В изобилии это слово присутствует в «Перечне размеров» (**Háttatal**) Снорри. Также имя **Jöfurr** встречается в «Саге О Форньоте и его роде». Однако вернемся к жертвоприношениям и к «Песне о Хюндле»:

Песнь о Хюндле (Hyndluljóð)

*В давние годы
родился одна-
жды
могучий герой
из рода богов;
дочери ётунов —
девять их было
—
родили его
у края земли.*

*(ненормализованный
текст)
Vardeinnborin
irdaga
rammaukin miok
raugna kindar;
niu bru þann
naddgaufgann mann
iotna meyiar
vid iardar þraum.*

*Я много сказала,
но больше ска-
жу, —
ты знать это
должен;*

*Mart segium þer
ok munum fleira,
vörumz at viti sua,
villtu enn leingra?*

*будешь ли слу-
шать?*

*Hann Gialp vm bar,
hann Greip vm bar,
bar hann Eistla
ok Eyrgiafa,
hann bar Vlfrun
ok Angeyia,
Imdr ok Atla
ok Iarnsaxa.*

*Родила его Гья-
льп,
родила его Грейп,
родила его
Эйстла,
родила его Эйр-
гьява,
родила его Ан-
гейя,
Атла и Ульврун,
Имд и Ярнсакса
героя родили.*

*Sa var aukinn
iardar megni,
sualkaulldum sæ
ok sonardreyra.*

*Взял силу земли
он,
студеного моря*

*и силу кабаньей
жертвенной
крови.*

(c) Norse Ulver, перевод А. И. Корсуна

Слово **sonardreyra** представляет огромный интерес с точки зрения его этимологии. По сути, оно обозначает «текущая кровь жертвенного кабана/вепря». **Dreyri** — архаичное название крови, этимологически возводят к **drauzijô** — «то, что падает», то есть течет. По сути, тут говорится про окропление, нанесение крови на что-то, о чем мы уже говорили. А вот этимологию слова **sónr** (не путать с **sonr**— сын) не все так просто. Словарь Зоega говорит следующее:

sonar-blót, n., etc., смотри ‘**sónarblót**’ (**sonar**— возможно более точная форма = OE.(древне английский) **sunor**, стадо свиной).

sonar-blót, n., etc., see ‘**sónarblót**’ (**sonar**— is probably the correct form = OE. **sunor**, herd of swine).

sónar-blót, n. специальное жертвоприношение (кабана); **-dreyri**, m. Жертвенная кровь; **-göltr**, m. жертвенный кабан.

sónar-blót, n. a special sacrifice (of a boar); **-dreyri**, m. sacrificial blood; **-göltr**, m. sacrificial boar.

Вторая версия происхождения слова **són/sonar** — от протогерманского **swōnō**, имеющего четыре значения — примирение, расплата; соглашение; успокоение; подношение, жертвоприношение. От него же происходит современное немецкое **sühne** «расплата». Все эти данные получены на основе достаточно хорошего, но мало что объясняющего источника [wiktionary \(en.wiktionary.org\)](http://en.wiktionary.org) и у меня создалось впе-

чатление, что предположение Зоega гораздо ближе к истинному значению **sonar**—**blót**. Во-первых, не было у германцев того, что им нужно было «искупать» а значит и не могло быть «искупительной жертвы» (это ближе к иудаизму). Во-вторых, о жертве в качестве «оплаты» или «дара» богам речь пойдет чуть дальше.

Помимо самого термина нас интересует кто же именно получил силу моря, земли и крови? Нетрудно догадаться, что «могучий герой из рода богов» это никто иной как Хеймдалль. Силу моря Хеймдалль берет от девяти сестер—великанш—волн; силу земли от места, где он родился «*vid iardar þraut*», то есть на берегу. Вполне возможно, что в данном случае жертвенная кровь, смешанная с морской водой и землей является неким древним ритуалом или следом как—то культа; может быть это связь жертвоприношения и колдовства (как, например, окрашивание рун кровью). К сожалению, досконально нам это не известно. Стеблин-Каменский пишет в комментариях к песне следующее:

«Взял силу... жертвенной крови — был защищен от злых сил посредством земли, соли и свиной крови (применяемых и теперь в народной медицине)»

А вот еще одно упоминание принесения в жертву вепря, уже в «Круге Земном»:

Сага об Инглингах (Ynglinga saga)

Он принес в жертву кабана, чтобы узнать, куда девался воробей, и получил ответ, что воробей убит в Вёрви.

Gekk hann þá til sonarblóts til fréttar og fékk þau svör að spör hans var drepinn á Vörva (c) Norse Ulver, перевод М. И. Стеблин-Каменского.

Однозначно можно сказать, что жертвоприношение кабана является наиболее характерным жертвоприношением животного в северной традиции. С одной стороны, кабан связан с войной, именно кабана поедают павшие герои в Вальгалле (четкий символизм: мясо вепря — пища героев и богов). Именно кабаньи головы были изображены на германских шлемах. С другой стороны, кабан прочно связан с Фрейром и культом плодородия в принципе, мужской силой и мощью. А значит такая жертва является универсальной во всех смыслах.

Баран и прочий мелкий скот

Помимо ключевых, имеющих особое значение животных, окруженных культом и глубокой мифологической мыслью, в северной традиции приносили в жертву и просто «мелкий скот» обозначенный словом **smali**. Один из примеров такого жертвоприношения можно прочесть в «Саге о Хаконе Добром»: **þar var ok drepinn allskonar smali ok svá hross** (для пира закалывали всякого рода скот, а также лошадей). Главная идея, которую нужно уяснить, это то, что козы и овцы, с точки зрения жертвоприношений, считались «всякого рода» (allskonar) скотом, то есть никакой особой идеи, кроме самой идеи жертвоприношения, закалывание такого скота не несло.

Как приносили в жертву?

Частично этот вопрос уже был рассмотрен выше. Можно лишь резюмировать сказанное.

Самое главное в блоте — это пускание жертвенной крови и использование ее для освящения чего—либо. В вопросе как именно умерщвляли жертву, нам может помочь слово **fórn** (исл. «жертва»), а точнее слово **fórn** (old Norse «подарок, подно-

шение»). Опустим объяснение, как древнее слово, означающее дар превратилось в слово, обозначающее жертву, мне кажется, тут все очевидно. Интересно нам другое, глагол **fórna** (исл. «пожертвовать») связывают со словом **fóarn**, что означает глотка.

Где приносили в жертву?

Тут нам поможет выборка терминов с самого начала второго раздела данной статьи. Как мы видим из этого списка, жертвы могли приноситься абсолютно везде. Начиная от специальных культовых сооружений, таких как **hof** (культовое сооружение, языческий храм), **blóthús** (дом для жертвоприношений, скорее для жертвенного пира); священных мест — **blótviðr** (священный лес), **blótlundur** (священная роща), **blótvöllr** (открытое место или огороженная земля; возможно поле); монументов — **blótstallr** (алтарь) и **hqrgr** (алтарь из камней) и заканчивая **blótstaðr** или просто «местом для жертвоприношений». Отдельно можно выделить **blóthaugr** (**haugr** — old norse курган), что намекает на связь блотов и колдовства (и не в первый раз).

Жертвенный пир и гадание

Заканчивая рассмотрение вопроса блотов, невозможно не упомянуть такое важное, для понимания этого явления как такового, событие как жертвенный пир. Как уже говорилось ранее, все части жертвенного животного, даже кровь принадлежащая богам, употреблялись людьми для тех или иных целей. Мясо поедалось на **blótveizla** — жертвенном пиру, на внутренностях гадали, а кости, вполне возможно, использовали для создания различных магических предметов. Это соответствует логике первого жертвоприношения в виде Имира — из тела жертвы был создан целый Мир.

Отдельно стоит поговорить о **blótdrykkja** — жертвенных напитках. Вот описание того как проходил жертвенный пир:

Сага о Хаконе добром (*Saga Hákonar góða*)

*Посредине пиршественной палаты горели костры, а над ними были котлы. Полные кубки передавались над кострами, и тот, кто давал пир и был **вождем**, должен был **освящать** полные кубки и **жертвенные яства**. Первым был кубок Одина — его пили **за победу и владычество своего конунга**, потом шли кубок Ньёрда и кубок Фрейра — их пили **за урожайный год и мир**. У многих было в обычае пить после этого Кубок Браги. Пили также кубок за своих родичей, которые уже были погребены. Этот кубок называли поминальным. Сигурд ярл был очень щедрым человеком. Он совершил то, что доставило ему большую славу: он дал большой жертвенный пир в Хладире и взял на себя все затраты. Eldar skyldu vera á miðju gólfi í **hofinu** ok þar katlar yfir; ok skyldi full um eld bera. En sá er gerði veizluna ok **höfðingi** var, þá skyldi hann **signa** fullit ok allan **blótmatinn**. Skyldi fyrst Óðins full, skyldi þat drekka **tíl sigrsok ríkis konungi sínum**, en síðan Njarðar full ok Freys full **tíl árs ok friðar**. Þá var mörgum mönnum títt at drekka þarnaest Braga full. Menn drukku ok full frænda sinna, þeirra er göfgir höfðu verit, ok váru þat minni kölluð. Sigurðr jarl var manna örvastr; hann gerði þat verk, er frægt var mjök, at hann gerði **mikla blótveizlu á Hlöðum**, ok hélt einn upp öllum kostnaði.*

(c) NorseUlver, перевод М. И. Стеблин-Каменского.

Как видно из текста саги, кубки с жертвенными напитками (пивом или мёдом) посвящались богам, но им полностью не отдавались (также как и с жертвенной кро-

вью). Очевидно, что тут то же самое представление, что и с жертвенной кровью — посвятив что-то богам, это делают священным; с помощью этого можно освятить что-то еще. Поедая освященное мясо и выпивая освященные напитки, люди общались с богами.

Про гадания у скандинавов и германцев нам известно удивительно мало, кроме того факта, что гадания эти имели огромное значение в жизни древних. Вот знаменитое описание Тацита о гадании, породившее множество споров:

О происхождении германцев и местоположении Германии

Нет никого, кто был бы проникнут такою же верою в приметы и гадания с помощью жребия, как они. Вынимают же они жребий безо всяких затей. Срубленную с плодового дерева ветку они нарезают плашками и, нанеся на них особые знаки, высыпают затем, как придется, на белоснежную ткань. После этого, если гадание производится в общественных целях, жрец племени, если частным образом, — глава семьи, вознеся молитвы богам и устремив взор в небо, трижды вынимает по одной плашке и толкует предрекаемое в соответствии с выскобленными на них заранее знаками
(с) Корнелий Тацит, Перевод А.С.Бобовича

А вот упоминания гаданий во время блотов уже из скандинавских источников:

Сага об Инглингах (Ynglinga saga)

Следующей весной Гранмар конунг отправился в Уппсалу, чтобы совершить жертвоприношение, так как было принято весной приносить жертвы за мир. Тут он по-

лучил предсказание, что ему не долго осталось жить, и он вернулся в свои владения.

Eftirumvorið fór Granmarkkonungur til Uppsala að blótasemsiðvenjavartilmótisumrið friðurværi. Féll honum þá svo spánn sem hann mundi eigi lengi lifa. Fór hann þá heim í ríki sitt.

(с) Norse Ulver, перевод М. И. Стеблин-Каменского.

В той же «Саге об Инглингах» есть упоминание принесения в жертву животного, чтобы узнать ответ на вопрос.

Резюмируя все сказанное о блотах, я хотел бы, чтобы читатель уяснил для себя основную мысль. Блот не является подношением богам. Блот — это способ общения с ними. Я предполагаю, что когда кто-то из древних язычников закалывал кабана или быка, он не дарил их богам, он совершал акт богослужения. Методология подношений имеет совершенно другую структуру, о чем мы поговорим далее.

3. Gjöf, gefa

Подношения предметов

Когда я говорю о разной методологии блота и подношения, я говорю об изначальном происхождении этих ритуальных действий. Если блот однозначно произошел из мифа об убийстве первого существа и создании из него Мира, то с подношениями все несколько сложнее. Мысль безусловно спорная, но я лично считаю, что подношение предметов изначально произошло из погребального обряда. Дело в том, что самый древний европейский погребальный обряд подразумевает размещение в могиле предметов быта. Одна из теорий гласит, что эти предметы умершие использовали при жизни и ритуальное значение их было — передать этим предметы вместе с умершим в Иной Мир, чтобы он

мог там ими пользоваться. Однако тут не все так просто. Одна из могил, в которой был найден каменный топор являлась могилой ребенка грудного возраста. Предмет положенный в его могилу явно не принадлежал ему во время его короткой жизни и вряд ли мог пригодиться ему после смерти. В одной из лекций господина Негреева я подслушал следующую мысль: предметы, которые клали в могилы, также как одежда и цветы являлись символами Жизни как таковой. То есть это своеобразное пожелание, что бы умершие когда-то где-то снова жили.

Другая мысль, более близкая к реальности (но не противоречащая первой) — подношения, подарки, дары богам подобны подаркам и дарам между людьми. Суть дара в северной традиции достаточно проста. Во-первых, любой подарок должен был быть отдарен:

Речи Высокого (Hávamál)

*Хоть совсем не мо-
лись,
но не жертвуй без
меры,
на дар ждут ответа;
совсем не коли,
чем без меры закалы-
вать.*

*Betra er óbedit
en sé ofblótit,
ey sér til gildis gjöf;
betra er ósent
en sé ofsóit.*

(с) Norse Ulver, перевод А. И. Корсуна

Во-вторых, ответный дар может и не являться предметом. Это может быть благодарность за сделанное, или же просьба отдать что-то, что нужно взамен. По сути, отношения между дарящим и отдаривающим похожи на торговлю. Даже так называемые «дающие» **gefendr**, то есть люди богатые, раздающие подарки, по сути покупали себе уважение и расположение, так важное во время решения тяжб. В данном

случае, отношения с богами имели сугубо меркантильный характер и были ближе к действию колдовского порядка, чем религиозного.

По аналогии с человеческими подарками (к слову, боги тоже друг другу много чего дарили) и в соответствии с археологическими находками можно сделать выводы о ценности и значении различных предметов.

Так, кольцо **baugur** (old Norse поэт. «кольцо, браслет») или **hring**, считалось подарком практически ритуального характера. Возможно из-за своего символизма, возможно из-за своей ценности (а возможно из-за того и другого) кольца, как подарки, встречаются чаще всего. Кольцедарителями называют вождей и конунгов, кольца дарят как благодарность, как оплату и в знак клятвы. К этой категории можно отнести любые изделия из драгоценных металлов в принципе. Можно говорить о том, что кольцо является, помимо прочего, символическим обозначением богатства как такового. Подобные подношения могли оставлять на алтарях и в храмах, а также закапывать в землю в качествеклада, который никогда не будет раскопан.

Нам также известны случаи подношения одежд, есть даже специальный термин **blótklæði**. Возможно, именно это имеется в виду в известной эддической песне:

Речи Высокого (Hávamál)

*В поле я отдал
одежду мою
двум мужам дере-
вянным;
от этого стали
с людьми они сход-
ны:*

*Váðir mínar
gaf ek velli at
tveim trémönnum;
rekkar þat þóttusk,
er þeir rift höfðu;
neiss er nökkviðr
halr.*

жалок нагой.

(с) Norse Ulver, перевод А. И. Корсуна

Упомянуты **blótklæði** в «Саге о людях с Болот»:

Hann kveðst séð hafa hrúgu eina mikla og koma undan fram rautt klæði. Þorsteinn mælti: «Þar muntu séð hafa Hrolleif og **blótklæði** hans. Nú mun þangað eftir að leita. Víumst nú skjótt og hættum á hvað gerir.» (Он сказал, что видел большую грудь и снизу выглядывало красное платье. Торлейв сказал «Там ты, должно быть, увидел Хроллеива и его **жертвенную одежду**. Теперь будем там его искать. Быстро сейчас соберёмся и рискнём, что получится»).

Тацит также говорит о том, что у германцев не было традиции сжигать вещи. Возможно они действительно «надевались» на фигуры богов. Как бы то ни было, точных данных на этот счет я не нашел.

Отдельно стоит рассмотреть подношение оружия. Можно предположить, что оружие скандинавы дарили богам не свое, а трофейное. Хильда Элис Дэвидсон в книге «Древние скандинавы. Сыны северных богов» пишет о том, что первое подношение не просто оружия, а целой ладьи на территории Дании было осуществлено в 200г. до н. э. Тут стоит упомянуть о специфическом способе подносить такие дары. Их топили в воде, а позднее в болотах. Помимо оружия, иногда так подносили и животных, что для меня является очень странным фактом, учитывая, что блот всегда сопровождался поеданием мяса на жертвенном пиру.

Возможно, тут мы сталкиваемся с совершенно иной религиозной мыслью и даже качественно иным способом жертвоприношений. На такую мысль меня натолкнуло два факта. Во-первых, все жертвенные предметы, найденные в воде и болотах, обязательно уничтожались. Это касается и оружия, щитов и кольчуг, и керамики, и

одежд. Во-вторых, этимология слова **sóa**, которое имеет два значения — уничтожать и жертвовать. В русском варианте это слово однозначно переводят как «заклать», то есть заколоть, в устаревшем варианте — принести жертву, убив колющим оружием. Однако у меня есть подозрение, что термин этот имеет гораздо более широкое значение.

Можно говорить о том, что уничтоженные предметы и богатства, утопленные в болотах и источниках, также как «не использованные» туши убитых жертвенных животных в представлении древних германцев и скандинавов напрямую отправлялись к богам как дары, коими на мой взгляд не являются жертвенные животные и когда-то люди, убитые во время совершения блотов.

Посвященные богам при жизни

Известны случаи посвящения людей и животных богам при жизни. Как правило, судьба этих существ обрывалась смертью насильственной. Ярким примером животного, отданного богам при жизни, может служить кабан, отданный Фрейру:

Загадки Хейдрика (*Heiðreksgátur*)

Конунг Хейдрек приносил жертвы Фрейру. Кабана, что оказывался самым большим, он должен был отдавать Фрейру. Они считали его столь священным, что на его щетине должны были клясться во всех крупных делах, и этого кабана они должны были приносить как искупительную жертву. Вечером на йоль жертвенного кабана должны были приводить в палату к конунгу. Там люди клали руки ему на щетину и приносили клятвы.

Heiðrekrkonungrblótadi Frey. Þanngölt, er mestanfekk, skyldihanngefa Frey. Kölluðu þeirhannsvá helgan, atyfirhansburstskyldis-

verjaum öllstórmál, okskyldi þeimgeltíblótaatsónarblóti. Jólaftanskyldileiðasónargöltinn í höllfyrirkonung, oklögðumenn þá hendryfirbursthansokstrengjaheit.
(c) NorseUlver. Перевод Тимофей Ермолаев

То есть кабана сначала отдавали богам, пользовались его «святостью» принося на нем клятвы, а потом уже совершали блот, принося его в жертву.

Однако, стоит отметить, что чаще распространена совсем другая смерть посвященных богам, бескровная. Я глубоко убежден, что во всех случаях, не касающихся битвы и смерти с оружием в руках, ритуально убитые бескровным путем отправлялись к богам и были им отданы.

В северном язычестве прослеживалось два способа бескровного убийства – это удушение и ломание хребта/пробивание головы. История о Харальде Двоезубе является прекрасной иллюстрацией такой смерти:

Деяния датчан

Харальд, который был уже слеп от старости, услышал горький ропот среди своих людей и понял, что благоволившая прежде ему удача теперь улыбнулась его врагам. Передвигаясь по полю боя на своей снабжённой серпами боевой колеснице, он приказал Бруни, который коварно занял место возницы, сказать, каким образом Ринг построил свое войско. Тот же, слегка усмехнувшись, ответил, что Ринг ведёт сражение, построив своё войско клином. Услышав это, король содрогнулся в душе и, пребывая в сильном изумлении, спросил Бруни, от кого Ринг мог узнать об этом виде боевого строя, тем более, что Один, который был его единственным изобретателем и учителем в нём, никому другому кроме самого Харальда никогда не рассказывал об этом новом способе ведения войны.

И когда Бруни промолчал, король понял,

что перед ним, очевидно, сам Один и что божество, с которым прежде он был в столь близких отношениях, в настоящее время сменило своё тело и обличье, и всё это либо с целью помочь ему, либо — чтобы погубить. Харальд сразу же начал смиренно молить бога о том, чтобы тот, как и прежде, был милостив к данам и отдал им победу в этой битве, проявив к ним в конце его жизни благосклонность такую же, как и в самом её начале. В качестве награды за это он обещал посвятить ему души всех павших воинов. Однако Бруни не внял мольбам упрашивавшего его Харальда. Вместо этого он неожиданно столкнул короля с повозки, так что тот упал на землю. Вырвав у падавшего палицу, он обрушил её на голову самого Харальда, убив короля его же собственным оружием
(c) Norse Ulver. Саксон Грамматик, перевод Досаева А. С

Еще один пример смерти в следствии тупого удара по голове можно прочесть ниже.

Сага об Инглингах (Ynglinga saga)

Однажды во время жертвоприношения дисам Адильс конунг ехал на коне через капище дисы. Вдруг конь споткнулся под ним и упал, а конунг — с него и так ударился головой о камень, что череп треснул и мозги брызнули на камень. Так он погиб. Он умер в Уппсале и был погребен там в кургане. Шведы называли его могущественным конунгом.

Aðils konungur var að dísablóti og reið hesti um dísarsalinn. Hesturinn drap fótum undir honum og féll og konungur af fram og kom höfuð hans á stein svo að hausinn brotnaði en heilinn lá á steininum. Það var hans bani. Hann dó að Uppsölum og er þar heygður. Kölluðu Svíar hann ríkan konung.

(c) *Norse Ulver*. Перевод М. И. Стеблин—Каменского.

В «Саге о Храфнкеле Годи Фрейра», братья убивают коня, отданного Фрейру, скинув его со скалы, то есть опять же не пуская ему кровь.

Что же про удушения? Тема, очень хорошо освященная в эпосе, особенно в связи с Одином. Старкад, убивая Викара в «Саге о Гаутреке» говорит, что отдает его Одину, вешает его и протыкает копьем. Тут мы видим совмещение кровавого и бескровного жертвоприношений, совершающихся по очереди. Как и в случае с кабаном Фрейра, сначала человека вешают, отдавая Одину, а потом закалывают копьем, совершая древний вид блота. Одним из прекрасных примеров бескровного жертвоприношения является известный «человек из Толлунда». Дабы никого не шокировать, я не буду приводить его изображения, но интересующимся темой советую посмотреть их (благо они есть в достатке). Удивительно выражение лица задушенного человека, как будто он принимал смерть с полным осознанием того, куда он идет таким путем. находка эта относится к IV веку до н.э. Более близким к нашему времени является описание «смерти знатного руса» Ахмада ибн Фадлана ибн ал-'Аббаса ибн Рашида ибн Хаммада произошедшего в X веке на территории современной России.

Вместе с умершим знатным русом отправлялась к богам и «девушка», возможно рабыня. Стоит отметить, что эта девушка должна была вызваться сама. Предположительно изначально это должна была быть жена умершего, но позже её заменили на девушку из простых. Это очень интересный момент, заслуживающий отдельного изучения. Тут стоит сказать об особой роли женщины в качестве проводника как из иного мира в мир живых, так и в обратную сторону — из мира живых в мир мертвых. Закончить тему жертвоприношений хотелось следующим широко известным отрывком. Выводы я надеюсь вы сделаете сами.

Речи Высокого (Hávamál)

*Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.*

*Veit ek, at ek hekk
vindga meiði á
nætr allar níu,
geiri undaðr
ok gefinn Óðni,
sjalfr sjalfum mér,
á þeim meiði,
er manngi veit
hvers af rótum
renn.*

(c) *Norse Ulver*, перевод А. И. Корсуна

Жертвоприношения германского и скандинавского язычества: формы и смыслы.

Автор: Н. Тончий (Tradis)

Дар за дар, отозвался Камал, риск за риск: обычай для всех один!
Дж.Р.Киплинг, «Баллада о Востоке и Западе»

Вопрос о жертвоприношениях является ещё одним увлекательным вызовом для современного язычества. И ещё одним свидетельством того, что без обращения к древней традиции, без анализа и примерки на себя миропонимания наших предшественников язычество остаётся лишь интеллектуальной игрой. Ведь с точки зрения человека эпохи декларативного рационализма и отнюдь не декларативных товарно-денежных отношений сам факт отдачи чего-то в жертву божеству (как и проведение ритуалов в целом, сезонных или occasionalных) воспринимается либо как постановочное действие из соображений «общепринятого этикета» при контакте с сакральным, либо как сделка в стиле «я — тебе, ты — мне». В первом случае возникают мысли об условности и необязательности обряда, во втором — что те, к кому мы обращаемся, от нас в чём-то зависят: мы ж им платим, практически нанимаем!

Наверное, любой человек, серьёзно следующий какой-либо языческой традиции, согласится, что такой подход — грубейшее упрощение. Однако в вопросе, какой же смысл вкладывается в жертвенную обрядность сегодня и какой вкладывался некогда, нет единства. Возможно, потому, что таких смыслов существенно больше одно

одного, и в разных культурах, более того, в различных обстоятельствах в одной культуре, делался акцент на разные их комбинации. Как писал Марсель Мосс в заключительной части своей работы «Очерк о природе и функции жертвоприношения»: *Это единство [системы жертвоприношений] проистекает не из того, что все возможные виды жертвоприношений... произошли от одной первичной и простой формы. Такого жертвоприношения не существует... Всякое жертвоприношение осуществляется в определённых обстоятельствах и с расчетом на достижение достижения конкретных целей.* И далее:

Но если жертвоприношение настолько сложно, в чём может состоять его единство? Всё дело в том, что в основе, при всём многообразии форм, в которое жертвоприношение облекается, это всегда одна и та же процедура, которую можно применить для достижения самых различных целей. Эта процедура состоит в установлении связи между сакральным и профанным миром посредством жертвы, то есть предмета, уничтожаемого в ходе церемонии²⁶.

(с)

²⁶ Здесь и далее перевод с французского под редакцией И.В.Утехина.

Или, если взять определение «по учебнику»²⁷, под жертвоприношением понимают один из наиболее древних религиозных обрядов, преследующий целью установление или укрепление связи личности или общины с духами, обожествлёнными предметами и богами путём принесения им даров, которые для жертвователей обладают реальной или символической ценностью. При таком подходе нивелируется проводимое некоторыми современными язычниками различие между жертвоприношением и подношением-даром богам, по каким бы критериям не проводилось разграничение (общественный и частный ритуал, приношение пищи или предметов), всё в итоге сводится к нашему желанию обратиться, нечто отдавая — и быть услышанными.

Логично было бы для понимания сути жертвоприношения как такового проследить его происхождение, начиная с самой ранней стадии. Однако именно в вопросе происхождения данной практики взгляды исследователей расходятся. К примеру, М. Мосс (и не только он), как видно из цитаты выше, вообще сомневался в существовании единой, предшествовавшей прочим формы. Истоком идеи с очень большой вероятностью могли быть погребальные дары предкам, передаваемые с умершим, ритуальное кормление предков (австралийский этнограф Б. Спенсер) — или даже само ритуальное убийство членов племени, достигших определённого возраста (см. гипотезу об обычае убийства стариков на ранних стадиях развития общества в работах Н. Велецкой). Английский этнограф Э.

Тайлор считал первичным задабривание и умилоствление духов. Есть версия о происхождении всех видов жертвоприношений из идеи совместной трапезы тотемического культа, на которой запретное в обычное время существо съедалось общиной — во имя поддержания кровного союза и единства с тотемом-предком (Робертсон-Смит, Фрэнгер). Этологи же вспоминают о подходящих ритуализированных, «умиловительных» действиях, практике бескорыстного дележа пищи высших приматов, выводя тем самым идею жертвоприношения даже не из социальной, из предсоциальной и биологической природы человека в глубочайшей древности (см. например: Г.П. Удалова, «Предпосылки возникновения жертвоприношения как формы социального поведения»²⁸). Известно что уже неандертальские погребения мустьерской эпохи с инвентарём (средний палеолит, 300 — 30 тыс. лет назад) можно рассматривать как содержащие погребальные подношения сородичам с целью обеспечить их необходимыми предметами и пищей в другой жизни (таковы захоронения Ла-Шапель-о-Сен, Ла Ферраси во Франции, где рядом со скелетами найдены кремневые орудия и остатки красной охры). Палеоантропологи относят первые жертвоприношения высшим существам к верхнему палеолиту (50—10 тыс. лет назад), о чем свидетельствуют особым образом оформленные «хранилища» костей и черепов пещерных

²⁷ Точнее, по «Историческому словарю» с сайта dic.academic.ru, определение почти дословно воспроизводится в Википедии.

²⁸ **Жертвоприношение в архаике: атрибуция, назначение, цель: Сборник научных трудов семинара «Теория и методология архаики» / Под ред. М.Ф. Альбедиль, Д.Г. Савинова. СПб.: МАЭ РАН, 2012. Вып. V.**

медведей в Альпах (Драхенлох, Петерсхеле, Виллендорф, Монтеспан²⁹).

Разумеется, здесь вопрос об изначальном происхождении жертвоприношений решать не предполагается, задачей заметок является лишь определить хотя бы основные надёжно зафиксированные смыслы, вкладывавшиеся в проведение ритуала у германцев и в эпоху викингов. Для этого стоит начать с перечисления таких возможных смыслов вообще, благо антропологи, историки, этнографы давно и на основании обширных исследований описали возможные виды жертвоприношения как обобщенной процедуры, разделив их по поставленным задачам. В целом выделяют: — жертвы дара и обмена: умиловительная; жертвы-кормление; долю божества или умерших; жертвы, пробуждающие внимание богов; искупительные; благодарственные; жертвы, совершаемая как акт благочестия, дар как установление связи с высшей силой;

— жертвы, воспроизводящие миф, космогонию, сотворение мира (например, при ритуалах смены времён года);

— безадресные и не связанные непосредственно с мифом жертвы-посланники, жертвы-сопроводители или транспорт в иной мир; сюда же относят жертвы типа строительной (речь о распространённом по всей Европе обычае замуровывать человека или животное в основание строящегося сооружения).

Что касается третьей группы жертвоприношений, то жертва-посланник или спутник не является самоцелью, но лишь способом осуществления задач первой группы

(почтить умершего, помочь предкам или попросить у них помощи, отвести беду от рода и т.д.), а строительная жертва по мнению Д. К. Зеленина³⁰, например, изначально была предназначена для умиловления духа деревьев, самовольно задействованных человеком, т.е. восходит к жертвевыкупу. Поэтому рассматриваться будут далее группы первая и вторая.

В любом из перечисленных случаев жертва-дар переходит из мира людей в мир предков, духов или божеств, что нередко сопровождается её ритуальным уничтожением. Переход этот возможен потому, что обряд наделяет её (по умолчанию или особыми усилиями людей) сакральными свойствами. В случае, когда в процессе используются передаваемым и люди (например, съедают жертвенное животное) некие свойства состояния «освященности», близости к Иному миру могут переходить и на них.

Итак, что мы знаем о жертвоприношениях древних германцев, а главное, можем ли судить об их предназначении?

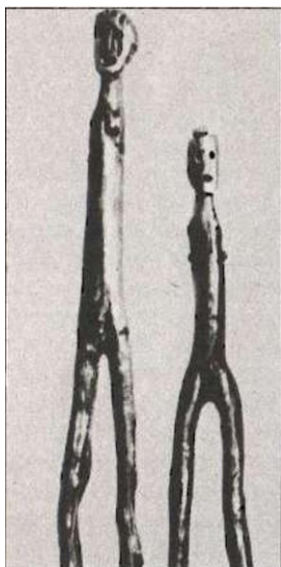
Жертвоприношения у германцев.

Как и всегда при обращении к истории германского и скандинавского язычества, наша возможность оценки прошлого ограничена: мы берёмся судить о мировоззрении людей по свидетельствам археологии, допускающим толкования, и письменным источникам, созданным внешними по отношению к происходившему наблюдателями — античными авторами или потом-

²⁹ *Энциклопедия эпистемологии и философии науки.*

³⁰ Зеленин Д.К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1934-1954. М., "Индрик", 2004, с. 145-175.

ками исландцев-язычников, чьи записи относятся к XII—XIV вв. Тем не менее, записи в сочетании с результатами раскопок и, возможно, свидетельствами лингвистики (ибо язык отражает особенности мышления людей — и определяет их) дают в целом непротиворечивую картину.

Деревянные идолы из святилища в Шлезвинге, ранний Железный век.

О. Клиндт-Йенсен³¹ упоминает о находках сосудов с костями животных, относящихся к доримскому железному веку (V—I вв. до н.э.) в датских болотах, рассматривая их как угощение для богов. Как вотивные подношения археолог трактует вырезанные из мягких пород дерева (и потому не пригодные для работы) плуги-арды, а также старые изношенные их рабочие аналоги, опущенные в болота, что неизбежно наводит на мысли о культе плодородия. Найденны и свидетельства бытования челове-

ских жертвоприношений. Сюда можно отнести, в частности, знаменитого «человека из Толлунда» (Дания, IV-III вв. до н.э.), что, судя по останкам, принадлежал к кругу власть имущих, был ритуально задушен (на основании исследования его последней трапезы, состоявших из смеси зёрен, диких и окультуренных злаковых, выдвигается предположение о принесении его в жертву божествам плодородия в конце зимы-начале весны). К этому же периоду относится и деревянный идол из Поссендорфа³² (Тюрингия, ныне утрачен), датируемый примерно II в. до н.э., высотой ок. 90 см. с поднятой рукой. Для нашей темы находка интересна тем, что рядом был найден бронзовый котёл и семь керамических сосудов, а несколько дальше лежал скелет мужчины, возможно, принесённого в жертву божеству.

Человек из Толлунда, фрагмент. Музей Силькеборга (Silkeborg, Дания). Голова, приложена к макету тела, которое в целостности сохранить не удалось

³¹ Оле Клиндт-Йенсен. Дания до викингов. — Спб.: Евразия, 2003. Перевод с англ. яз. А. П. Саниной. Научный редактор А. А. Хлезов.

³² Wijnand van der Sanden, tr. Susan J. Mellor, *Through Nature to Eternity: The Bog Bodies of Northwest Europe*, Amsterdam: Batavian Lion, 1996.

Также к этому времени относятся первые свидетельства обычая отдавать богам трофеи (или их часть) после победы. Как пишет Павел Орозий в своей «Истории против язычников» о кимврах (события происходят в 105 г. до н.э., сама же «История» создана в 417 г. н.э.):

Враги, захватив оба лагеря и огромную добычу, в ходе какого-то неизвестного и невиданного священнодействия уничтожили всё, чем овладели: одежды были порваны и выброшены, золото и серебро сброшено в реку, воинские панцири изрублены, конские фалеры искорежены, сами кони низвергнуты в пучину вод, а люди повешены на деревьях — в результате ни победитель не наслаждался ничем из захваченного, ни побежденный не увидел никакого милосердия³³.

(с)

Речь идёт об одной из первых неудачных попыток экспансии кимвров³⁴, тевтонов и амбронов на территорию Империи в 120—101 гг. до н.э., что тогда ещё было явлением эпизодическим. О связанных с войной человеческих жертвоприношениях у кимвров также рассказывает отрывок из «Географии» Страбона, датируемый приблизительно началом нашей эры, т.е. более близкий к описываемым событиям (кн. VII, II, 3):

³³ Перевод В. М. Тюленева.

³⁴ Некоторой проблемой, правда, является весьма вероятная принадлежность кимвров к кельтской группе племён, что рисует приводимый далее отрывок Страбона в новом свете: котлы обладали особым символизмом как источник изобилия и магии у кельтских мифов. Однако взаимное влияние кельтов и германцев на континенте было, в любом случае, значительно.

Рассказывают о следующем обычае кимвров: их жен, следовавших с ними в поход, сопровождали жрицы-предсказательницы, седовласые, в белых одеждах, в полотняных, застегнутых [фибулами], мантиях, в медных поясах и босые. Они выходили навстречу пленным с обнаженными мечами, надевали на них венки и вели их к медному кратеру вместимостью в 20 амфор. Там была лестница; по ней всходила [одна из них] и, распростершись над котлом, перерезала горло каждому из них, подняв его на воздух. По натекавшей в кратер крови они совершали какое-то гадание³⁵.

(с)

В описаниях легко узнаются два постоянных мотива германского и скандинавского язычества: в первом — смерть военнопленных через повешение (на основании позднейших материалов связываемая с культом Водана), во втором — особое отношение к жертвенной крови.

Приветствие Солнца древними германцами на Зимнее Солнцестояние, гравюра на дереве, 1893 г., Фердинанд Линднер (Ferdinand Lindner, 1847-1906 гг.).

Период более тесных контактов, военных и мирных, германских племён с Римом по-

³⁵ Перевод Г. А. Стратановского.

лучил название римского железного века (I—IV вв. н.э.). В это время, в века войн и наёмничества, возрастает и значение в жизни племён божеств войны. Соответственно, увеличивается число свидетельств о дарах высшим силам в виде оружия. Таковы находки в болотах Дании (в Ньюдаме, Торсбьёрге, Крагехуле и Вимозе) и в Шлезвинг-Гольштейне. Причем находки эти содержат огромное количество римского материала, и могли быть как вооружением легионеров вспомогательных римских войск, так и трофейным или контрабандным³⁶ оружием. Как пишет М.Тодд³⁷: «В одном лишь Ньюдаме было обнаружено около 100 мечей и более 500 наконечников копий, в том числе и много римских. Этого хватило бы, чтобы вооружить большую дружину, и, судя по всему, значительная часть этого оружия оказалась в болоте одновременно, а не скапливалась там на протяжении многих лет». В то же время торфяники Торсбьёрга были местом проведения многочисленных обрядов в течение длительного времени. В случае с Эртебелле, было установлено, что вооружение топили в болоте дважды на протяжении достаточно короткого срока. Крупнейшие из таких вотивных кладов датируется позднеримской эпохой.

По понятным причинам основные письменные источники античности также относятся к периоду усиления контактов варварских племён с Империей и, в целом,

³⁶ Римские законы предполагали строжайшее наказание за продажу варварам оружия или стратегических материалов, в частности, железной руды (см. М. Тодд, Варвары. Древние германцы.)

³⁷ Малкольм Тодд. Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура. Перевод с англ. Н. Ю. Чехонадской.

подтверждают общую картину адресного дара Силам, в том числе и военного. При этом стоит учитывать, конечно, что, «просвещённых» авторов привлекало в варварской жизни либо всё необычное и вызывающее эмоциональный отклик, либо то, что можно было использовать в целях назидания соотечественникам.

Вновь мы сталкиваемся, как и в доримском железном веке, с обычаем посвящать плоды победы божеству, победу даровавшему, в примерение — Водану (для римлян — Меркурию) и Тивазу (соответственно, Марсу). Корнелий Тацит в своих «Анналах» (кн. XIII, 57) пишет:

В то же лето (58 г. н. э.) произошло большое сражение гермундуров с хаттами из-за богатой солью пограничной реки, которую каждое из этих племен стремилось силою отвести [на свою территорию]. Кроме склонности решать все споры оружием, тут действовала и другая причина — верование, что подобные места ближе всего к небу и что боги ниоткуда так хорошо не внемлют молитвам смертных, как именно отсюда. Поэтому по милости богов в этой реке и в этих лесах родится соль не так, как у других народов, в результате испарения морской воды, а из сочетания враждебных стихий, огня и воды; ибо для добывания соли здесь льют воду на горящие деревья. Война была удачна для гермундуров, но для хаттов она оказалась тем более пагубной, что [обе стороны] на случай победы посвятили вражеское войско Марсу и Меркурию, а в силу этого обета [победители гермундуры] должны были истребить воинов и лоша-

дей и вообще все живое [в племени хаттов]³⁸.

(с)

В тех же «Анналах» (кн. I, 61) Тацит рассказывает о картине, представшей перед Германиком на месте разгрома римлян в Тевтобургском лесу (9 г. н. э, т.е. события несколько более ранние по сравнению с предыдущей записью), где мы видим вновь жертвоприношения пленных на алтарях и через повешение (а также встречаем упоминание германских священных рощ):

Тут же валялись обломки оружия и скелеты лошадей, а к стволам деревьев были прикреплены человеческие черепа. В соседних рощах (lucis) находились алтари варваров, на которых они заклали трибунов и центурионов первого ранга. Участники битвы, пережившие её, убежавшие во время самого сражения или из плена, рассказывали, где пали легаты, где были похищены орлы, где Вар получил первую рану, где он нашел смерть от злополучного удара своей собственной руки; с какого возвышения Арминий держал речь к своему народу, сколько было устроено виселиц и вырыто могил для пленных, и как он высокомерно издевался над римскими знаками отличия и орлами.

(с)

Священный характер битвы для германцев, требующий посвящать божеству победу и её плоды угадывается и в скупом замечании Тацита в его работе «О происхождении германцев и местоположении Германии» (написанной примерно в 98 г.н.э.).

³⁸ Здесь и далее приводятся отрывки по: Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах, т.1. Анналы. Малые произведения. Л., Наука, 1969. Перевод А. С. Бобовича.

Однако казнить, заключать в оковы и подвергать телесному наказанию не позволяется никому кроме жрецов, да и то не в виде наказания и по приказу вождя, но как бы по повелению бога, который, как они верят, присутствует среди сражающихся: в битву они приносят взятые из роц священные изображения и значки.

(с)

Из приведённого отрывка следует и священный характер германского правосудия, о чём вспоминают значительно реже. В том же тексте Тацит сообщает, что именно жрецы поддерживают порядок на народных собраниях-тинггах, и что осуждённых на таком собрании за не связанное с трусостью преступление, вроде перехода на сторону врага, казнят повешением, трусов же и «обесчестивших своё тело» — утоплением в болоте. Всё это наводит на мысль о том, что приговаривать могли к принесению в жертву, отдавая виновного богам: храбрых — Водану, остальных — силам земли.

Разумеется, далеко не все интересы германцев были связаны с войной. О жертвоприношениях в мирное время говорит другая известная цитата из того же источника:

Из богов германцы больше всего почитают Меркурия [Водана], которому в известные дни разрешается приносить также и человеческие жертвы. Геркулеса [Тунраса] и Марса [Тиваза] они умоляют назначенными для этого животными. Часть свегов приносит жертвы также Изиде.

(с)

В установленный день представители всех связанных с ними [семионами] по крови народностей сходятся в лес, почитаемый

ими священным, поскольку в нем их предкам были даны прорицания и он издревле внушает им благочестивый трепет, и, начав с заклания человеческой жертвы, от имени всего племени торжественно отправляют жуткие таинства своего варварского обряда.

(с)

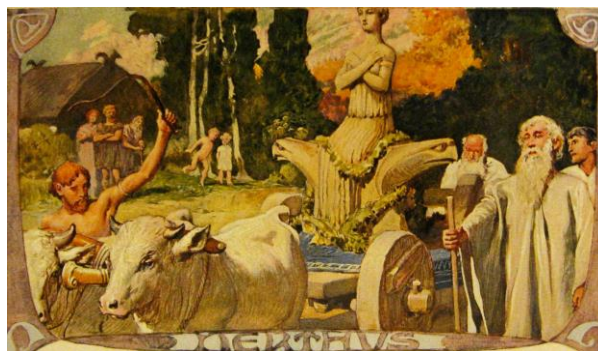
При этом продолжение текста — рассказ о благоговении перед священной рощей, территорией, отданной богам, куда человеку можно входить лишь в оковах, переключается с темой божества, чью власть человек признаёт полностью, посвящая ему свою жизнь («благоговение перед этой рощей проявляется у них и по-другому: никто не входит в нее иначе, как в оковах, чем подчеркивается его униженность и бессилие перед всемогуществом божества»). Эхо древности мы потом услышим и в посвящении человека богу, и в имени валькирии Херфьётур (Путы войска) и магии боевых оков Одина в «Речах Высокого»...

И, наконец, о культе Нерты, хозяйки своей священной рощи на острове, богини, несомненно, связанной с землёй и плодородием, той, что была супругой, сестрой или праобразом Ньёрда, Тацит пишет:

...они все вместе поклоняются матери-земле Нерте, считая, что она вмешивается в дела человеческие и навещает их племена. Есть на острове среди Океана священная роща и в ней предназначенная для этой богини и скрытая под покровом из тканей повозка; касаться её разрешено только жрецу. Ощувив, что богиня прибыла и находится у себя в святилище, он с величайшей почтительностью сопровождает её, влекомую впряженными в повозку коровами. Тогда наступают дни всеобщего ликования, празднично убира-

ются местности, которые она удостоила своим прибытием и пребыванием. В эти дни они не затевают походов, не берут в руки оружия; все изделия из железа у них на запоре; тогда им ведомы только мир и покой, только тогда они им по душе, и так продолжается, пока тот же жрец не возвратит в капище насытившуюся общением с родом людским богиню. После этого и повозка, и покров, и, если угодно поверить, само божество очищаются омовением в уединенном и укрытом ото всех озере. Выполняют это рабы, которых тотчас поглощает то же самое озеро.

(с)

Нерта. Эмиль Донлер (Carl Emil Doepler, 1855-1822 гг.)

Некоторые предварительные выводы о характере жертвоприношений у германских племён.

Хотя, безусловно, имеющийся материал фрагментарен, можно заключить, что основным видом жертвоприношений у германцев начала эры было жертвоприношение-дар божеству. Дарами являлись пища, принесённые в жертву животные, votivные предметы (в т.ч. изготовленные специально), оружие и иные ценные вещи. Даром божеству могла быть и человеческая жизнь, в ограниченном масштабе для бо-

жеств мирного характера или в мирное время, и с посвящением всех или значительной части противников божеству войны — в сражении. Кроме того, божеству могли посвятить определённую территорию (рощу, остров и т.д.), объявляя её священной, и хозяевами на ней были уже не люди. Причиной обращения к богам могла стать просьба о плодородии, победе или благополучии, попытка умиловить божество, дар-благодарность за уже оказанное содействие, а так же сезонное событие (таковы описанные Тацитом собрания семионов или процессии Нерты). В источниках нет информации о даре-выкупе или искуплении, однако свидетельства языка, что будут рассмотрены далее, намекают на его существование. Свою долю получали умершие в виде погребального инвентаря.

При этом явно прослеживается зависимость между возрастанием роли войны и божеств войны в жизни германцев и возрастанием роли и числа человеческих жертвоприношений (и, разумеется, связанных с войной даров вроде оружия или части добычи), что легко объяснимо как сакральным характером самой битвы (где все участники уже посвящены богу и находятся на освященной его вниманием территории), так и наличием «излишних» для родового общества пленных. Можно сказать, что в некотором роде именно Римская Империя сделала Одина первым в Асгарде: ведь в эпоху битв руководить должен Правящий Победой. При этом, помимо священного сражения знали германцы и столь же священное время мира, мира устанавливаемого в посвященный божеству период.

Известные способы принесения в жертву — удушение или повешение, закляние на

алтаре, утопление в озере или в болоте. Предметы топили в воде, клали в могилы, нередко при этом они предварительно ломались. Угадывается особая роль крови в обрядах (трудно сказать, как специального, особо ценного символа жизни или как «технического» средства прорицания).

Свидетельств того, что в мире германцев значительное место занимали ритуалы, воспроизводящие некие события мифа (сотворение вселенной, сезонную борьбу божеств и т.д.) нет, хотя регулярно повторяющиеся обряды таковыми быть, разумеется, могли. Мы не знаем, кому предназначался кимврский котёл крови (и были ли кимвры германцами, не знаем тоже), но одним из основных признаков воспроизведения мифа о Первожертве и сотворении из тела Первочеловека видимого мира считается расчленение тела жертвы замещающей, для той эпохи не характерное. Разумеется, все свидетельства являются взглядом извне, оставляют покрытыми мраком целые пласты религиозной жизни германских племён, и доказать таким образом отсутствие чего-либо нельзя. Но и подтвердить наличие пока нечем.

Жертвоприношения в эпоху викингов.

Время переселения народов связано с утратой большинством племён, вошедших в орбиту политики Империи, древней веры, и лишь северная и, не на долго, северо-западная часть их оказались вне сферы христианизации. Однако именно этому времени, чьи события причудливо отразились в германском героическом эпосе, а так же последующей эпохе викингов мы обязаны тем, что у нас есть не только безмолвные свидетельства археологии или внешних, не вовлеченных в чужую культуру-

ру наблюдателей, но и слова самих язычников, пусть даже подвергшиеся возможным искажениям при устной передаче или при записи.

Один, висящий на Мировом Древе, Франц Штассен (Franz Stassen, 1869-1949 гг.)

Самым известным, разумеется, является рассказ о жертвоприношении Одина в «Речах Высокого». Тот, в котором внешняя, фактическая сторона повторяет воданическое/одиническое жертвоприношение, известное из других источников (повешение и пронзание копьём). Тот, чьи внутренние смыслы до конца не разгаданы: это и инициация прохождением через смерть, и обретение шаманской мудрости, и единение в жертвенном ритуале жертвы, дарителя и самого божества, отмеченное ещё

М.Моссом в религиозной обрядности³⁹, и, если рассматривать историю с точки зрения психологии (или иных религиозных традиций), отказ от самости...

*Veit ek, at ek hekk
vindgameiði á
nætr allar níu,
geiri undaðr
ok gefinn Óðni,
sjalfr sjalfum mér...*

Знаю я, висел я // на ветродреве ночей всех девять, // копьём раненный // и дарованный (gefinn) Одину // сам самому мне (или, по смыслу, — дарованный Одину самим собой себе же⁴⁰).

На мирском уровне жертвоприношение божества повторялось, как свидетельствуют источники, в деталях. Помимо подтверждающего изображения ритуала на Стур-Хаммарском камне (Готланд), о виселице и копьё рассказывает «Сага о Гаутреке», где жертвоприношение было, несомненно, единичным. Фактически оно было инспирировано самим Одином, что

³⁹М.Мосс, «Очерк о природе и функции жертвоприношения»: «Но иногда эта ассоциированность жертвы и жертвователя достигается непосредственно через физический контакт между жертвователем (иногда жрецом) и жертвой... Вследствие этого сближения жертва, уже представляющая богов, начинает представлять и жертвователя. Мало сказать, что она его представляет: она соединяется с ним. Жертвователь и жертва сливаются в одной личности. Отождествление доходит до такой степени, что (по крайней мере, в ведическом обряде) теперь будущая судьба жертвы, ее близкая смерть производят некое обратное действие на жертвователя».

⁴⁰ Здесь и далее за помощь в переводе эддических стихов автор искренне благодарит Т.Ермолаева, переводчика и создателя сайта «Северная Слава».

попросил своего воспитанника Старкада отправить (*senda*) к нему конунга Викара. Случается это после прорицаний о необходимости принести жертву ради благоприятного ветра в походе и бросания в войске жребия, что конунгу как раз и выпал. Один вручает Старкаду камышинку и учит, как действовать. Тогда, по словам саги, уговорились конунг и его окружение совершить «нечто, напоминающее жертвоприношение» (*minning blótsins*). Старкад на низко-склонённой ветке сосны затягивает петлю из телячьих кишок (разумеется, не способную выдержать вес человека). Затем:

Он [конунг Викар] поднялся на колоду. Старкад надел ему на шею петлю, и сошёл с бревна. Затем Старкад уколол конунга стеблем и сказал: «Теперь я отдаю тебя Одину» (Nú gef ek þik Óðni). Старкад освободил сосновую ветвь. Камышовый стебель стал копьем и пронзил конунга насквозь. Колода упала у него из под ног, а телячьи кишки в петле сделались крепкими, ветвь же поднялась и подняла конунга вместе с порослью веточек, и там он и умер.

(с)

Как и в предыдущем случае, мы встречаем в тексте глагол *gefa* — дарить, давать — при описании передачи жертвы божеству. Этот мотив жертвы-дара-посвящения регулярно повторяется в источниках и ещё не раз будет упомянут.

Указания на одиноческий характер обряда прослеживаются и в знаменитом отрывке Адама Бременского из его «Деяний архиепископов Гамбургской церкви», созданных ок. 1072 г. Адам рассказывает о проводимом раз в девять лет жертвоприношении в Уппсальском храме в Швеции. Он

описывает повешенных в священной роще людей и животных: «из всей живности мужского пола в жертву приносят девять голов; считается, что их кровь должна умилоствить богов⁴¹». Среди жертв Адам упоминает людей, лошадей и собак, а из того, что автор, ссылаясь на свидетеля-христианина, пишет о семидесяти двух жертвах за раз, следует, что было там восемь видов живых существ. При этом смысл и точные адресаты такого массового и регулярного действия всё же не вполне ясны: Адам называет центральным божеством Уппсалы Тора, рядом с изображением которого стояли идолы Фрейра и Одина. Говорится о человеческих жертвоприношениях Тору и у Дудона (*Dudon de Saint-Quentin, Dudo Sanquintinianus*), автора трактата «О нравах и деяниях первых нормандских князей» (*De moribus et actis primorum Normanniae ducum*), созданного ок. 1015 г. Дудон пишет про расселение части северян на новые земли так:

Выполняя свои изгнания и выселения, они сначала совершали жертвоприношения в честь своего бога Тора. Ему жертвуют ... человеческую кровь, считая ее наиболее действительной из всех жертвуемых вещей. Поэтому жрец по жребию назначает лиц для жертвы; они оглушаются одним ударом бычьим ярмом в голову; особым приемом у каждого, на которого пал жребий, выбивают мозг, сваливают на землю и, перевернув его, отыскивают сердечную железу, т. е. вену. Извлекиши из него всю кровь, они согласно своему обычаю, смазывают ею свои головы и быстро разверты-

⁴¹ Адам Бременский. Деяния архиепископов Гамбургской церкви. Книга IV, перевод И.В.Дьяконова.

вают паруса своих судов на ветру; считая, что таким путем они укротили ветер, они стремительно садятся на весла⁴².

(с)

Жертвоприношение Тору. Д.Л. Лунд (J.L. Lund, 1777-1867 гг.)

В принципе, здесь упоминание Тора может быть и ошибкой хрониста: «дарует ветер пловцам» перед боевым походом всё же чаще Один (см., например, «Песню о Хюндле», 3). Однако в «Саге о людях с Песчаного берега»,¹⁰ упоминается «круг, где людей присуждали в жертву богам. В этом круге стоит камень Тора, о который предназначенным в жертву разбивали го-

⁴² Отрывок цитируется по: К. Тиандер. Датско-русския исследования. Выпуск III. — Петроград, 1915.

ловы»⁴³. Можно предположить при этом, что если Одину предназначались пленные воины и вожди, то Тору выбранные по жребию, возможно — осуждённые или рабы. По крайней мере именно так звучат строки из «Песни о Харбарде», 24: «Один имеет ярлов, что пали в битвах, а Тор имеет рабов». «Сага о крещении», 11 тоже намекает на предпочтительное принесение в жертву не самых важных для общины людей: «Язычники жертвуют худшими людьми и сталкивают их с утёсов или скал⁴⁴». Сталкивание со скалы в качестве способа жертвоприношения упоминается редко, однако о людях, которые «отправляются к Одину», бросаясь добровольно с утёса, именуемого Родовым, рассказывает и «Сага о Гаутреке», 1.

В любом случае единические жертвоприношения пленных или выбранных по жребию свободных, как и посвящение-дарение противника на поле боя (пример которого будет приведён в рассказе об Эйрике Победоносном далее) являлись лишь частью скандинавской культуры. Мирные люди, как и прежде, жили делами мира. О регулярных жертвоприношениях, важных для всего социума и установленных самим Одином пишет Снорри⁴⁵ в «Саге об Инглингах», 8:

В начале зимы надо было приносить жертвы (blóta) богам за урожайный год, в

⁴³ Перевод А.Циммерлинга.

⁴⁴ Перевод Т.Ермолаева. Предыстория реплики такова: «Язычники провели тогда многолюдное собрание и решили принести в жертву двух людей из каждой четверти и призвали языческих богов, чтобы они не позволили христианству охватить страну».

⁴⁵ Снорри Стурлусон жил в 1178—1241 гг.

середине зимы — за весеннее прорастание, а летом — за победу (*sigurblót*)⁴⁶.

(с)

И много позднее во времена конунга-крестителя люди не желали отказываться от завещанных предками обычаев. Тот же Снорри в «Саге об Олаве Святом», 107 сообщает:

*Осенью Олаву конунгу рассказали, что во Внутреннем Трандхейме бонды устраивали в начале зимы пиры, а в питье там не было недостатка. Конунгу рассказали, что там пили в честь асов по старому обычаю, резали скот и лошадей, окропляли алтари кровью и совершали жертвоприношения, утверждая, что это должно обеспечить хороший урожай*⁴⁷.

(с)

О том, что приносить жертвы заповедовали сами боги, намекает и «Прорицание вэльвы», 7:

*Hittusk æsir
á Iðavelli,
þeir er hörg ok hof
hátimbruðu;*

*Встретились асы //на Идвель, они алтари и храмы// высокие построили*⁴⁸, —

Снорри расширяет это место в «Видении Гюльви» и в «Саге об Инглингах» до рассказа:

⁴⁶ Здесь и далее перевод саги М. Стеблин-Каменского.

⁴⁷ Перевод Ю. К. Кузьменко. Сага записана ок. 1230г.

⁴⁸ Правда, об алтарях и храмах упоминает только текст из *Codex Regius*, в версии *Hauksbók* этих слов нет.

*Первым их делом было воздвигнуть святилище (*hof*) с двенадцатью тронами и престолом для Всеотца... Сделали они и другой чертог. Это святилище богинь (*högr*, *er gυðjurnar áttu*, алтарь богинь/жриц), столь же прекрасное, люди называют его Вингольв.*

«Видение Гюльви», 14

*Правителем там был тот, кто звался Одином. Там было большое капище (*blótstaðr*, место жертвоприношений). По древнему обычаю в нем было двенадцать верховных жрецов (*hofgoðar*). Они должны были совершать жертвоприношения (*ráða fyrir blótum*, решать о жертвоприношениях) и судить народ. Они назывались диями (*díar*), или владыками.*

«Сага об Инглингах», 2

Из дальнейшего текста «Саги об Инглингах» мы узнаём, что первыми диями были сами боги (у Снорри — в евгемеризированной форме великих вождей), и, следовательно, именно они ввели данную практику среди людей.

Логично, что исполнять заветы богов при общественных жертвоприношениях должен был самый уважаемый член общества. Согласно той же саге в Швеции приносил жертву за урожай сам конунг. Отказ же от поддержания связи с Силами был чреват бедами для общины и мог стать причиной смены «нерадивого» правителя. Согласно «Саге о Хервёре и Хейдрике», 16:

Конунг Инги ответил, что не бросит ту веру, которая является правильной. Тогда шведы закричали, забросали его камнями и прогнали с тинга.

Свейн, шурин конунга, остался на тинге. Он предложил шведам совершить жерт-

воприношение для них, если они дадут ему звание конунга. Все согласились на это; тогда Свейн был провозглашён конунгом над всей Швецией. Затем на тинг привели лошадь, которую порубили на куски и разделили для еды, а кровью окрасили жертвенное дерево. Тогда все шведы бросили христианство, и начали приносить жертвы, а конунга Инги они прогнали прочь, и он уехал в Западный Гаутланд. Свейн Язычник был конунгом над шведами три зимы⁴⁹.

(с)

Аналогичные проблемы возникли в Норвегии у конунга-христианина Хакона Доброго, которому в итоге пришлось пойти на компромисс с подданными. В не меньшей степени конунг в древности отвечал и за эффективность своих действий. Если общинные жертвоприношения в нормальной ситуации подразумевали чаще принесение в дар животных, и, как мы ещё не раз увидим, жертвенный пир, то в случае кризиса требовалось нечто более ценное. Как свидетельствует «Сага об Инглингах», 15 (в отрывке, помимо прочего, в очередной раз встречается указание на сакральный характер крови жертвы):

Домальди наследовал отцу своему Висбуру и правил страной. В его дни в Швеции были неурожай и голод. Шведы совершали большие жертвоприношения в Уппсале. В первую осень они приносили в жертву быков. Но голод не уменьшился. На вторую осень они стали приносить человеческие жертвы. Но голод был все такой же, если не хуже. На третью осень много шведов собралось в Уппсалу, где должно было происходить жертвоприношение. Возжди их стали совещаться и порешили, что в

неурожая виноват Домальди и что надо принести его в жертву (blóta) — напасть на него, убить и обрызгать алтарь его кровью.

(с)

Тема смены сезонов и связанного с ними благополучия общины прослеживается во многих источниках. В «Саге об Олаве Святом», 77 Снорри пишет про обряд, явно напоминающий традиции Масленичных гуляний, несмотря на «официальное» посвящение делам военным и государственным:

Когда в Швеции было язычество, там по древнему обычаю совершали главное жертвоприношение в Уппсале в месяц гои [с середины февраля до середины марта]. Тогда приносили жертвы, чтобы был мир и чтобы конунг всегда одерживал победы, и туда стекался народ со всей Швеции. Тогда же там собирали тинг всех шведов. В то же время там была ярмарка, которая продолжалась неделю⁵⁰.

(с)

Была ли общескандинавская схема годового цикла именно трёхчастной, или Снорри перенёс на континент опыт исландцев, с их островным климатом и обычаями, не вполне ясно. Летнее Солнцестояние, например, является повсеместным народным праздником в Скандинавии и в наши дни, у Снорри же это время среди моментов обращения к богам не упомянуто вовсе. При этом у исландцев, вероятно, работа Альтинга (проводившегося как раз на Летнее Солнцестояние), тоже сопровождалась какими-то ритуалами, поскольку в сагах территория тинга иногда называется освященной и на ней должен был соблю-

⁴⁹ Перевод Т.Ермолаева.

⁵⁰ Перевод Ю. К. Кузьменко.

даться мир. Возможно, Снорри в цикле саг о конунгах просто не рассматривал обряды, не посвященные общегосударственным делам или не требовавшие участия верховной власти.

Общинные обряды в Исландии проводили годи — административные и религиозные предводителями округов, могли провести обряд и частные лица. «Сага о людях с Килевого Мыса», датируемая примерно 1300 г. и посвященная событиям заселения Исландии (860—930 гг.) во второй главе описывает капище, устроенное Торгримом Годи, великим жертвователем (*blótmaður mikill*). Описание это явно вторично по отношению к куда более известному рассказу о капище Торольва Бородача с Мостра из «Саги о людях с Песчаного Берега» (более ранней и относимой к 1250-60 гг., либо даже 1225—31 гг.), тем не менее, оно добавляет детали, интересные в контексте того, что мы знаем о прошлом германского язычества:

Он был великий язычник (blótmaður mikill). Он велел построить большое капище на своём поле. Оно было сотню футов в длину и шестьдесят в ширину. Все люди должны были платить туда капищный сбор. Более всего там почитали Тора. Снаружи оно было сделано круглым, словно шапка. Всё оно было занавешено и с окнами. Посредине там стоял Тор и с двух сторон — остальные боги. Прямо перед ними стоял алтарь, сделанный очень искусно и покрытый сверху железом. На нём должен был гореть огонь, который никогда не гас. Они называли его священным пламенем (vígðan eld). На этом алтаре должно было лежать большое кольцо, сделанное из серебра. Его должен был надевать на руку жрец на все собрания. Там все люди долж-

ны были давать клятвы по всем делам. На этом алтаре должна была также стоять большая чаша из меди. Туда нужно было собирать всю кровь, что получалась от скота, которого посвящали (var gefið — что был дарован) Тору, или людей. Они называли это жертвенной кровью (hlaut) или кубком с жертвенной кровью (hlautbol-la). Этой кровью нужно было брызгать на людей или скот; тот скот, что приносился в жертву, использовался в пищу, когда наступал жертвенный пир (blótveislur). Людей же, которых приносили в жертву, бросали в болото, что было снаружи у дверей. Они называли его Жертвенным Болотом (Blótkeldu)⁵¹.

(с)

Возможно, дополнения к более раннему тексту были не просто авторским произволом, о пламени на жертвеннике говорится в «Песне о Хюндле»,¹⁰ («Алтарь для меня из камня сложил он, и камень в стекло переплавлен теперь»), не раз уже упоминалась и германская практика погружения жертвы в болото или озеро. И Адам Бременский рассказывает о священном источнике в Уппсале: «Там есть также родник, где язычники имеют обыкновение совершать жертвоприношение, топя живого человека. Если он не выныривает, то считается, что желание народа сбудется⁵²». Важнейшим элементом общения с богами был жертвенный пир-вейцла (*veizla*, слово, нередко используемое в сагах именно в значении пира обрядового), на котором съедали принесённое в дар богам живот-

⁵¹ Перевод Т. Ермолаева.

⁵² Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви. Схолия 138 (134). Перевод И.В. Дьяконова.

ное, пир, разделённый с богами, где ели уже освященную снедь, тем самым становясь ближе к миру сакрального. Помимо уже приводившихся отрывков «Саги об Олаве Святом» и «Саги о Хервёр и Хейдрике», об этом говорится в «Саге о гутах», посвящённой истории острова Готланд (датируется 1350г.):

Но меньшие тинги приносили меньшие жертвы: скотом, едой и питьем. Они называли себя «кипящими товарищами», ибо они сообща варили [жертвы].

(с)

В «Саге об Эгиле сыне Скаллагрима» (записанной между 1220 и 1240 гг.) несколько раз упоминаются осенние жертвенные пиры, и ясно указано, что питье поминальных рогов одновременно было и священным приношением, в эпизоде из сорок четвёртой главы — дисам-предкам:

Там должно было быть жертвоприношение дисам и шел пир горой....Им принесли браги. Все много раз пили, поминая умерших, и каждый раз нужно было осушать рог до дна.... Эгиль принял рог и сказал виду:

*Ты сказал мне, воин:
«Браги нету в доме»,
Что ж тогда вы дисам
В жертву приносили (blétuð)?!⁵³*

(с)

Столь же часты в сагах об исландцах упоминания пиров на Йоль, однако самые важные подробности йольской обрядности вошли в сагу о древних временах — «Сагу о конунге Хейдрекке Мудром», 10:

Конунг Хейдрек приносил жертвы Фрейру. Кабана, что оказывался самым большим,

он должен был отдавать (gefa) Фрейру. Они считали его столь священным, что на его щетине должны были клясться во всех крупных делах, и этого кабана (sónargöltr) они должны были приносить как искупительную жертву (sónarblót). Вечером на йоль жертвенного кабана должны были приводить в палату к конунгу. Там люди клали руки ему на щетину и приносили клятвы.⁵⁴

(с)

Sónarblót — название специального жертвоприношения, при котором приносили в жертву кабана. Первая часть слова, *són* происходит от протогерманского **swōnō* (или **sōnō*), связанного с понятиями примирения, возмещения, жертвы, расплаты или искупления (соответственно, *sónargöltr* — вебрь выкупа, примирения). Родственно это слово современному немецкому *sühne*, «искупление, возмездие, кара, отмщение, покаяние». Если кто-то думает, что это слишком «похристиански», и при отсутствии идеи первоородного греха язычникам «искупать» нечего, то стоит вспомнить, что одной из основ саморегулирования родового общества было понятие возмещения, виры и гельда как средства восстановления общественного равновесия, мира и согласия. Подтверждением тому может служить вновь этимология: слово **swōnō* в свою очередь возводят к протоиндоевропейскому корню **swā-n-* со значениями «целостный, целый, здоровый, активный, энергичный». Именно этому корню родственно и латинское *sānus* — «здоровый» (а следовательно, и все современные от него произ-

⁵³ Здесь и далее перевод прозы С. Масловой-Лашанской, стихов А. Корсуна.

⁵⁴ Перевод Т. Ермолаева.

водные)⁵⁵. Очевидно, что болезнь, неудача, бедствие воспринимаются как нарушение целостности и согласия человека или социума с миром земным или миром богов и предков, неким следствием отступления от правильного, должного порядка. Задолго до христианства греки и индуисты приносили очистительные жертвы после убийства, нарушения норм ритуальной чистоты или при болезни, и иудейское понятие «козла отпущения» целиком языческое по сути. Такому дару присущ и смысл защиты: люди страшатся потерять имеющееся, будь то жизнь, здоровье или процветание, особенно на фоне чужой беды. Тут уж скорее мы по праву можем говорить о пусть переосмысленном, но, несомненно, заимствованном использовании молодой религией глубинной потребности человеческой психики в восстановлении гармонии⁵⁶. И какой же момент года лучше подходит для очищения, примирения, избавления от накопившихся долгов и восстановления

⁵⁵ Источник: *Islandic-English Dictionary*, R. Cleasby, ed. by G. Vigfusson (second edition 1957), а так же раздел *Reconstruction:Proto-germanic* с сайта *Wiktionary* (прямая ссылка: <https://en.wiktionary.org/wiki/Reconstruction:Proto-Germanic/sw%C5%8Dn%C5%8D>). Словарь Geir T. Zoëga. *A Concise Dictionary of Old Icelandic* 1910., впрочем, связывает *sónar*- только с древне-английским *sunor* (стадо свиней).

⁵⁶ Любопытно, что исландское приветствие *heil* как раз и означает пожелание быть целым (целостным), что включает в себя и обычный перевод — пожелание здравствовать. Не менее интересно, что некогда было и близкое по смыслу русское понятие «целовать» (ударение на первый слог), тоже означающее пожелание быть целым и здоровым, но постепенно сменившее значение на «одарить поцелуем». При этом упоминавшееся протогерманское *swōnō* является родственным современному датскому *zoen* — «целовать». Не так уж сильно различается исходный круг понятий некогда близких народов.

единства мира, чем момент возрождения Солнца?..

Помимо жертвоприношений ежегодных и обязательных существовали и обряды окказиональные. Примером таких жертв по случаю, проводимых с конкретной целью, может быть упоминание в «Саге об Эгиле», 65:

После этого они [Эгиль и Атли] приготовились к поединку.... Привели большого старого быка. Его называли жертвенным животным. Тот, кто победит, должен был зарезать его. Иногда бывал всего один жертвенный бык, иногда же каждый из тех, кто выходил на поединок, приводил по быку.

(с)

«Прядь о Брандкресси», 2 не только рассказывает про целевое жертвоприношение, но и позволяет лишний раз проследить связь с пиром, посвященным божеству:

А когда Odd собрался в дорогу, он велел заколоть и сварить быка. И в первый день переезда, когда Odd был готов отправиться в путь, приказывает он поставить столы вдоль сидений, и всё это мясо было положено на столы.

Подошёл тогда Odd, сказав так:

— Здесь заботливо накрыт стол, как для наших самых дорогих друзей. Весь этот пир я посвящаю Фрейру, чтобы он судил тому, кто приходит на моё место, с такой же печалью покинуть Двор Odda, как я теперь ухожу⁵⁷.

(с)

В оригинале сказано ещё более однозначно: *þessa veislu gef eg alla Frey* — этот пир я дарю весь Фрейру, пир и добрая слава за

⁵⁷ Перевод Е.Мироненко.

него является подарком богу, что разделяет праздник с людьми.

Об аналогичном даре быка Торкелем своему другу (буквально *fulltrúi* — тому, кому полностью верю/доверяю) Фрейру с просьбой помочь отомстить рассказывает и «Сага о Глуме Убийце».

Этническая принадлежность «русов», встреченных в Волжской Булгарии посланником аббасидского халифа Ахмедом Ибн-Фадланом около 921-22 гг. является вопросом спорным. Однако рисуемая в его «Записке» картина подношения даров идолам с просьбой о хорошей торговле, как и приношение животных с устраиваемым позже пиром (жертвователю «раздаёт часть мяса») в благодарность за уже полученную удачу в делах ничуть не противоречит остальным известным источникам.

Адресатами жертвоприношений выступали не только боги. Саги упоминают о жертвоприношениях альвам, сезонных и оказиальных. В «Саге об Олаве Святом», 91 из «Круга Земного» альвам совершается блот на Зимние Ночи на хуторе в Швеции, в «Саге о Кормаке», 22 на холме, где живут альвы, Кормаке должен принести в жертву быка, окрасить холм его кровью и устроить пир в честь обитателей холма ради исцеления. Уже упоминалось ритуальное питьё в честь дис и предков, название *dísablót* (напр. «Сага об Инглингах», 29), «жертвоприношение дисам», говорит само за себя. «Сага о христианстве», 2 рассказывает о некоем благожелательном существе (*ármaðr*, буквально — «муж урожая»), что жило в камне и опекало хутор, где его почитали.

Ещё одним вариантом дара богам и духам были ценные вещи. «Сага об Олаве сыне

Трюггви», 59 говорит о пожертвованном святилищу ярлом Хаконем позолоченном кольце (присвоенном Олавом в его миссионерском рвении и ставшем толчком в цепочке событий, конунга-крестителя и погубившим). «Сага о Фарерцах», 23 рассказывает о даре ярла Хакона своей покровительнице Торгрэд невесте Хёгни ради удачи Сигмунда, к которому ярл благоволил:

*И вот они идут в лес, сперва по проезжей дороге, а затем по боковой тропке, и попадают на поляну, а там стоит дом, обнесенный тыном. Дом этот был очень красив, с резьбой, украшенной золотом и серебром. Внутрь заходят они, Хакон и Сигмунд, и с ними еще несколько людей. Там стояло множество идолов. В капище было много окон, так что ничто не отбрасывало тень. У торцовых стен стояла женщина в богатом убранстве. Ярл распростерся перед ней ниц и долго лежал. Наконец он встает и говорит, что они должны принести ей жертву (*förn*) и положить серебро перед ней на сиденье⁵⁸.*

(с)

Описания в сагах храмов древней веры так же рассказывают о значительных ценностях, например, в виде украшений на изображениях богов (сюда же, вероятно, можно отнести и фантастические описания бьярмских капищ с драгоценными ожерельями на статуях и горами серебра вокруг: по крайней мере, у рассказчика существовало однозначное представление о связи богатств и накопленных в их храмах богатствах). С этой же категорией, наверное, сближаются богатые погребальные дары, с которыми сопровождали в мир иной значительных людей, и, совсем уж краем,

⁵⁸ Перевод А.Циммерлинга

можно вспомнить многочисленные закопанные клады, которыми, по представлениям эпохи, человек мог воспользоваться после смерти (см. «Сагу об Инглингах», 8).

Ритуально «убитые» наконечники копий из Уппокры, Швеция

Интересно, что оружие в поздний период, когда железо перестало быть столь редким и ценным, как значимый дар в письменных источниках не зафиксировано. Хотя при раскопках поселения в Уппокре (*Uppåkra*, Сконе, Швеция, существовало с 100 г. до н.э. по начало IX в. н.э.) с северной и южной сторон здания, идентифицированного как языческий храм, нашли большое количество погнутого оружия, в основном — наконечников копий. находку интерпретировали как посвященное Одину, хозяину священного копья Гунгнир, оружие побеждённых врагов. Также, видимо, прекратилась практика посвящения божеству всей захваченной добычи: родовое общество и его уклад разрушались, богатство, оставаясь ещё мерилем Удачи и власти, десакрализировалось и становилось всё в большей степени ценностью рыночной. Однако всё во многом ещё зависело от личного восприятия, в «Саге о Хравнкеле Годи Фрейра», 2 рассказывается, что «Храфнкель особенно чтит Фрейра и уде-

лял (*gaf*) ему половину от всего, что было у него самого ценного»⁵⁹.

С последним упоминанием связана ещё одна интересная форма жертвоприношения, имеющая, вероятно, свои аналоги у германцев (см. описание посвященных божествам священных мест и священных коней в «О происхождении германцев и местоположении Германии», 10) — посвящение человека или животного тому или иному богу без лишения их жизни. Торольв Бородач с Мостра согласно «Саге о людях с Песчаного берега», 7 посвящает чтимому им Тору сына: «У Торольва и Унн был сын по имени Стейн. Этого мальчика Торольв подарил (*gaf*) своему другу Тору и нарек Торстейном...». Трудно сказать, был ли для автора саги рассказ о смерти Торстейна, который утонул в молодости, связан с этим посвящением. Аналогично действует Эйрик Победоносный, посвящая свою жизнь Одину с отсрочкой на десять лет в «Пряди о Стюрбьёрне Шведском Воителе», 2:

*Тюю же самой ночью пошёл Эйрик в капище Одина и отдал себя ему за свою победу (*gafst honum til sigrs sér*), и попросил на десять зим отсрочить свою смерть, многим он уже пожертвовал, потому что положение казалось ему безнадежным. Чуть позже увидел он высокого мужа в ниспадающем капюшоне, тот отдал в руки ему камышинку и велел бросить над войском Стюрбьёрна, и должен он был сказать так: «Один владеет вами всеми» (*Óðinn á uðr alla*). И когда он совершил бросок, увиделось ему в воздухе метательное копье, и пролетело оно над людьми Стюрбьёрна, и тотчас поразила слепота Стюрбьёрново*

⁵⁹ Перевод . А. Смирницкой.

войско, и затем его самого. И потом случилось такое великое диво, что с горы сорвался обвал и ударил сверху по войску Стюрбьёрна, и убил всех его людей.

(с)

Снова глагол *gefa*, снова владение (присвоение) божеством людей и посвящение Одину противника в битве... Согласно Снорри и одиннадцатой главе его «Саги о Харальде Серая Шкура» Эйрик Победоносный, супруг Сигид Гордой, действительно окончил жизнь через десять лет: «Эйрик умер от болезни в Уппсале десять лет спустя после смерти Стюрбьёрна»⁶⁰.

Эйрик Победоносный, 1895г., Джени Нистрём (Jenny Eugenia Niström, 1854-1946 гг.).

Посвящали богам и животных, так уже упоминавшийся Хравнкель даровал (*gaf*) своего любимого коня Фрейру (как сказано в саге — пополам, т.е. оставил из людей только за собой право ездить на нём). И

вновь посвящаемое в конце концов уходит из нашего мира: коня сталкивает с обрыва враг Хравнкеля (в этой сцене исследователи видят отголоски упоминавшегося уже ритуала жертвоприношения путём сталкивания со скалы). Также о коне, посвященном Фрейру упоминается в поздней «Саге об Олаве Святом» из «Книги Плоского острова» (1387–1394 гг.). В «Саге о людях с Болот», 21 рассказывается том, как Торгильс некогда посвятил Тору теленка, что вырос в старого быка ко времени, когда хозяин его сменил веру и от жертвоприношений отказался. Во сне Тор приходит к Торгильсу с требованием возместить (*gjald*) то, что ему было обещано. Дело было во время поездки, и Торгильс выкинул утром быка за борт, невзирая на возмущение жены подобной расточительностью. Вероятно, к этой же категории можно отнести посвящение божествам земельных участков, которые становились одновременно и священными участками (*vé*) для проведения обряда людьми, и отходили во владение божества, становясь частью уже иного мира. Такова в Исландии Святая/Священная Гора или Хельгафель (*Helgafell*) из «Саги о людях с Песчаного берега», священная земля в Междуречье, посвященная Фрейру в «Саге о Глуме Убийце». Асбьёрн Клещи («Книга о занятии земли», V, гл.89) посвятил (или освятил, поскольку употреблён глагол *helga*) землю Тору и назвал её Лесом Тора. При этом немаловажно, что согласно многим источникам в таких священных местах люди не имели права распоряжаться чьей-либо жизнью: на Хельгафель было запрещено убивать людей или животных, в той же саге запрещалось осквернять землю кровью, пролитой в ссоре, и на поле тинга

⁶⁰ Перевод М. И. Стеблин-Каменского.

(рядом со святилищем). На земле Фрейра было запрещено жить объявленным вне закона, в другой истории упоминается, что скальд Эрп Поклоняющийся совершил убийство в святилище и был приговорён к смерти за святотатство (выкупив, впрочем, голову поэмой о псе конунга). Ещё к интересным моментам, которым сейчас уделяется мало внимание, относится описанное в «Саге о людях с Песчаного берега», 4 требование соблюдения ритуальной чистоты на Хельгафель, далеко не такое жесткое как в индуизме, но имеющее с ним общий смысл. Всего-то и требовалось, что не гадить на священном поле, да чтобы «ни один человек не смел глядеть на неё [гору] немывтым». Также в «Саге о людях из Озёрной долины», 26 упомянуты красные одежды, названные жертвенными (*blótklæði*) (по сюжету они были замечены в обыскиваемом доме), словарь же трактует термин как «одежды, носимые при жертвоприношении», хотя, возможно, для этого подходили просто небудничные, дорогие и красивые вещи.

И, наконец, ещё одна форма дара богам⁶¹, весьма интересная с точки зрения запросов современности, описана в «Саге об Эйрике Рыжем», 8. Торхалль Охотник, единственный последователь древней веры в экспедиции в Винланд, посвящает своему покровителю Тору стихи во время голода, и на берег вблизи кораблей выбрасывает кита (впрочем, благонамеренные христиане, узнав, чей перед ними подарок, есть мясо отказываются). Сам Торхалль говорит: «*Это я получил за стихи, которые сочинил*

*о моем покровителе (fulltrúi, уже встречавшийся термин) Торе. Он всегда мне помогает»*⁶².

Некоторые обобщения о жертвоприношениях скандинавов эпохи викингов.

Итак, если рассматривать жертвоприношения эпохи викингов с точки зрения формы, то мы встречаем жертвоприношения животных и человека, приношение питьём (питьё в память, здравицы), жертвоприношение-пир (освящённую трапезу, разделяемую с божеством), приношение ценностей (в т.ч. в дар недавно или достаточно давно умершим), вознесение богам хвалы. Способами жертвоприношения живых существ были заклание на алтаре, повешение (с пронзанием копьём, всегда или только в части случаев), сталкивание со скалы, разбивание головы, опускание тела в водоём/болото, посвящение богам живого существа без его смерти, создание поэтического произведения в честь божества. При этом, как и в случае германцев, видимо, существует связь между значительной ролью войны и набегов в жизни общества и распространённостью человеческих жертвоприношений.

При кровавом жертвоприношении особая роль отводилась жертвенной крови. Как воплощение жизни и необходимое её условие, она была значимым даром. Как священной или освященной в процессе жертвоприношения близостью к богам субстанцией, ею освящали-окропляли людей и предметы (например, клятвенное кольцо). Кровь же, как следует из «Песни о Хюмире», 1 использовали как средство прорицания («*прутья встряхивали, глядели на (жертвенную) кровь*»), ею окрашивали

⁶¹ Автор благодарит Сигвальда, годи общины Санкт-Петербурга, что напомнил о такой возможности.

⁶² Перевод М. И. Стеблин-Каменского.

руны⁶³ (см. вису Эгиля Скаллагримссона об испытании поднесённого кубка или «Речи Высокого»). Да и сами слова *blót* (жертвоприношение) и *blóta* (приносить жертву, поклоняться) этимологически связаны с протогерманским **blōtą* (жертвоприношение, поклонение) и, соответственно, глаголом **blōtaną* (предлагать, приносить жертву) и протогерманским же **blōstrą* (жертвоприношение). Слова же эти, как считается, имеют общую основу с существительным *blōmōn* (цветение, расцвет), глаголом *blōanan* (цвести, расцветать) — и существительным *blōdan* (кровь)⁶⁴.

Целью жертвоприношений, о которых нам известно, служит, в основном, благое (как минимум, с точки зрения просящего) либо отношение высших сил, либо вмешательство их в дела людей. Это может быть просто укрепление связи с божествами и обеспечение их доброго отношения вроде здравниц в память дис и предков и ежегодных ритуальных пиров, общая благодарность богам, это могут быть обряды для укрепления мира и процветания общины, либо исправления ситуации, если мира и процветания нет. Это могут быть обряды очищения и отвода беды, выплаты богам виры за некое нарушение или просьба о восстановлении гармонии, о «негневно взгляде» Сил. Разумеется, просьбы могут быть и конкретными: даровать победу или урожай, наказать врага, дать попутный ветер, либо целью становится поблагодарить за уже полученное, выполнить данное ранее

обещание. Существенно, что боги при этом оказываются со-участниками обряда не только как освящающие ритуал и адресаты просьб. Они разделяют с людьми священный пир, они принимают дары и одаривают в свой черёд. Ответ древних язычников на вопрос, а зачем богам, собственно, дары, в сохранившихся материалах дан хотя бы частично: Один собирает лучших из воинов на последнюю битву (злые языки во «Второй песне о Хельги убийце Хундинга» добавляют, что не-лучшие попадают в Валхаллу прислугой), умершие пользуются посланным им (или сбережённым лично) в иной жизни. Т.е. отправленное богам мыслилось как вполне материальная передача — воинов в дружину, вещи в пользование...

Изображение стравливания коней на камне из Хеггебю (Haggeby, V—IV вв., Швеция)

Одновременно в обрядности позднего скандинавского язычества обнаруживаются и указания на космогонические и мифологические представления. Обрядовым воспроизведением мифа о соперничестве Лета и Зимы в скандинавских реалиях теоретически могло бы быть стравливание коней, чьё изображенное на камне из Хеггебю (Уппланд, Швеция) датируется V или началом VI в. н.э, причём кони на камне

⁶³ См. «Сагу об Эгиле», 44 или «Речи Высокого».

⁶⁴ Источник:

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BB%D0%BE%D1%82>

украшены рогами или полумесяцами. Такая забава хорошо известна из саг об исландцах. Хильда Элис Дэвидсон полагала, что «...лошади, без сомнения были священными животными Фрейра и приносились ему в жертву»⁶⁵. А Фрейр, бог урожая и супруг «зимней» Герд (как и Ньёрд, супруг Скади) ближе многих к упомянутой мифологии. Среди археологических находок имеются также ритуальные маски-личины, более поздние источники говорят нам о народных обычаях ряжения на Йоль (с чем связаны, вероятно были истории о буйных «йольских парнях» и страшной великанше-Гриле), т.е. можно говорить о наличии элементов ритуальной драмы в обрядности годового цикла.

Однако известный индоевропейский космогонический миф сотворения современного мира из тела принесённого или принесшего себя в жертву тела Первочеловека, видимо, нашёл отражение только в мифологии, в песнях «Эдды» — в виде истории Имира, из чьего тела Один с братьями создали известную людям вселенную. Никаких свидетельств воспроизведения его в реальной обрядности не сохранилось⁶⁶.

Роль и смысл дара.

Разумеется, эпоха изменилась безвозвратно даже для самых упорных традиционалистов. Иным стало, хотя бы на уровне де-

клараций, отношение к человеческой жизни. Некоторые формы ритуалов ушли в историю, и вряд ли кто-то в здравом уме будет стремиться возродить человеческие жертвоприношения (а стремящимся можно дать универсальный совет «начинать с себя»...ну, например, оценить перспективу быть повешенным ради лётной погоды в сезон отпусков или замурованным в бетон в качестве «строительной жертвы» при возведении нового офиса «Газпрома»). Зато практика посвящения Сигфёдру противника в бою, например, могла бы умеряться только абсолютной непредставимостью иных персонажей в Валхалле. В любом случае, легальных форм жертвоприношения вполне достаточно для того, что бы каждый сделал свой выбор. Часто вполне реально для общины принести в дар животное⁶⁷, есть бескровная жертва-вещь, достойная одариваемых, есть жертвоприношение едой или питьём, есть возможность разделить праздник и священный пир с богами и предками. Наконец, посвящение богам поэтического или иного произведения всегда более чем уместно.

Однако это возвращает нас к первоначальному вопросу: не слишком ли по-детски мы ведём себя с Силами, приставая к ним со своими подношениями, особенно со вполне материальными (и ценимыми, возможно, исключительно среди людей)? Может, для установления связи достаточно какого-нибудь символического жеста, слов и обращений, следования некоему личному кодексу или выбранного образа жизни? Ведь и получить от Сил мы зачастую хотим отнюдь не что-то материальное: новое знание, способность понять нечто важное,

⁶⁵ Х.Э.Дэвидсон. Древние скандинавы. Сыны северных богов. Перевод с англ. А.Б.Давыдовой.

⁶⁶ Как уже сказано, одним из признаков данного жертвоприношения считается расчленение жертвы и интересно, что у славян такой тип жертвоприношения людей зафиксирован (см. Русанова, Тимошук. «Языческие святилища древних славян»). Безусловно, животные для жертвенного пира раздвигались, но это скорее уж было данью здравому смыслу.

⁶⁷ Гуманное, максимально уважительное отношения к животному при этом является даже не требованием современных взглядов, но следствием того, что даруемое богам становится священным по своей сути (прим. Сигвальда)

некий новый эталон поведения, изменение жизни за счет изменения себя... Если символика разделённой с кем-то еды, обряда «хлеба и соли», кубка, переданного по кругу, и сегодня легко воспринимается на чувственном уровне, а устное прославление богов и вовсе укладывается в рамки привычного, то, например, с пожертвованными вещами понимание смысла действия в значительной степени утрачено.

Потому стоит уточнить: чем же был дар для наших предшественников?

Всё, что было сказано о жертве-даре как основной форме германского жертвоприношения, укладываются в концепцию *do ut des* (римская формула, означающая «даю, чтобы дал») или его полного аналога в религиозных текстах на санскрите *dadame se, dehi me*. Концепцию древнюю и всеобщую, и достаточно сложную, что бы не считать её лишь до-денежным аналогом купли-продажи. Для понимания принципа одаривания, общего для индоевропейских народов (и не только для них), следует обратиться к истории и понятию дара в языческих обществах с самых ранних времён.

С внешней точки зрения институт обмена дарами служит способом перераспределения материальных ценностей и укрепления социальных связей внутри общины или вне её, тем, что М.Мосс в своём труде «Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах» называл «системой совокупных тотальных поставок»⁶⁸. До-

⁶⁸М.Мосс, «Опыт о даре»: «В экономических и правовых системах, предшествовавших нашим, не установлен обмен имущества, богатств и продуктов просто в форме рыночной торговли между индивидами. Сначала принимают на себя взаимные обязательства, обмениваются и договариваются не индивиды, а коллективы; участвующие в договоре являются юридическими лицами: это кланы,

стойное наделение дарами или выдающийся обмен подарками одновременно являются и способом завоевать авторитет для дарящего, и обязанностью того, кто авторитетом наделён в силу занимаемого положения (вождя, предводителя). При этом дар мог служить одновременно и приглашением к диалогу (отвергнутый дар означает неприкрытую враждебность), и укреплением иерархических связей (дар в обмен за службу, дар как дань), вызовом в состязании щедрости между равными (одариваемый не может, не потеряв чести, не отдариться в ответ и до этого момента находится в зависимом положении), и, наоборот, признанием равенства: одариваемого сочли способным ответить тем же. Мог дар быть и составной частью иного социального обмена, таковы приданое и свадебный выкуп, а для германских народов — утренний дар мужа жене после первой ночи, таковы германские же, долго державшиеся в деревнях и на периферии, правила залога, когда любая сделка им сопровождается, даже если это вручаемая до

племени, семьи, которые встречаются и сталкиваются друг с другом группами либо непосредственно, либо через посредничество своих вождей, либо обоими способами одновременно. Более того, то, чем они обмениваются, состоит отнюдь не только из богатств, движимого и недвижимого имущества, из вещей, полезных в экономическом отношении. Это прежде всего знаки внимания, пиры, обряды, военные услуги, женищины, дети, танцы, праздники, ярмарки, на которых рынок составляет лишь один из элементов, а циркуляция богатств — лишь одно из отношений гораздо более широкого и более постоянного договора. Наконец, эти поставки и ответные поставки осуществляются преимущественно в добровольной форме, подношениями, подарками, хотя, в сущности, они строго обязательны, уклонение от них грозит войной частного или общественного масштаба». Здесь и далее перевод с французского А.Б.Гофмана.

выполнения договорённости безделушка... Примеров множество, но важно, что основой этой системы служит не только непосредственная рыночная, статусная или утилитарная ценность вещи, но и вера в присущую ей особую магическую силу, во власть чужого предмета (и его прежнего хозяина) над получившим, что и требовалось нейтрализовать, точнее, уравновесить равноценным даром (или завершением сделки, после чего залог возвращался). М.Мосс подробно рассматривает роль залога в древнем праве, в народных обычаях и бытовых сделках западноевропейских стран. И в более ранний период обмен дарами, согласно Тациту и позднейшим источникам, сопровождал брак, рассматривавшийся как «покупка» жены. Можем мы вспомнить и залог Одина, оставленный в источнике Мимира. Или роковые сокровища с присущей им особой магической силой, мотив пронизывающий древние сказания, будь то «Беовульф» или песни «Эдды» («золото звонкое, клад огнекрасный погубит тебя»⁶⁹), и роль золота как показателя Удачи правителя или воина, причём Удачи, которой надлежало делиться. Ещё Тацит писал о дарах межплеменных и в среде дружины в «О происхождении германцев и местоположении Германии», 14

...ведь от щедрости своего вождя они требуют боевого коня, той же жаждущей крови и победоносной фрамеи; что же касается пропитания и хоть простого, но обильного угощения на пирах, то они у них вместо жалованья

(...)

У их общин существует обычай, чтобы каждый добровольно уделял вождям кое-что от своего скота и плодов земных, и это, принимаемое теми как дань уважения, служит также для удовлетворения их нужд. Особенно радуют их дары от соседних племен, присылаемые не только отдельными лицами, но и от имени всего племени, каковы отборные кони, великолепно отделанное оружие, фалеры и почетные ожерелья; а теперь мы научили их принимать и деньги.

(с)

Собственно роль государя в эпосе и состоит в наделении дружины богатствами в обмен на верную службу, и скальдические эпитеты «враг злата», «дробитель колец» и им подобные для вождей и знатных людей говорят всё о той же обязанности (именно обязанности!) быть щедрым, чтобы стать достойным своего места. Как сказано в «Беовульфе», 19-26:

*С детства наследник
добром и дарами
дружбу дружины
должен стяжать,
дабы, когда возмужает,
соратники
стали с ним о бок,
верные долгу,
если случится война, —
ибо мужу
должно достойным
делом в народе
славу снискать!⁷⁰*

Как уже отмечалось, золото или легендарная вещь (например, меч из кургана) в со-

⁶⁹ «Речи Фавнира», 9

⁷⁰ Перевод с древнеанглийского В.Тихомирова.

знании людей приобретает свою магическую власть и силу, и ценность предмета в таком качестве много выше, чем количество товара, на которое его обменяли бы по весу (вспомним вдохновенное описание оружия в том же «Беовульфе»). Однако вещь может быть и враждебна, особенно если получена неравным обменом или вручена с недобрыми намерениями. Не приносит счастья запястье, отнятое у мертвого викинга Соти Хёрду сыну Гримкеля и тем, кому оно потом отошло, проклятый Андвари клад дракона губит сперва родню Отра, затем Сигурда и Гьёкунгов, постоянный эпитет золота — красное — вызывает ассоциации с кровью...

Если брать отношение к системе даров в целом, то все сказанное о даре как основе общежития, мериле авторитета и воплощении социальных связей находит подтверждение в ранней истории германских народов. Тацит записывал в «О происхождении германцев и местоположении Германии», 21:

Не существует другого народа, который с такой же охотой затевал бы пирушки и был бы столь же гостеприимен. Отказать кому-нибудь в крове, на их взгляд, — нечестие, и каждый старается попотчевать гостя в меру своего достатка. А когда всем его припасам приходит конец, тот, кто только что был хозяином, указывает, где им окажут радушный приём, и вместе со своим гостем направляется к ближайшему дому, куда они и заходят без приглашения. Но это несущественно: их обоих принимают с одинаковою сердечностью. Подчиняясь законам гостеприимства, никто не делает различия между знакомым и незнакомым. Если

кто, уходя, попросит приглянувшуюся ему вещь, её, по обычаю, тотчас же вручают ему. Впрочем, с такую же лёгкостью дозволяется попросить что-нибудь взамен отданного. Они радуются подаркам; не считая своим должником того, кого одарили, они и себя не считают обязанными за то, что ими получено.

(с)

При этом последняя фраза представляется результатом непонимания римлянином чужой культуры, где возмещение даров входило в подразумеваемую необходимость, о чем и говорится непосредственно перед этим. Зато слова о подарке перед уходом напоминают исландский обычай: хозяин на прощанье одаривал побывавших у него на пиру, при этом и дар, и сам пир, его пышность и щедрость были событиями достопамятными, их упоминали как показатель славы (той, что переживает людей) и авторитета.

Однако яснее всего о роли и смысле дара говорят, наверное, строфы «Речей Высокого»⁷¹:

⁷¹ М.Мосс о «Речах Высокого», «Опыт о даре»: «Нам представляется даже, что в этих строфах можно выявить более древнюю часть. Во всех строфах одна и та же любопытная и четкая структура. В каждой из них юридический центон образует центр: «чтобы принимаемое не было принято» (39), «те, кто обмениваются подарками... остаются друзьями» (41), «отвечать подарком на подарок» (42), «надо слить свою душу с его душой и обменяться подарками» (44), «скупой всегда боится подарков» (48), «подарок данный всегда ждет ответного подарка» (145) и т. д. Это настоящее собрание поговорок. Пословица или правило окружены развивающим их идею комментарием. Стало быть, мы здесь имеем дело не только с весьма древней правовой, но также и с древнейшей литературной формой».

39. *Fannk-a ek mildan mann
eða svá matar góðan,
at væri-t þiggja þegit,
eða síns fear
svági [glöggvan],
at leið sé laun, ef þægi.*

Не встречал я щедрого (милостивого) человека// или такого едой доброго (т.е. гостеприимного хозяина, радушиного),// что не принял бы предложенное,// или своего богатства, // ни такого [скупого], чтобы ненавистно было бы вознаграждение, если принял.

Т.е., возможный смысл довольно запутанной строфы: не встречал я такого щедрого человека, что не принял бы то, что предлагают, и такого скупого, что не дал бы вознаграждения, если бы получил подарок.

42. *Vin sínum
skal maðr vinr vera
ok gjalda gjöf við gjöf;
hlátr við hlátri
skyli hölðar taka
en lausung við lygi.*

Другу своему//должен человек быть другом// и отплачивать дар за дар// смехом смех должны мужи встречать,// а обманом ложь.

Дар равному не должен быть слишком обязывающим, такой вывод делается в строфе 52 (феномен потлача как сверх-одаривания — вплоть до простого уничтожения накопленного и полной нищеты дающего — на суровом севере не прижился):

52. *Mikit eitt*

*skal-a manni gefa;
opt kaupir sér í litlu lof,
með halfum hleif
ok með höllu keru
fékk ek mér féлага.*

Много //не должно человеку дарить,// часто покупают себе за малое славу,// и с половиной хлеба// и полунаполненным (букв. наклоненным) сосудом// добывал я сотоварища (вариант — сотоварищей).

И, наконец, знаменитые слова о даре и ответе, непосредственно привязанные к жертвоприношению в строфе 145:

*Betra er óbedit
en sé ofblótit,
ey sér til gildis gjöf;
betra er ósent
en sé ofsóit.*

Лучше не попрошенное,//чем пережертвованное, (т.е. слишком много пожертвованного)// всегда ждёт возмещения дар,//лучше не посланное,//чем пережертвованное (вариант — перетраченное).

Помимо житейской крестьянской мудрости-бережливости здесь и старое правило не ставить в ложное положение того, кому дар дан, и не переходить к позиции вымогателя, коль скоро дар даёт верующему некоторое право на своего бога. Вопрос, как это часто бывает, в определении пределов разумного. Ведь с рассматриваемой точки зрения действовать «бескорыстно, от чистого сердца и не рассчитывая на ответ» при некоторых условиях может оказаться вовсе не благом, ни для одариваемого, ни для дарителя. Собственно, даже сегодня мы живём в смешанной системе ценностей,

когда в обыденной жизни примиряются оба подхода: мы признаём бескорыстие чем-то более высоким по сравнению с расчётом — но обычно не стремимся поощрять неблагодарность.

Отступление о бескорыстии.

Происхождение современного понятия «бескорыстного дара» божеству, видимо, связано с постепенным процессом отдаления богов от человека, когда установка на почитание высших существ оставалась, но люди стали терять возможность требовать взаимности от всё более абсолютизируемой силы. Ещё Э.Тайлор в своё время писал⁷²

Изучая религии малокультурных обществ, мы находим, что люди в них относятся к своим богам так же непосредственно и реалистически, как, например, к своим соседям, и там, где может быть открыта простая первобытная цель этих отношений, ее следует принимать за достаточное объяснение дела⁷³.

(с)

Оставив на совести автора слова про «малокультурность», к примеру, греческого полиса, нельзя не согласиться, что для наших предшественников боги были куда ближе, роднее и «материальнее», чем принято воспринимать их сегодня. Они обитали «где-то по соседству», нередко являлись во сне или даже лично, они считались предками хотя бы некоторых особо выдающихся родов, люди, в целом, были уверены, что понимают их мотивы и желания. Однако, с усложнением и централизацией

общества, и, особенно, со стремлением свести всё в мире к единой причине, одному правителю и единой системе законов, божества великие стали казаться всё более далёкими, и всё более бессильными — малые. Соответственно, идея сколь-нибудь равного обмена дарами с тем, кто многократно превосходит человека могуществом и властью, и, вероятно, не нуждается в имеющемся у людей вообще, теряла приверженцев. Она замещалась идеей служения с надеждой не на непосредственный ответ, а на предполагаемое одобрение далёкого всевластного сюзерена когда-то в будущем, и ценность жертвы стала измеряться уже не столько её важностью с точки зрения людей, сколько затраченными усилиями и понесёнными потерями — показателем самоотверженности и преданности. Следствием стали и заместительные формы дара — не божеству, но его условным представителям — детям на праздник, нищим (в силу давней «профессиональности» попрошайничества, это давно не помощь людям как таковая), или религиозным организациям, благотворительным фондам (разумеется, в тех случаях, когда среди мотивов жертвователя имеется религиозный).

Логичным итогом стало провозглашение акта самопожертвования и самоотречения как высшей религиозной добродетели, причём эволюция такого рода не связана исключительно с монотеизмом, достаточно вспомнить священные индуистские тексты. Да и слова Сигмунда в «Саге о Волсунгах», 12 вполне соответствуют этому идеалу: *«не позволю я себя лечить, не хочет Один, чтоб мы обнажали меч, раз сам он*

⁷² Тайлор Э. Б. Первобытная культура, гл.15.

⁷³ Перевод с англ. Д.А.Коропчевского

его разбил; бился я в битвах, пока ему было угодно»⁷⁴. И среди уже приведённых выше ссылок на источники без труда можно найти примеры подобного отношения. Замещение такое не является плохим само по себе, хотя и породило такие крайние точки зрения классического язычества явления как посты, самобичевания и иные формы подвижничества (если рассматривать всё перечисленное именно как деяние ради одобрения свыше, а не как технические приёмы вызова тех или иных психических состояний, в том числе и считающихся пригодными для установления всё той же связи с божественным). Однако и этот подход имеет элемент договора и взаимообразности: в самоотречении верующий всё же рассчитывает на вознаграждение своих усилий, будь то одобрение бога, прикосновение к его совершенству или даже слияние и уравнивание с ним. Разница в том, что в предельном случае тут надо быть готовым не поделиться, но отдать всё: оговорка-предостережение «Речей Высокого» не работает.

Ещё одним следствием «отдаления» Иного мира и мнения, что на самом-то деле его обитателям ничего от нас не нужно кроме внимания и определённого поведения, стало явление противоположное: приношение даров символических и строго регламентированных, будь то свечки в христианстве или «ритуальные деньги», сжигаемые для умерших родственников в Китае.

Хильмар Ёрн Хильмарссон (Hilmar Örn Hilmarsson), годи исландской общины Ásatrúarfélagið во время обряда.

М.Мосс отмечает ещё один аспект общения с божественным, относящийся в том числе и самой возможности не получить ответа на дар в рамках религиозной системы, а так же к тому, «кто первый начал»: *Одной из первых групп существ, с которыми людям пришлось вступать в договоры и которые по природе своей были призваны участвовать в договорах, оказались духи мертвых и боги. В самом деле, именно они являются подлинными собственниками вещей и благ мира. Именно с ними было необходимее всего обмениваться и опаснее всего не обмениваться. Но в то же время обмен с ними был наиболее легким и надежным. Точный смысл и цель жертвенного уничтожения — служить даром, который обязательно будет возмещен.*

(с)

Т.е. речь о том, что люди неизбежно пользуются дарами богов самим фактом существования: созданные Силами, они живут в созданном Силами мире. Это проявляется тем сильнее, чем активнее люди увеличивают размер одолженного расширением своей деятельности, меняют своими трудами мир. Будь то распаханная новина, раньше бывшая лесом и принадлежавшая Сокрытому народу, или освоение управля-

⁷⁴ Перевод Б. И. Ярхо

емого термоядерного синтеза (когда он будет, наконец, толком освоен), ведь и присвоенное, и используемое — тоже одна из граней Сил, и грань познания...у которого свои покровители.

Вновь о даре.

Возвращаясь к вопросу о даре и плате, стоит вспомнить, что во многих, если не всех индоевропейских системах мифологии люди — не единственная и отнюдь не первая раса в Мидгарде: до людей миром владели титаны, или дворги с альвами, ётунами и турсами, или асуры, или волоты... Люди гармонично (будем надеяться) вошли в систему мироздания, став составной частью планов богов (как уже говорилось, Херьян собирает в чертогах павших и отправленных к нему, принимает гостей и Фрейя, и, вероятно, иные обитатели Асгарда), но смешно было бы говорить, что от нас Силы зависят. Дар им — предложение союза и договора, попытка установления связи (даже, можно сказать, небескорыстная попытка привязать их через магию вещи и взаимных обязательств), утверждение, закрепление или восстановление мира - добрососедства с Миром - местообиталищем сакрального, что должен сделать жизнь правильной и без-горестной. Разделение даров с богами и предками, так же, как пищи и питья делает людей и божества не-чужими и является залогом доброжелательности⁷⁵. Понятия же торговли и, тем

более, найма, с которыми жертвоприношение подчас норовят спутать, относятся к иной, куда более поздней культурной среде, где сакральное, судя по историческому опыту, приживается не слишком хорошо. Разумеется, принципом дара-связи со священным, дара-примирения, выкупа и обмена смысл жертвоприношений для предшественников не был ограничен (вспомним следование праздников годовому циклу хотя бы), и тем более не обязан быть ограничен для нас. И видеть в обряде воспроизведение Первожертвы и сотворения мира или иной мифодрамы, или рассматривать его как способ гармонизации жизни с природными ритмами, или вообще считать знаком проявления внимания и почтения — законное право современности. Выбор восприятия и обоснования своих действий продолжает оставаться делом строго индивидуальным. Стоит ли считать ритуал жертвоприношения лишь церемониальным пережитком, символической декларацией о намерениях, способом подтвердить делом готовность к потерям во имя чего-то высшего, или всё-таки способом предложить Силам общение в проверенной временем системе «дара и ответа» — выбирать каждому. Тем более, что в реальной жизни, как уже было сказано, вполне может присутствовать одновременно и более одного мотива, и неизменным остаётся главное — обряд привносит Священное в нашу жизнь.

⁷⁵ И, если судить по «Песне о Хюндле», 4, где Фрейя то ли предлагает великанше совершить блот Тору, то ли готова сама сделать это для неё, такое обращение предполагается универсальным. В оригинале: *Pórr mun hon blóta, þess mun hon biðja at hann æ við þik einart láti* (Тору бы она пожертвовала, то она попросила бы, чтобы он всегда прислуши-

вался к тебе) может относиться как к Фрейе (как в переводе А.Корсуна), так и, с меньшей вероятностью, к Хюндле.

Обрядовый дар общины Дом Варген на Летнее Солнцестояние. Санкт-Петербург, 2013г.

Но, наверное, пренебрегать тем, что служило веками основой общения с богами всё же не стоит. Даже простая способность примерить на себя древнее отношение к дару, социальным связям и миру сакрального лишает нас части обусловленности свои временем, позволяя видеть ситуацию шире и быть гибче, чем дано в обязательном минимуме сегодняшних прописным истин. Тем более, что древнее восприятие, как уже говорилось, на самом-то деле отнюдь не умерло, лишь перейдя с уровня глобального обмена (упоминавшихся «тотальных поставок») на уровень межличностных отношений и локальных связей. Безусловно, есть люди идеально «вписавшиеся в рынок», видящие в вещи лишь её текущую рыночную стоимость и переставшие ощущать единство дара и должностования, связь своего благополучия с благополучием соседа...но всё же не настолько хорошо экономика программирует социум.

Возможно, в этом как раз состоит неплохая возможность для человечества, ведь социальные отношения тоже развиваются по спирали. И остается лишь вновь процитировать М.Мосса и его «Опыт о даре»:

Значительная часть наших нравственных законов и самой нашей жизни по-прежнему погружена в ту же самую атмосферу, соединяющую в себе дар, долг и свободу. К счастью, не все еще оценивается исключительно в понятиях купли и продажи. Вещи обладают еще чувственной ценностью помимо продажной, если только вообще в них может существовать продажная ценность сама по себе. У нас есть не только мораль торговцев. Остаются еще люди и классы, сохраняющие прежние нравы, и мы подчиняемся им почти все, по крайней мере в определенные времена или в определенных случаях.

(с)

II. Интерпретация мифа.

«Бальдр должен умереть»

Автор: Энмеркар

Архетипическая мифологема «смерти прекрасного бога», нашедшая в скандинавской системе отражение в образе печальной судьбы Бальдра, является чрезвычайно важной и многослойной.

Обычно этот миф принято толковать как описание сезонности – как природной, так и психотипической, и этот пласт смыслов, конечно, весьма важен.

Тем не менее, для мага важен и другой смысловой уровень этой смысловой матрицы – уровень, описывающий развитие самого сознания, «инициатический» уровень.

Рассматривая основные образы мифа не просто как отдельные фигуры, но – как проявления единого, хотя и многоуровневого, сознания, можно понять, что ход событий, описанный в этой истории, характерен для любого сознания, находящегося в процессе становления, развития.

Бальдр – «дневное» сознание, находящее гармонию в «простых вещах», всем довольное, хотя и лишенное способности к

творчеству: «не исполнится ни один из его приговоров». Это тот уровень сознания, которого сознание достигает проще всего. «Позитивное мышление», «внутреннее совершенство» и прочие подобные штампы сознания очень характерны для состояния, когда человек впервые осознал саму возможность развития, ценность проявления и исходную (потенциальную) гармоничность мироздания. Мы уже не раз отмечали, что такое сознание обычно поступает очень просто: оно просто игнорирует дисгармоничные или неудобные элементы этого мироздания (строит «палаты гармонии»):

Брейдаблик зовется.

Бальдр там себе

построил палаты;

на этой земле

злодейств никаких

не бывало от века.

(«Видение Гюльви»)

И эта устойчивость, это «позитивное мышление» активно поддерживается подсознательным стремлением к безопасности: прочность позиции Бальдра обеспечивает его мать – Фригг, берущая со всех объектов и существ клятву о непричинении зла «прекрасному богу». Другими словами, такая искусственная система, такая фальшивая гармония нуждается во внешней защите, должна быть сила, которая ее поддер-

живает и укрепляет, поскольку сама по себе она нежизнеспособна (и в глубине своей Бальдр осознает эту свою нежизнеспособность – он видит «зловещие сны»). Однако до тех пор, пока Фригг не теряет бдительности в своей всеподавляющей и всеограничивающей активности, все кажется прекрасным.

Все Пути развития знают множество таких «Бальдров», заперших себя в своих «Брейдабликах» и благобно вещающих оттуда о всеобщей гармонии и любви. Такое сознание лишено напряжения, лишено движения, но зато наполнено демонстративностью («уважить» Бальдра – это значит метнуть в него копьё и убедиться, что оно не причиняет ему вреда).

Однако убедиться в искусственности такой «гармонии» оказывается не так уж и сложно: Фригг охотно рассказывает Локи о том, что причина неуязвимости Бальдра – в «клятве», которую, к тому же, дали не все существа; погубить Бальдра может любой

«тонкий и долгий,

красивый на поле

омелы побег,

он, смертоносный...»

(«Прорицание Вэльвы»)

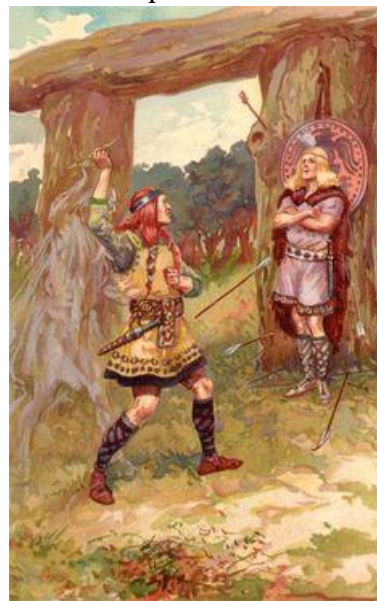
Очень характерно, что вся прочность, вся неуязвимость «прекрасного бога» недостаточна, чтобы выдержать честное нападение даже «тонкого побег».

И неудивительно, что сознание, ощущающее бесперспективность такого состояния,

ищет из него выход, и этот выход оказывается весьма травматичным.

Для того, чтобы как-то продолжить развитие, движение, сознанию приходится активировать в себе силу разрушения: Локи (это самое стремление к преодолению) должен заставить Хёда (слепую агрессию) убить Бальдра. Отметим, что сознание, в котором активен Бальдр, те самые «улыбающиеся просветленные», обычно из всех сил подавляют в себе Хёда, агрессию, которая, как они понимают, может разрушить их блаженное существование.

Как только человек перестает из всех сил поддерживать в себе ограничивающее представление о примитивной «гармонии», как только он смотрит честно на положение вещей – в нем случается «кризис» и «трагедия»: Бальдр гибнет.

Конечно, сознание не хочет мириться с таким положением вещей, оно хочет вернуть себе «позитивный взгляд», свой «утраченный рай», хочет заставить весь мир «оплакивать» свою потерю, но Страж сознания, сила развития (в данном случае – Локи в

облике Тёкк, в ближневосточном мифе – «Ангел с мечом обращающимся») препятствует этому.

Только тогда, когда сознание находит в себе решимость выйти за пределы того искусственного «счастья», которое оно для себя построило, оно может и продолжить развитие. Находясь в ловушке просветлённости, игнорируя активно дисгармоничные элементы и имитируя то, что еще лишь потенциально, оно обрекает себя на вечное «стояние на тинге», где единственное развлечение – глядеть, как в тебя бросают копиями.

И недаром Один, как высшая часть сознания, знающий о печальной судьбе Бальдра, не предпринимает ничего для его спасения; он лишь шепчет нечто на ухо Бальдру на погребальном костре (видя свое возрождение в уже прошедшем Хель, уже обретшем опору «господине» после Рагнарека).

Бальдр должен умереть. Сознание должно найти в себе силы отказаться от привычки закрываться за стенами мнимой гармонии, оно должно стать лицом к лицу с собой и с миром (как внешнем отражении себя же), и найти равновесие не в игнорировании, но – в интегрировании всех противоположностей, всех бинеров, достигнув, таким образом, свободы, не нуждающейся в защитах «клятвами» и стенами крепостей.

Иллюстрации взяты с сайта автора <http://www.enmerkar.com/>

«Мифы Иггдрасиля»: МЕСТЬ ЛОКИ

Автор: О. Синько

- Я вижу, Локи, что ты уже по горло сыт моим гостеприимством и явно готов покинуть мой гостеприимный дом?

Локи сидел напротив Гейррёда – вернее, пытался сидеть. Но его тело за три месяца привыкло к форме тела сокола и наотрез отказывалось переходить в человеческую форму. То ноги выворачивались коленками назад и покрывались сухой желтой кожей, то по телу начинали прядями расти перья, то нос превращался в клюв. Говорить было вообще сложно...

Loki , God from Norse Mythology by Vicky-Pandora on DeviantArt.

Великан забавлялся, смотря на метаморфозы лукавого аса. Хотя соколиный плащ уже

был скинут, но тело слишком хорошо помнило... Да и плащ лежал рядом и его излучение способствовала метаморфизму...

Локи, совладал с рукой (заставив ее не превращаться в крыло), схватил кубок с пивом и залпом выпил его. Затем подхватил кус мяса и жадно вгрызся – тело требовало пищи, три месяца голодовки изморили аса.

Хуже всего было то, что великан опять оказался из тех, кто «кровь от крови» Имира – настоящий хримтурс, владевший магией и силой. И Локи, не смотря на все его ухищрения, на его кровь и силу – опять попался.

Ну, как попался? Это Гейррёд думал, что Локи попался. Ничего история с Тьяци хримтурсов не научила. Да и не могла: они не учились. В своей спеси и тщеславии, считая себя совершенными существами, равными Изначальным, думали что это «кто-то» мог быть обманут... Но не они! Вот и ладненько. Еще пива! Еще мяса! Тело начало вспоминать как быть в гуманоидной форме (прикольный термин, учитывая что «гомо» приобрели эту форму последними из разумных – хотя по поводу разумности «гомо» у Локи все время были сомнения). Локи уже строил планы, как использовать ситуацию...

Гейррёд тоже строил планы. Очередной раз Локи оказывается в руках потомков Имира. Очередной раз единственный из Изначальных, и их, великанов, по сути, прямой родственник, оказался во

власти хримтурса. Да-а-а... Гейррёд наблюдал, как Локи насыщается, как тело аса постепенно стабилизируется и в последний раз решал: утвердиться в придуманном им плане или Локи опять обманет? Вообще-то не должен. Хримтурс оказался сильнее...

Казался...

Хотя попал в этот раз Локи основательно.

* * * * *

- Фрейя, вот скажи – зачем тебе соколиное оперение?

Локи и Фрейя полулежали на ложах в Фолькванге, чертоге Фрейи. В зале шумел очередной пир, дружина немертвых Госпожи с попавшими к ней же их возлюбленными и женами, придавалась веселью после утренних «забав» с суровыми эйнхериями Одина. Те сражались жестко и обреченно – их ожидала Последняя Битва и Славная Гибель. А воинам Фрейи «светила» иная участь...

Фрейя отпила вина из бокала и удивленно посмотрела на Локи, вскинув черные брови в немом вопросе.

- Ну сама посуди: ты же ни разу не одела его по делу. Ни разу не перекидывалась в соколицу и не летала в поднебесье. Да и так просто соколиный плащ не одевала – да и не одеть его так просто... Так зачем? Фрейя лукаво улыбнулась:

- Локи, я могла бы ответить предельно просто: а чтоб было! Но я отвечу сложнее: Предначертание отдало мне этот плащ, чтобы я могла одалживать его тебе – а ты вершил предначертанное. Подходит такой ответ?

Локи смотрел в голубые, серьезные глаза Фрейи и понимал - она ответила, как Боги-

ня. Губы улыбались, плечи игриво продолжали совершенную линию шеи – а глаза были двумя холодными лунами...

- Да, Прекрасная, твой ответ верен и исчерпывающ...

Локи любил гостить у Фрейи – как и она привечала его визиты. Была между ними очень глубокая, очень древняя связь: они оба были из Изначальных Богов, хотя Фрейя и была младше Лодура – но её кровь была чиста.

И характер её, и мощь, и сила находили отклик в Локи: и когда она излучала сексуальную силу Жизни, и когда она уходила через сейт в любое место Девяти Миров (и не только их), и когда она отдавалась боевой ярости (и никакой «берсерк» Одина тогда не становился у неё на пути, зная, что его просто размажет Ледяная Дева – и не заметит).

И Фрейе нравился Локи: его независимость, его глубокая тайна, его странная Сила. И окружающий его ореол Рока – она чувствовала, что Локи знает обо всем, и отдал себя в неизбежное. И её было как-то телесно ясно, что она должна помогать Локи – насколько это ей возможно.

А дать попользовать ненужное ей самой соколиное оперение – это было очень даже возможно...

Однако Фрейя не горела желанием сильно рекламировать свои услуги асу лукавства:

- Локи, я бы не хотела, чтобы асы судачили - мол, «Локи стал соколом Фрейи. Это не спроста» и всякое такое. У меня есть определенная репутация – но добавлять к ней тебя это был бы уже перебор! – и улыбнулась.

Локи улыбнулся в ответ:

- То такое, не волнуйся, прекрасная. Я рас-

пущу слух, что это соколиный плащ Фригг – у неё где-то есть такой, но она о нем даже не помнит. А о ней судачить не будут, подумают, что Один послал меня с поручением.

* * * * *

Присесть, напрячь ноги, напряжинить плечи – и выстрелить себя в открытое небо, расправляя крылья, ловя ими встречный ветер!

Локи, обернувшись соколом, спрыгнул с крыши Фолькванга и устремился, перелезев Стену, на восток – в сторону «диких территорий»...

Локи очень понравилось летать. Именно летать, парить, резать острыми соколиными крыльями ветер на тонкие ломтики быстрых потоков, закручивать из них ветряные узоры, падать камнем вниз и у самой земли, почти вонзившись в каменистую почву внезапно свечой взмывать вверх!

Это ни в какое сравнение не шло с его мгновенными перемещениями между мирами, а и иногда и между временами – в чем ему помогали его «волшебные башмаки». Возможно, некое подобие полета испытывал его далекий родич Гермес из Миров Олимпа – у него были крылатые сандалии... Но по мнению Локи это была какая-то фигня: порхающие мелкими крылышками сандалии требовали все время держать тело вертикально и нужна была немалая сноровка, чтобы не заваливаться в стороны, а то и вниз головой.

То ли дело вот так, в теле сокола, быть свободным в свободном! Пронзать ветер! Парить в облаках!!!

Особенно тогда, когда Локи чувствовал, что попадал в период, свободный от Пред-

начертания. Когда его ничто не заставляет делать нечто, что Важно и Неизбежно... Когда он относительно свободен!

* * * * *

На этот раз Локи залетел довольно глубоко в Утгард – причем в ту сторону, что еще никогда не летал. И в нескольких днях полета он узрел весьма красивый и основательный замок. По сути, почти Чертог. Вот тогда и нужно было насторожиться – когда мелькнула мысль о схожести этого здания с Чертогом. Но пребывание несколько дней в соколином теле и соколином сознании повлияли на проницательность Локи – и он беспечно взлетел на крышу, покрытую золотой черепицей, что видом своим сильно напоминало орлиное оперение... И подошел к высокому сводчатому окну – заглянул, склонив голову набок, внутрь замка.

В высоких палатах было светло и просторно. Палата возносилась до самого шпиля, не было в ней ни этажей, ни перекрытий. Если бы сокол захотел – он смог бы свободно летать в ней, не задевая стен. Внизу, на троне с высокой спинкой, за большим столом, сидел хримтурс. Веяло от него мощью и истинной кровью – но это мог ощутить Локи-йотун или Локи-ас, но не Локи-сокол. Свобода опьянила его и взяла дорогую цену – сделав его беспечным...

Гейррёд заметил сокола, как только тот сел на крышу. Хримтурс ощутил, что сокол не совсем птица – и решил, что сокола нужно поймать. Что ж, это не проблема – и слуга есть расторопный, и магия Чертога ему поможет.

- Эй, там – крикнул он в сторону слуг – а ну-ка снимите вон того сокола с крыши! И

ко мне принесите, быстро!

Проворный слуга выскочил на улицу, запрокинул голову – сокол сидел на крыше у самого высокого окна. Ничего себе задача...

Но не привыкать: слуга был не человек.

Руки и ноги его удлинлись, кисти и стопы выбросили длинные когтистые пальцы и он ловко, как паук, полез вверх по стене.

Локи-соколу еще не доводилось видеть таких метаморфов: и он решил дожидаться, когда тот полезет к нему поближе – ведь взлететь соколу не проблема!

Оказалось, что проблема: когда лапа метаморфа протянулась к соколу и он попытался взлететь, то оказалось, что крыша его не опускает! «Опять, опять! – пронеслась досадная и паническая мысль – снова я прилип к перьям хримтурса! Ничего меня не учит опыт...»

* * * * *

Ящик оказался узок и мал – как раз для тела сокола. Но никак не тела аса. Благо, хоть щелей было предостаточно и воздуха хватало. И именно через щель смотрел на него черный глаз хримтурса:

- Эй, птичка, я тебе последний раз говорю: перекинься! А то ведь сидеть здесь будешь долго!

Как только слуга, уже приняв человекоподобную форму, подал плененного сокола турсу, тот сразу посмотрел ему в глаз и захохотал:

- А глаз-то не соколиный! Человеческий глаз у тебя, птичка! Ха-ха-ха!

Локи досадливо тихо вздохнул: попал. Да, глаз не оборачивался – как и у любого из оборотней. И теперь Локи опять – ОПЯТЬ!

– в лапах инеистых. Причем – явно не запланировано. Никакого великого плана и лукавого коварного заговора у него сейчас не было. Только досада, что так глупо попался. И он решил – не перекинется. Не признается. Потому что и гордость не позволяет, и – самое главное – ум, подчиненный соколиному сознанию, не мог никакой хитрости выдать «на гора».

Ладно, подождем...

* * * * *

Ждать пришлось целых три месяца. ТРИ МЕСЯЦА! Ни еды. Ни питья. Ни часовых прогулок. Ни свиданий, ни переписки – карцер просто.

В теле сокола.

Великан наблюдал. Ждал. Когда прошел месяц, великан сделал вывод – в ящике не человек, человек бы уже умер. Через второй месяц он понял – это и не колдун, потому что за два месяца любой колдун окончательно превратился в сокола и опять же тут же бы и умер. Через три месяца великан решил освободить пленника, придя к определенным – с точки зрения Локи абсолютно не требующих трехмесячных мук интеллекта – выводам: это ас. Либо Один, либо Локи. Но не Один – Одина бы уже искали...

Локи за три месяца много думал. Боролся за свое сознание, которое пыталось подчиниться соколиному телу. Медитировал. Быть без питья и еды ему было не так чтобы сильно трудно – но нелегко становилось с каждой прошедшей неделей. В результате Локи пришел к выводу, что это хримтурс просто садист. Он хорошо изучил характер Гейрреда, нравы его трех дочерей, вообще быт этой семейки. В результате наблюдений он предположил, что этот

не будет просить ни Фрейю, ни Идунн – дочери тех не примут. Значит, остается самая главная угроза великанов – Тор...

Так и вышло.

* * * * *

- Ладно, Гей, ты победил. Да, я Локи. Лодур и Лофт, сын Фарбаути и Лоувеи, йотун по крови, ас по статусу. Побратим Всеотца. И лучше бы тебе, великан, отпустить меня с дарами и почетом! И тогда, может быть, я расценю все случившееся как шутку!

Великан захохотал.

- Насмешил ты меня, дальний родич, насмешил! Я, Гейррёдд, пленил самого Лодура! Одного из Изначальных! Ого-го! Локи, я слышал, что как только ты спутался с асами, то наша сила сильно в тебе ослабла, а мощь вообще покинула тебя – но не верил. Оказалось – зря. Ты в моем плену, ас. Ты не сможешь уйти, пока я того не захочу.

Локи дернул щекой – великан был прав. Здание все же оказалось Чертогом. Сила и мощь великана в нем была доминантной и никто – без применения независимых атрибутов Силы и Мощи – не мог бы противостать ей. А Локи всегда пренебрегал атрибутикой. И башмаки остались дома. А соколиный плащ не был атрибутом ни Силы, ни Мощи.. Да как и башмаки...

В общем, «на понт» хримтурс не поддался. Попробуем взять на лесть. И на наглость.

- Лады, родич. Убедил – Локи еще хлебнул пива – Ты победил. Я, в принципе, подозреваю, что будет дальше: ты потребуешь с меня некую клятву. В которой за освобождение от твоих чар я должен буду тебе что-то – или кого-то – притянуть из Асгарда? Я прав?

Хримтурс широко улыбнулся и откинулся

на спинку трона:

- Да, Локи, ты прав. Ты дашь клятву?

- А что делать? Ты силен, велик, обладаешь Властью – и я в ней увяз по самые щиколотки. До сих пор ощущаю, как прилип к твоему Чертогу. Я даже как-то тебя зауважал. Давай, говори – чего ты хочешь?

Великан наклонился к Локи и произнес:

- Ты дашь клятву в том, что приведешь сюда Тора. Приведешь его без его пояса силы, без его рукавиц и без его Молота. Вот так, чтоб он был просто Тор. А не громовержец. Понял ли ты?

Локи посерьезнел. Он понял. Хорошо понял, что задумал великан. Но понял и то, что великан не сильно-то умен.

- Да, славный хримтурс, я понял. Я, Локи Лоувейсон, йотун и ас, даю тебе свою клятву: взамен моего освобождения от твоей власти я приведу к тебе Аса-Тора, без ЕГО пояса, рукавиц и молота! Слова сказаны, я поклялся!

Великан был доволен. Скоро Тор будет в его полной власти и он, Гейррёдд, станет славней и строителя Стены, и Тьяци! Он обезоружит асов и они навсегда будут беспомощны перед мощью хримтурсов!

- Я услышал тебя, Локи! Иди и исполни клятву!

* * * * *

- Локи, ну ты и влип! И меня опять втянул! Ну и кто ты после этого, а?

- Твой неизменный товарищ, советчик и побратим?

Тор осуждающе смотрел на смущающего Локи, который почти честно и почти полно рассказал ему почти всю историю.

- Ну вот, скажи, Локи – что теперь делать? Как я пойду к этому турсу без силы и мощи?

- Тор, не мельтеши. Все будет нормально.

Хримтурс обманул сам себя.

- То есть?

- А ты что, думаешь, что атрибуты Силы и Мощи есть только у тебя?

* * * * *

Вечер уж темнел чернотой ночи, когда Тор и Локи подошли к большой пещере, в которой ярко пылал костер.

- Великанами пахнет – поморщился Тор.

- Тор, ты на мать своих детей тоже так морщился все время?

- Ну ты сравнил! Мать моих детей – достойнейшая из племени великанов, с чистой кровью, из первого поколения!

- А что будет, если я тебе скажу, что тут живет еще более достойная великанша?

Достойная настолько, что стала матерью сына Верховного?

Тор остановился.

- Ты не шутишь? Кто здесь живет?

- Грид, мать Видара.

* * * * *

- Тор, ты вообще представляешь, к КОМУ ты идешь без оружия?

Тор нахмурился.

- К какому-то хримтурсу, что обидел моего товарища. Три месяца его держал в плену!

Уже за это я порву его голыми руками!

Грид засмеялась. Она была хороша собой, материнство нисколько не состарило её – но не так хороша, как положим, Герд, не девичьей гордой красотой.

Грид была великаншей-воительницей.

Крепкая фигура, вся в гибких и мощных мышцах, блестящая в свете костра гладкой смуглой кожей, выдвала в Грид немалую силу.

- Голыми руками! Ха-ха-ха! Тор, его не порвать «голыми руками»! Он и силен, и хитроумен. Его дом – Чертог. И в нем

только он Силен и Мощен. Все остальные – как будто простые люди!

Тор оглянулся на Локи, что с невинным видом выковыривал камешки из подошвы башмака.

- Локи, ты почему молчал, что там Чертог? Что же я там сделаю без своих пояса, рукавиц и молота?! Это ж ты меня на гибель ведешь!

Локи поднял глаза на Грид:

- Тор, я же тебе говорил: пояс, рукавицы и оружие есть не только у тебя!

* * * * *

- Чутка тесноваты рукавицы-то – ворчал Тор, идя за Локи.

Грид, услышав слова Локи, нахмурилась, пристально сощурилась и посмотрела прямо в глаза Локи. Тот не отвел взгляд, и глаза его были одновременно и веселы, и серьезные. И в её, и в его глазах полыхало пламя костра.

- Что ж, Локи прав. Не ты один обладаешь атрибутами Силы и мощи.

И Грид предстала перед ошеломленным Тором в своих рукавицах, поясе и со своим боевым посохом. И Тор понял, что он ничего не понял.

- Я не понимаю – произнес Тор – ты из хримтурсов. Ты можешь полноценно противостоять мне! Я, конечно, бог-громовержец, но твой посох – он же сила самой земли и сможет вбирать мои молнии без вреда для тебя! Почему ни разу ты не сражалась со мной, не выступила в защиту племени хримтурсов?

Грид печально усмехнулась.

- Потому что нет никакого племени хримтурсов. Есть отдельные великаны, живущие сами по себе и не желающие знать никого другого – кроме самих себя! Как ты

думаешь, честный и простой Аса-Тор, почему великанша Ярнсакса рожала ТЕБЕ сыновей? Почему Грид вышла за Фрейра? Почему Ангрбода родила детей Локи? Почему сам Один стал отцом моего ребенка, да и не только моего?

Тор молчал. Он явно подозревал, что ответ не в том, что великанши красивы, сильны и страстны...

- Потому что наши «мужчины» - хримтурсы очень редко заботятся о семье. Они боятся потерять власть. У них есть дочери – у некоторых есть. Но нет сыновей. Они не хотят, чтобы их сыновья через какое-то время заняли их место – ведь хримтурсы, по сути, бессмертны. И нет силы – кроме тебя, Тор, или кроме совместной хитрости Одина и Локи, чтобы угрожала их жизням. И с женами тоже очень сложно – они берут себе в жены самых диких, злых и коварных турсих. Да ты и сам знаешь их, Тор, не раз ты истреблял подобных в горах, когда они пересекали границы Утгарда...

Помолчав, Грид продолжила:

- Нет племени хримтурсов. Есть владетели-великаны и их великая идея подчинить все Девять Миров себе, свергнуть вселенную Ясеня в мир Нетепла. Изгнать из него Жизнь. Изгнать Изначальных. Уничтожить Асов и Ванов. Но мы, турсконы, не хотим такого будущего для себя. И мы вольны сами выбирать свой путь и свои решения. Я выбрала – и никогда не применила свою Силу и Мощь против Асов. И против тебя, Рыжебородый.

А затем она сняла железные рукавицы, расстегнула пояс и с посохом протянула все облачение Тору:

- Локи не соврал Гейрёдду и не нарушил клятву: ты придешь к турсу в МОИХ рукавицах, поясе и с моим Посохом Силы.

Только не пытайся по привычки им метать

молнии – она улыбнулась – и не кидай его, он обратно не возвращается.

* * * * *

Полноводна и грозна текла великая река Вимур, что отделяла в этом месте Утград от остальных земель. Катил камни, несла стволы подмытых деревьев...

- Турс ей подери, какая же она бурная – проворчал Локи – а сверху я даже и не заметил, ручеек ручейком. Она же узкая, вообще-то...

- Не трусь, брат, сила с нами! – уверенно сказал Тор и опоясался поясом силы Грид. Локи ухватил его за пояс – как это делал и раньше и удивился, что нет разрядов молний, но зато рук притянуло, как железо к магнитной скале. А Тор тем временем размахнулся и воткнул Посох ближе к середине реки – вошел в бурные волны, тяня за собой Локи. И вначале вроде шло все хорошо. Но, как только они поравнялись с посохом, внезапно вода в реке стала прибывать. Да прибывать так, что Локи чуть не захлебнулся, а вода перехлестнула через плечи Тора.

Тор тут же понял – дело не чисто! И не преминул прибегнуть к Силе Посоха: нужно было усилить асовость и использовать не небо и молнии, а землю и воду.

Он тут же произнес, выговаривая слова рунами:

Вимур, спади,
в брод я иду
в Страну Великанов.
Если растешь,
то знай, что растет
до неба мощь аса!

И тут же вырос, а река вокруг спала.

И Тор увидел: выше по течению, где река текла между двух близкостоящих скал, между ними стояла здоровенная турсиха, толстая и сильная – и перегораживала реку. Та подымалась и мощным потоком обрушивалась в русло, злясь на преграду и грозя снести все на своем пути.

- Это еще кто? – взревел Тор.

- Мать ее турсиху, это встреча дорогих гостей! Гьяльп, дочь Гейррёда! – крикнул Локи, хорошо изучивший семейку турса.

- Ну что ж, будет в речке добрая запруда! – захохотал Тор и, подняв с обнажившегося дна огромный валун, метнул ее в турсиху. Да так метко, что привалил её и буквально забил русло в расщелине.

- Бегом, Локи! – крикнул Тор – Бегом, пока вода не выплеснула!

И помчался по обмелевшему руслу к утгардскому берегу. Локи скакал за ним, по прежнему держась за пояс. Тор, добежав до крутого берега, подпрыгнул и ухватился за гибкий ствол рябины, что свисал над руслом. Миг – и он, таща за собой Локи, уже был на Утгардском берегу.

И тут же река, перехлестнув через валун, с рёвом заполнила все русло.

- Славно начали! – засмеялся Тор – уже меняем ландшафт и семейный состав! То ли еще будет!

И, погладив с благодарностью ствол рябины – «Спасительница моя!» - оправился по указанному Локи направлению к Чертогу турса.

* * * * *

- Нормально встретили! – возмущенно произнес Тор, рассматривая предоставленное им место ночлега.

- Тор, да нам вроде с козлами не привыкать!

Пришли они к Чертогу затемно. Долго стучали в ворота – Локи предупредил Тора, чтобы тот заранее не выдавал свои возможности, поэтому в ворота Тор стучал просто кулаком.

Сначала со стены им кричали, что «хозяин спит, не велено никого пускать».

Потом, когда из ворот начали вылазить здоровенные бронзовые гвозди, те приоткрылись и какая-то крайне злобного вида старуха пробурчала:

- Не можно, у меня народу полон двор, и все углы в доме заняты. Куды я вас дену? Да еще всё какой рослый и здоровый народ! Да у меня и дом развалится, когда помешу таких. Я знаю вас, асов! Если таких буянов начнешь принимать, то и двора скоро не будет. Пошли! пошли! Тут вам нет места!

- Умилосердствуй, достойная кона! – тут же включился Локи – как же остаться нам ночевать среди ужасов ночи и страхов утгардского леса, да гримтурсовской трясиньки! Уж и вой страшный мы слышали – небось, это Пёс Гейвильский ищет поживу! Спрячь нас, ради памяти Имира!

В общем, уломали старуху. Та впустила их во двор – как и ожидалось, абсолютно пустой -и, подсвечивая себе факелом, повела в хлев.

- Тут переночуете, в дом все равно не пустят.

Хлев оказался под стать дому – огромный, из каменных боков, с каменными же перекрытиями кровли: толстые каменные балки висели над головой. Козы и козлы сонно шуршали в стойлах, пахло навозом, сеном и козлами. Было тепло и как-то даже уютно.

Локи засветил небольшой холодный огонь

– факел старуха не оставила, дескать, спалите тут всё!

- Ладно, Локи, будем устраиваться на ночлег! – решил Тор – Чур, это лавка моя! И он основательно уселся на широченную каменную скамью, что стояла как раз под центральной балкой.

И тут же скамья взвилась вверх, подбрасывая Тора к каменному потолку. Еще мгновение – и он попадет под пресс: плита лавки расплющит его о балку!

Но Тор не сплоховал: он мгновенно упер Посох в каменную балку и активировал его. И сильно вжался задом в лавку – и пресс пошел в обратную сторону! Мгновение и лавка ударилась и пол и раздался громкий чавкающий хруст и приглушенный двойной вскрик. Из под плиты лавки потекла черная лужа. Тор откинул ногой скамью и в свете огонька асы увидели тела двух турсих. У них явно были сломаны спины, да и головы раздавлены.

- Опа, вторая часть народных турецких танцев! – воскликнул Локи – это же Гьяльп и Грейп, дочери Гейррёдда! Тор, ты лишил отца дочерей! Вот кто ты после этого, а? Великий победитель злых дев турсов?

- Да хоть бы и так – проворчал Тор – ты глянь на эти рожи...

* * * * *

Права была Грид. Гейррёду оказалось наплевать на судьбу его дочерей.

Еще асы не приняли решение, что же делать дальше, как дверь в хлев распахнулась и в свете факелов, что держали многочисленные слуги, в проеме стал сам хозяин-турс:

- Здравствовать вам, гости дорогие! – провозгласил великан, лишь искоса кинув взгляд на два сломанных тела.

- И тебе здоровья до самой смерти! – ответил Локи – Гейррёд, я исполнил клятву: вот Аса-Тор, стоит перед тобой, без СВОИХ пояса, рукавиц и молота! Снимай клятву!

- Ага, добрый хозяин, вот он я! – радостно загоготал Тор, ударяя кулаком в свою ладонь. Что примечательно – обе руки были одеты в железные рукавицы, а в свете факелов блестел темным железом пояс силы.

- Не понял – возмутился турс – а это что у него?

- А это НЕ ЕГО рукавицы и пояса! – заулыбался Локи – мир, понимаешь ли ты, не без добрых людей и иных созданий Ясеня! Все честно!

Нахмурился турс, но деваться было некуда – слово клятвы исполнено в точности.

- Что ж, я освобождаю тебя от клятвы, Локи, ты исполнил все абсолютно точно. А теперь, гости, прошу в палаты, там ждут вас молодецкие игры!

Тор засомневался:

- А не позновато для игр-то?

- Да чего тянуть-то! – как-то не сильно понятно ответил турс и пошел к открытым дверям в Чертог. Из них врывались сполохи пламени.

* * * * *

- Локи, ты вообще понимаешь, что это за игры такие? – спросил тихо Тор, обозревая два ряда очень жарких костров, что тянулись вдоль палаты с двух сторон. В середине зала, перед огромным железным столбом, что уходил вверх и явно удерживал весь Чертог, стоял сам турс.

Тор и Локи стояли еще у порога, не решаясь зайти.

- Да турс его знает. Не было в моем сборнике «игры маленьких турсов и забавы детей йотунов» такого описания. Что-то он

придумал явно не хорошее. Но, судя по всему, не очень-то хитроумное. Он-то рассчитывал, что ты голенький явишься. И план вряд ли менял – меня вот три месяца рассматривал, пока понял, что я это я.

- Мда, туповат – проговорил Тор – ладно, я пошел. Ты тут прикрывай.

И смело шагнул в палату, став между костров.

И тут же турс выхватил щипцами, что оказались у него в руке, из костра раскаленный кусок железа и метнул его в Тора.

Тот даже не шелохнулся. Взял из воздуха раскаленное железо и высоко поднял, улыбаясь. А затем начал заносить руку для броска. При этом рукавицы загудели, завибрировали, так же завибрировал и пояс, черные железные чешуйки и на рукавицах и на поясе пришли в движение...

Турс понял, что его сейчас будут убивать и прыгнул за железный столб.

Но было поздно.

Пояс и рукавицы мгновенно превратились в подобие метательной машины, что выстреливает снаряд силой сжатой стальной пружины.

Раскаленный брусок мелькнул огненным росчерком и врезался в железный столб.

И пробил его насквозь!

Пробил, вырывая с той стороны зазубренные рваные осколки и врезался в грудь хримтурса, но не остановил движения – казалось, что его сила вовсе не умалилась: великана подкинуло в воздух, и он, с проломленной грудью, оставляя в воздухе выплеснувшиеся из рта и груди черные полосы крови, врезался в стену Чертога – и вынес кусок из неё напроць!

Огромная стена еще стояла, когда раскаленный железный брусок, что угнездился в разбитом теле великана, врезался телом в землю и зарыл тело великан вглубь так,

что образовалась огромная яма.

- Земля к земле – прошептал Торс удивлением глядя на пояс и перчатки Грид – как магнит втянуло и ничто не остановило бы бросок. Какая страшная сила и мощь!

- Тор, наружу! Тикай, а то Чертог рушится!

– Тора очнул крик Локи и ас увидел, как одновременно рушится пробитая стена и со страшным стоном и скрежетом сгибается по тяжести стен и сводов пробитый центральный столб.

- Тикай!

Тор и Локи выбежали за ворота Чертога и теперь с пригорка наблюдали, как величественно рушится Чертог хримтурса. Как складываются стены, как рушится кровля, как из рухнувшей крыши, пробив её, вынул наклоненный железный столб...

Пламя гудело внутри быстро образовавшихся развалин и через несколько мгновений огромный костер гудел на месте Чертога, да и всей усадьбы.

- Уходим, Тор – сказал Локи – жар сейчас спалит и эти деревья, и нас вместе с ними...

- Ты прав, уходим – ответил Тор. И уже уходя, оглянулся на расширяющуюся волну жара:

- Славно сходили, брат, мы в гости...

- А ведь права была старуха – нельзя было нас пускать, таки разгромили всё!

И асы, заржав в две асыих глотки, побежали прочь отсюда – навстречу новым походам и приключениям...

* * * * *

Грид и Видар сидели у самого выхода из пещеры и провожали взглядами удалявшихся на запад асов. Пояс, рукавицы и посох заняли свое место у ложа великанши, принесенный в подарок кабан сочно пах, поджариваясь на жарко горящем очаге.

Асы ушли, сердечно попросившись.

- Что ж, сын, еще одно препятствие на твоём пути развеяно.

И Грид обняла сына за мощные плечи.

Тот повернулся и спросил:

- Так ли нужна была смерть Гейрреда? Все же он был из наших и весьма могуч – он мог бы пригодиться в будущем?

Грид отрицательно махнула головой:

- Нет. Видар, ни один из хримтурсов не будет помогать тебе. Ты – сын Верховного Аса. Ты – бог. А они... Они просто великаны. И в Последней Битве чем меньше их будет, тем лучше. Тогда они не смогут помешать предначертанной смерти твоего отца, отвлекая его на драку с собой.

- И не помешают моей справедливой мести – усмехнулся Видар, притопнув о пол ногой, обутой в мощный, крепкий башмак. Башмак ударил о пол и железно звякнул, рассыпав сноп искр – которые тут же отскочили от железной многослойной кожи.

Грид усмехнулась:

- Да, твоей мести и твоему окончательному воцарению, как Бога Природы и сына Верховного. Нам, конечно, не тягаться с Бальдром – но власть Бальдра, как и власть Одина, не выйдет дальше обновленного Асгарда. Так что всё это – и она обвела рукой леса и горы, что виднелись с пригорка – станет окончательно твоим. И я, твоя мать, всегда помогу тебе...

Видар нахмурился:

- И почему, чем дальше, тем больше мне кажется, что все слишком запутано? Вот ты – вроде честно помогла Тору и без твоей помощи не было бы уже Тора... Кажется бы, твое деяние ценно само по себе. Но вот обнаруживается более глубокий слой содеянного: оказывается, помощь твоя была для меня и ты, по сути, исполь-

зовала асов, чтобы устранить Гейрреда. Я не удивлюсь, если ты подговорила Гейрреда держать в плену Локи и потребовать в выкуп громовержца...

Грид засмеялась:

- Нет, сын, тебе именно кажется – твоя мать не насколько хитра! Но я достаточно мудра, чтобы использовать уже создавшуюся ситуацию Предназначенного, ситуацию, которую уже вершат Боги для целей своей – нашей с тобой – судьбы. Нет в этом ничего плохого, ни коварства, ни хитрости. Но есть умение помогая Богам, нести пользу и себе – не умаляя при этом помощи для Высших. Надеюсь, это умение передается и тебе...

* * * * *

Asgard, Flavio Bolla

Асы уходили на запад, к сияющим Чертогам Асгарда, навстречу своей Вирд. Великаны сидели у пещеры и, никуда не спеша, ждали свершения Предначертанного. Мир вокруг жил своей жизнью, исполняя свой орлёг. И только пеплу, что подымался утренним ветром на месте бывшего Чертога, уже было всё равно ибо то, что было Чертогом, обрело свободу и с языками пламени устремилось вверх, к Звездным Тропам. И остался лишь пепел, лишь развеваемое на ветру воспоминание о грозном турсе Гейрреде, что так и не смог пленить Тора...

III. Материалы и переводы.

Главы из Саги об Одде Стреле.

(Örvar-Odds saga)

Перевод с исландского: Т.Ермолаев (Tim Stridmann)

18. Одд в Рисаланде

Как сказывают, однажды Одд пришёл к неким скалам и широкому ущелью, в котором с громким шумом нёсся поток большой реки. Он задумался, можно ли как-нибудь перебраться, но ничего не мог придумать. Вот он сел и недолго пробыл там, как его внезапно схватили. На него налетел коршун и стиснул своими когтями так крепко, что он никак не мог сопротивляться. Это создание летело вместе с Оддом над многими странами и морями. Но наконец коршун подлетел к отвесным скалам и сел на клочок травы, который был среди скал. Там сидели птенцы этой птицы. Теперь он отпустил Одда на свободу, и тот был цел и невредим, потому что его защищала его рубашка, как от когтей этого коршуна, так и от всего, о чём уже было рассказано.

Чёрный коршун (из интернета)

Вот Одд живёт в гнезде с птенцами коршуна. Выше там была высокая скала, а внизу — глубокое море. Одд никоим образом не мог выбраться оттуда, кроме как броситься вниз в море, рискуя своей жизнью. Также поблизости не нашлось бы места для высадки, потому что скалам конца видно не было. Птенцы уже немного подросли. Коршун редко бывал дома в гнезде, но постоянно искал пищу. Одд связал птенцам клювы, а сам спрятался в скальной расщелине возле гнезда. Коршун приносил им рыбу, птиц, человечину, всяческих диких зверей и домашний скот. Наконец, он принёс туда варёное мясо. Как только коршун улетал прочь, Одд хватал еду, а в остальное время прятался.

Однажды Одд увидел большого ётуна, который плыл на каменном челноке к гнезду. Тот сказал громким голосом:

— Зла птица, что живёт здесь в гнезде, ибо она повадилась день за днём воровать моё свежесваренное мясо. Я сейчас попытаюсь как-нибудь отомстить ей. На другое я рассчитывал, когда взял быков у конунга, ведь эта птица забрала их.

Тогда Одд встал, убил птенцов и позвал ётуна:

— Здесь всё то, что ты ищешь, и я охраняю это.

Ётун поднялся в гнездо, взял своё мясо и отнёс в челнок. Ётун сказал:

— Где отродье, которое я видел здесь? Выйди, не бойся, и иди со мной.

Теперь Одд показался, и ётун взял его и отнёс в челнок. Он спросил:

— Как мы убьём это зловредное существо?

Одд ответил:

— Разведи в гнезде огонь, и когда коршун вернётся, мне кажется, может быть так, что он подлетит столь близко, что огонь перекинется на оперение, и тогда мы сможем победить его.

Всё произошло так, как сказал Одд, и они одолели коршуна. Одд отрубил ему клюв и когти и взял с собой в челнок, и ётун поплыл на вёслах прочь.

Одд спросил, как его имя, а он ответил, что его зовут Хильдир, он исполин из Рисаланда и у него есть жена по имени Хильдирида и дочь по имени Хильдигунн.

— Ещё у меня есть сын, которого зовут Годмунд, он родился вчера. Нас трое братьев. Одного зовут Ульв, а другого — Ильвинг. Летом мы созовём тинг, и тот из нас будет конунгом над Рисаландом, кто совершит величайший подвиг и кому принадлежит самый свирепый пёс из всех, кого будут стравливать на том тинге.

Одд сказал:

— Как ты думаешь, кто из вас станет конунгом?

Хильдир ответил:

— Я уверен, что это звание достанется им, ибо я всю жизнь был из нас самым последним, и будет так снова.

Одд сказал:

— Хочешь ли ты, чтобы это дело обратилось к твоей пользе?

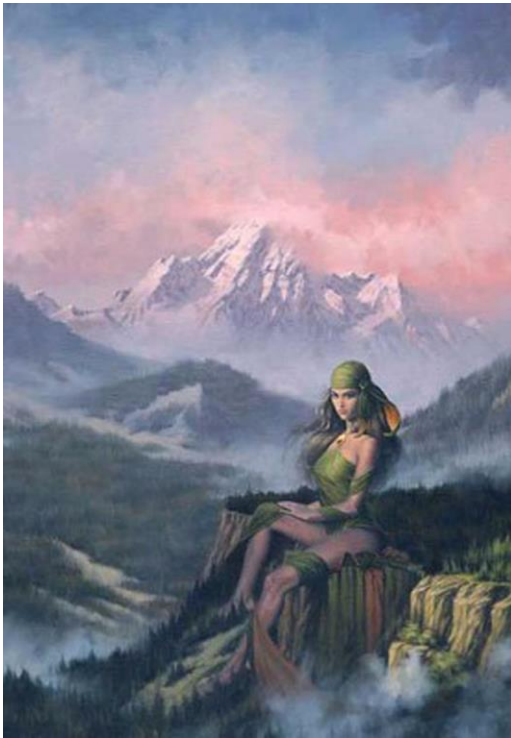
Хильдир ответил:

— Я хотел бы стать конунгом, однако это совершенно невозможно, потому что у Ульва есть волк, наизлобнейший из всех, и ни один пёс не посмеет с ним драться. Ульв убил зверя, который называется тигром, и в доказательство хранит голову этого зверя. Но с Ильвингом, моим братом, ещё труднее, ибо у него есть белый медведь, который никого не щадит. Также Ильвинг убил зверя, который называется единорог, а я не могу предъявить подобного подвига в ответ и нет у меня пса, чтобы состязаться с ними.

— Нравится мне то, что ты говоришь, — сказал Одд, — ведь здесь можно применить кое-какое средство, которое поможет, если найдётся доброжелатель.

Хильдир сказал:

— Не встречал я столь малого ребёнка ни более дерзкого, ни более разумного, чем ты, ибо мне кажется, что можно сказать, что в тебе нет ничего, кроме одного разума, и видится мне в тебе величайшая ценность, столь ты вспыльчив. Я отнесу тебя к Хильдигунн, своей дочери, ты будешь ей вместо игрушки, и она станет воспитывать тебя и вскармливать наравне с Годмундом, моим сыном.

*Великаниша Грид. Джонатан Эрл Боузер
(Jonathon Earl Bowser, Канада)*

После этого Хильдир сел на вёсла и поплыл домой в Рисаланд, и Одд изумился тому, как шёл челнок. Вернувшись домой, великан показал ребёнка, которого нашёл, и попросил свою дочь ухаживать за ним не хуже, чем за своим собственным. А когда Хильдигунн взяла Одда и он встал рядом с ней, то он едва достал ей до середины бедра, Хильдир же был ещё выше неё, как и положено мужчине. А когда Хильдигунн подняла Одда и посадила его себе на колени, она повертела его перед собой и сказала:

Сосуночек крошечный

клок волос под носом,

был крупнее Годмунд,

давеча рождённый.

Затем она положила его в колыбель возле исполинского ребёнка, пела им колыбельные и хорошо о нём заботилась. Но когда ей показалось, что он беспокоен в колыбели, то она уложила его в постель рядом с собой и обняла его, и тогда стало так, что Одд проделывал все, что пожелал; и обоим было весьма хорошо вместе. Тогда Одд сказал ей, что он не дитя, хотя и мельче людей, что здесь рождаются. А народ тот был так устроен, что он гораздо крупнее и сильнее, чем какое-либо другое племя; также они были красивее, чем большинство других людей, но не мудрее.

Там Одд провёл зиму, а весной он спросил Хильдира, насколько тот будет добр к человеку, который покажет ему пса, что превзойдёт псов его братьев.

Хильдир ответил:

— Я буду ему очень обязан. Можешь ли ты указать что-нибудь для этого?

Одд сказал:

— Я могу направить тебя туда, но поймать его ты должен сам.

Хильдир ответил:

— Я добуду его, а ты покажи его мне.

Одд сказал:

— На острове Варгей живёт зверь, который называется берложный медведь. У него такая природа, что всю зиму он лежит в спячке, а летом встаёт, и тогда он такой

жадный и свирепый, что не щадит ни скот, ни людей и никого, кто окажется перед ним. Я надеюсь, что этот зверь одолеет псов твоих братьев.

Хильдир сказал:

— Проведи меня к этому псу, и если он окажется таким, как ты говоришь, то я хорошо вознагражу тебя, когда приду в моё государство.

Затем они собрались в путь. Тогда Хильдигунн спросила Одда:

— Собираешься ли ты вернуться из этой поездки?

Он ответил, что точно не знает.

— Всё же для меня это важно, — сказала она, — ибо я очень люблю тебя, хоть ты и мал. Также я не буду скрывать того, что я беременна, хотя казалось невероятным, что ты окажешься способен к этому делу, ведь ты на вид столь мал и жалок. Однако нет никакого сомнения в том, что ты отец ребёнка, которого я ношу. Но хотя мне и кажется, что я не смогу обходиться без тебя из-за любви, я всё же не хочу препятствовать тебе отправиться туда, куда ты хочешь, поскольку вижу, что против твоей природы жить здесь в будущем вместе с нами, но не сомневайся в том, что ты никогда не выбрался бы отсюда, если бы я не захотела. Я предпочту печалиться, страдать и зачахнуть от одиночества, чем ты будешь жить не в тех местах, которые тебе нравятся. Но как ты хочешь, чтобы я поступила с нашим ребёнком?

— Если родится мальчик, — сказал Одд, — отправь его ко мне, когда ему будет десять зим, ибо я надеюсь, что он станет

настоящим мужчиной. А если родится девочка, то пусть растёт здесь, и позаботься насчёт её замужества, а меня это совсем не интересует.

— Пусть опять всё будет по-твоему, как и во всём другом между нами, — сказала она. — В добрый же путь и будь счастлив!

Затем она горько заплакала, а Одд поднялся на судно.

Хильдир уселся за вёсла. Одду показалось, что плыть на вёслах будет слишком долго, ведь путь был далёк. Тогда он прибег к искусству, которое было даровано людям Хравнисты: он поднял парус, и сразу подул попутный ветер, и они поплыли на парусах вдоль берега, но вскоре Хильдир поднялся ощупью в челноке, схватил Одда, подмял его под себя и сказал:

— Я убью тебя, если ты не оставишь волшебство, которое используешь, ибо вся земля и горы прыгают как овечки, а судно под нами, наверное, утонет.

Одд сказал:

— Не должен так думать, потому что у тебя кружится голова, ведь ты не привык плыть под парусом; теперь позволь мне встать, и тогда убедишься, что я говорю правду.

Он сделал, как просил Одд. Тут Одд спустил парус, и земля и горы сразу стали спокойны. Одд попросил его не удивляться, даже если ему снова покажется что-то подобное, когда они поплывут, и сказал, что сразу может остановить, когда он захочет. Хильдир прислушался к голосу разума и теперь понял, что это плавание будет быстрее, чем идти на вёслах; тогда Одд

поднял парус и поплыл, и теперь Хильдир был спокоен.

Об их поездке не рассказывается, пока они не приплыли на Варгей и не сошли на берег. Там была большая куча камней. Одд попросил Хильдира сунуть в эту кучу руку и проверить, не поймают ли он что-нибудь.

Он сделал так, сунул руку в кучу до плеча, и сказал:

— Ой, здесь что-то странное внутри, наде-ну-ка я свои рукавицы для гребли, — так он и сделал, и затем вытащил медведя за уши.

Одд сказал:

— Теперь поступи с этим псом так, как я скажу: возьми его с собой и не отпускай до самого тинга, когда на тебя натравят собак. До лета ты должен не кормить его, посади его одного в комнате и никому не говори, что он у тебя есть. А в первый день лета натрави его на псов своих братьев, а если он окажется не годным, то на второе лето приходи на это место; тогда я дам другой совет, если этот не поможет.

Руки у Хильдира были все изранены. Он сказал:

— Я ставлю тебя условие, Одд, чтобы ты пришёл на это место другой весной в это же время.

Одд согласился.

Теперь Хильдир вернулся домой со зверем и устроил всё так, как наказал Одд, а Одд повернул в другую сторону, и не рассказывается ни о его поступках, ни подвигах, пока другой весной он не пришёл в то место, о котором они договорились. Одд

явился первым и спрятался в лесу неподалёку оттуда, не пожелав, чтобы Хильдир увидел его, потому что он не хотел сейчас рисковать, встречаясь с ним. Он думал, что тот захочет отомстить, если всё прошло не так, как он сказал ему.

Вскоре он услышал всплеск вёсел и увидел Хильдира, который высадился на берег, и в одной руке у него был котёл полный серебра, а в другой — два очень тяжёлых сундука. Когда же он пришёл на то место, о котором они договорились, то подождал его там некоторое время, а Одд не показывался.

Ётун. Автор LaRaX (взято из Интернета).

Тогда исполин сказал:

— Плохо, воспитанник Одд, что ты не пришёл, но так как у меня нет времени долго задерживаться здесь, ибо моё государство не защищено, пока меня нет, то я оставляю здесь эти сундуки, они наполнены золотом, и котёл полон серебра; ты получишь это богатство, даже если припозднишься. Я положу сверху каменную плиту, чтобы не сдуло ветром, а если ты не увидишь этого, то я положу сверху эти сокровища: меч, шлем и щит. Но если ты где-то

поблизости и можешь слышать мои слова, то я хочу рассказать тебе, что я стал конунгом над моими братьями, и у меня был самый яростный пёс, ибо он загрыз насмерть обоих псов моих братьев и многих людей, которые хотели псам помочь. Я принёс клюв и когти коршуна, и это оказалось гораздо большим подвигом, чем те, которые совершили мои братья; сейчас я один конунг над страной, которая принадлежала нам, братьям. Теперь я возвращаюсь домой в своё государство. Придешь ко мне — я не поступлю с тобой подло, что было бы легко. Я хочу также сказать тебе, что Хильдигунн, моя дочь, родила мальчика, которого назвали Вигниром и которого, по её словам, она заимела вместе с тобой; я воспитаю его со всей заботой. Я научу его искусствам и передам ему всё, чем владею сам, и буду воспитывать его, пока ему не исполнится десять зим, и тогда отправлю к тебе, согласно тому, как ты сам с ней договаривался.

Затем он поплыл прочь на своём челноке. Когда же он уплыл, Одд встал и пошёл туда, где под плитой были сокровища, и то была такая большая скала, что мало кто смог бы и пошевелить её. Поэтому Одд взял только те сокровища, которые лежали сверху плиты; однако и это было великое богатство. Получив то, о чём сейчас было рассказано, Одд отправился бродить по борам и лесам.

19. Одд заключает союз с Раудграни

Однажды Одд вышел из леса. Он тогда очень устал и присел под одним дубом. Он увидел идущего человека. Тот был в синем

пятнистом плаще с капюшоном, высоких сапогах и с тростинкой в руке; у него имелись вышитые золотом перчатки, он был среднего человеческого роста и выглядел учтиво; лицо его закрывал капюшон. У него были большие усы и длинная борода, и то, и другое рыжие. Он подошёл туда, где сидел Одд, и поздоровался с ним по имени. Одд доброжелательно ответил ему и спросил, кто он такой.

Он сказал, что его зовут Грани по прозвищу Раудграни.

— Я легко тебя опознал, Одд Стрела, — сказал он, — и я рад узнать про тебя, поскольку ты величайший герой и выдающийся человек, однако ныне людей у тебя мало, путешествуешь ты весьма скромно, и плохо, что такой муж, как ты, находится в столь неблагоприятных условиях.

— Однако много времени уж прошло, — сказал Одд, — как я не руководил другими людьми.

— Хочешь сейчас побрататься со мной? — спросил Раудграни.

— Сложно отказаться от хорошего предложения, — сказал Одд. — Я согласен.

— Удача ещё не окончательно покинула тебя, — сказал Раудграни. — Сейчас я хочу рассказать тебе, что здесь у берега остановились двое воинов, у которых двенадцать кораблей. Они мои побратимы; один из них родом из Дании, и его зовут Гардар, а другого — Сирнир, и он из Гаутланда. На этом берегу моря я не знаю больших героев, что были бы во всём лучшими, и поэтому я побратаюсь с тобой, и хоть решать за всех нас станешь ты, всё же мои советы

были бы для нас самыми полезными. Но куда ты отправишься, если дело пойдёт так, как я тебе сейчас поведал?

— Я постоянно думаю о том, что мне хотелось бы повстречать Эгмунда Убийцу Эйтьова, которого также зовут Клок.

— Хватит, хватит! — сказал Раудграни. — И не говори этого, ибо не стоит иметь дело с таким человеком, как Эгмунд, и если ты встретишься с Эгмундом во второй раз, тебе придётся гораздо хуже, чем раньше, и навсегда выброси из головы мысль о том, чтобы найти его снова.

Один. Изображение из Интернета

Одд ответил:

— Я хотел бы иного — суметь отомстить за Торда, моего побратима, и я не сдамся, пока не смогу найти его, если мне будет суждено.

— Хочешь, я расскажу тебе, — сказал Раудграни, — как Эгмунд родился, и я догадываюсь, что если ты всё узнаешь о его происхождении, тебе покажется, что нет надежды, что он будет побеждён смертными людьми.

А сперва расскажу о конунге по имени Харек, который правил Бьярмаландом, когда ты пришёл туда с войной, и ты сам знаешь, какой урон причинил бьярмам. Когда же ты ушёл, бьярмы посчитали, что с ними очень плохо обошлись, и охотно отомстили бы, если бы могли. Они тогда замыслили вот что: пленили великаншу из-под большого водопада, полную чар и колдовства, и положили её в постель с конунгом Хареком, и у неё с ним родился сын; его окропили водой и нарекли Эгмундом. Уже в юном возрасте он был непохож на большинство смертных людей, чего и следовало ожидать судя по его матери, а его отец к тому же был величайшим язычником. Едва Эгмунду исполнилось три зимы, его послали в Финнмёрк, и там он изучал всякого рода чары и колдовство, и когда он закончил обучение, то вернулся домой в Бьярмаланд. Ему было тогда семь зим, и он был так велик, как взрослые мужчины, сильный и тяжёлый. У финнов его внешность не улучшилась, потому что тогда он был иссиня-чёрный, а волосы его были длинные и чёрные, и на глаза ему свешивался клок волос, который можно бы назвать гривой. Тогда его прозвали Эгмунд Клок. Бьярмы решили подослать его к тебе, чтобы убить; однако они догадывались, что многое потребуется, прежде чем вы окажетесь в Хель. Был тогда у них ещё замысел: они заколдовали Эгмунда, чтобы его не разило незачарованное железо. За-

тем они принесли ему жертвы и заколдовали его так, что он не был похож на смертного человека.

Одного викинга звали Эйтьов. Он был столь великим берсерком и героем, что никто не считался героем большим, чем он, и в походе у него никогда не было меньше восемнадцати кораблей. Он никогда не оставался на суше: и зимой и тёплым летом находился под открытым небом на деревьях моря. Всё его боялось, куда бы он ни пришёл. Он покорил и обложил данью Бьярмаланд. Тогда Эгмунд обзавёлся семьёю спутниками. Все они были в куртках из войлока, и никого не разило железо. Их звали так: Хак и Хаки, Тинд и Токи, Финн и Фьёсни, Тьёсни и Торви. Потом Эгмунд заключил союз с Эйтьовом, и они вдвоём отправились в поход. Тогда Эгмунду было десять зим. Он провёл с Эйтьовом пять зим. Эйтьов так сильно его любил, что не мог перечить ему, и вместо него он выплачивал конунгу Хареку все подати из Бьярмаланда. Не воздал Эгмунд ничем лучшим Эйтьову, чем тем, что убил его спящим в своей постели и затем спрятал тело. Это было ему легко сделать, потому что Эйтьов клал его в ту же постель рядом с собой и ни в чём ему не препятствовал, и он собирался усыновить его. Потом он разделился с людьми Эйтьова, они отправились, куда им хотелось, а Эгмунд взял два корабля с полной командой. С этого времени его прозвали Эгмунд Убийца Эйтьова. И тем самым летом вы сражались в Трёнувагаре, и Эгмунду было тогда пятнадцать зим. Ему не нравилось, что он не смог отомстить тебе, и потому он убил Торда Белый Штевень, твоего побратима. Затем он отправился повидать великаншу,

свою мать, которую звали Гримхильд, пока она жила среди людей. А она тогда превратилась в финнгалькна. Видом она сверху, головою, человек, а снизу — зверь, с удивительно большими когтями и громадным хвостом, которыми она убивает как людей и скот, так и зверей и драконов. Эгмунд убедил её, что она должна уничтожить тебя, и теперь она явилась с севера в Англию, разыскивая тебя и живёт в лесах со зверьём. Вот я рассказал тебе подробнее об Эгмунде.

Тогда Одд сказал:

— Кажется, большинству людей с ним придётся тяжко, если он таков, как ты говоришь, но мне всё же хочется найти его.

— Однако, он хуже, — сказал Раудграни, — чем я говорил о нём, потому что его скорее можно назвать духом, чем человеком, и я думаю, что не бывать ему убитым людьми. Но сперва мы пойдём к кораблям, — и так они и сделали.

Когда они пришли к морю, Одд увидел там множество кораблей. Вот они поднялись на борт. Одд увидел двух людей, которые выделялись среди прочих. Они встали навстречу Раудграни и поздоровались со своим побратимом. Тот уселся между ними и попросил сесть Одда.

Раудграни сказал:

— Сюда пришёл человек, о котором, вы, побратимы, должно быть, слышали. Его зовут Одд, по прозвищу Одд Стрела, и я хочу, чтобы он стал побратимом нам; также он один будет принимать у нас решения, ибо он больше всех привычен к войне.

Сирнир ответил:

— Это тот Одд, который ездил в Бьярмаланд?

— Это правда, — сказал Раудграни.

— Тогда мне кажется, — сказал Сирнир, — что нам будет польза, если он станет нашим побратимом.

— Мне это чрезвычайно нравится, — сказал Гардар. Они твёрдо стоворились об этом.

Тогда Раудграни спросил, куда намерен отправиться Одд.

— Сперва пойдём, — сказал Одд, — на запад в Англию.

Так они и сделали, и плыли, пока не пристали к берегу. Тогда они раскинули на своих кораблях палатки и некоторое время стояли там на якоре.

20. Одд побеждает финнгалькна

В один прекрасный день Сирнир и Гардар сошли на берег позабавиться и многие люди с ними, а Одд остался у кораблей. Раудграни не показывался. Была удивительно жаркая погода, и побратимы разделись и стали плавать в озере. Там близко был лес. Их люди устроили какие-то развлечения. А на исходе дня они увидели на диво огромного зверя, вышедшего из леса. У него была человеческая голова и огромные клыки. Его хвост был длинный и толстый, а когти — удивительно большие. В каждой лапе он держал по мечу; они были блестящие и большие. Как только этот финнгалькн вышел к людям, он ужасно зарычал и при первом же натиске убил пятерых людей. Двоих чудовище зарубило ме-

чами, третьего — укусило зубами, а двоих — ударило хвостом, и всех — насмерть. В течение малого времени оно убило шестьдесят человек. Тогда Гардар оделся, поспешно выбежал навстречу финнгалькну и тут же рубанул его мечом с такой силой, что один меч улетел из лапы в озеро, но чудовище ударило Гардара другим мечом так, что он тотчас упал на землю. Тогда оно прыгнуло на него сверху. Тут подоспел Сирнир с обнажённым мечом, который назывался Снидиль и был настолько лучше всех, что никогда не останавливался при ударе. Он рубанул зверя, и от этого другой меч также улетел в воду. Тут финнгалькн подмял его под себя, и он сразу потерял сознание.

Те люди, которые смогли убежать, вернулись к кораблям и рассказали Одду о гибели побратимов и многих других людей, прибавив, что никто не сможет справиться с этим чудовищем.

— И ты должен, Одд, — сказали они, — тотчас отчалить от берега. Спасёмся же поскорей!

— Это великий позор, — сказал Одд, — если мы отправимся прочь, не отомстив за таких храбрых людей, какими были побратимы. Не бывать этому!

Взял он тогда свой колчан и сошёл на берег. Когда он отошёл немного, все услышали ужасный рёв. Вскоре Одд увидел финнгалькна. Тогда он положил одну стрелу из «Даров Гусира» на тетиву и выстрелил в глаз зверю, и стрела вышла из затылка. Финнгалькн столь ожесточённо напал на него, что Одд не мог воспользоваться луком. Чудовище с такой силой ударило

Одда обеими когтистыми лапами в грудь, что он чуть не упал навзничь, но рубашка как всегда защитила его, так что когти не причинили ему вреда. Тогда Одд выхватил меч, что висел у него на поясе, и быстро и мощно отрубил зверю хвост, которым тот собирался ударить его. Другой рукой он отталкивал чудовище, чтобы то не могло его укусить. Утратив хвост, оно с воем побежал в лес. Затем Одд выстрелил второй стрелой из Даров Гусира. Она вошла зверю в спину, проткнула сердце и вылетела из груди; тогда финнгалькн упал на землю. Затем к зверю подбежали люди, которые прежде не осмеливались приблизиться, и стали бить его и рубить. Тут зверь издох окончательно. Потом Одд велел сжечь зверя, а побратимов отнесли к кораблям и вылечили.

Затем они направились прочь оттуда и перезимовали в Дании. Много лет они занимались грабежом, разоряя Швецию, Саксланд, Фраккланд и Флэмингьяланд, пока Сирниру и Гардару не наскучила война и они не остались в своих государствах. Раудграни следовал за ними, потому что он спустился с берега, когда они приготовились плыть после того, как Одд одолел финнгалькна. Раудграни нечасто присутствовал, когда наступала какая-нибудь опасность, но он был очень проникателен, когда это надобилось, и редко препятствовал подвигам.

«Кроха несёт мало-мало»
(*Lítið ber smátt smátt*)

Перевод с исландского: Т.Ермолаев (Tim Stridmann)

Рассказывают, что как-то раз в конце лета на Западных Фьордах корабль вышел в море за рыбой. Но в конце дня погода так испортилась, что судно понесло на опасные скалы, и там оно разбилось в щепки, и все люди погибли, кроме одного юноши, которого звали Сигюрдом. Его живым выбросило волнами на берег, но это место было под скалами, и ни одно существо, кроме летящей птицы, не смогло бы подняться наверх.

Вот он лежал там, пока не настали сумерки, и не ждал ничего, кроме смерти. Случайно посмотрев на берег, он увидел двух рослых мужчин, похожих на великанов, которые собирали то, что вынесло на сушу, и уносили вверх по какой-то узкой тропе, что пролегалла в скалах к пещере, видневшейся наверху.

Сигюрд поразмыслил:

— Я всё равно умру, смогу ли я спрятаться от этих ётунов или нет. Я попытаюсь поносить немножко вместе с ними.

Он еле поднялся на ноги из-за изнеможения, взял себе небольшую ношу и поднялся вслед за великанами по этой узкой тропе. Так повторилось несколько раз, пока они вдруг не переглянулись и не сказали:

— Кроха несёт мало-мало.

Они продолжали свою работу, пока не перенесли наверх в пещеру всё, что выбросило на сушу, и тут наступили сумерки.

Когда всё было кончено, они стали ужинать и протянули ему то, что ели сами;

беседовали ли они с ним — об этом не сказывается. Они постелили ему за своими лежанками ещё глубже в пещере, давали ему достаточно еды и полюбили его.

Великаны уходили днём за добычей и вечером возвращались с большой ношей, а Сигюрд всегда оставался в пещере, так прошло три года. Он не видел никакой возможности убраться оттуда, но скучал по людям. Со всех сторон были непроходимые места.

Йон Бауэр (John Bauer, 1882-1918гг.). Из иллюстраций к циклу шведских сказок «Среди эльфов и троллей».

Он заметил, что по ночам, когда все они ложились спать и становилось темно, великаны доставали книгу, которую хранили под своей постелью, и начинали читать. Он увидел, что буквы словно

светятся в темноте. Он удивился этому, и ему захотелось узнать, не сможет ли он выбраться оттуда с помощью этой книги. И поскольку он увидел, где они хранят её, то выждал днём момент, когда их не было, взял книгу, медные страницы которой были исписаны рунами, и пошёл с ней в тёмное место в пещере.

Он делал так каждый день, когда

выдавалась возможность, пока хорошо не выучил всё её содержание. Там учили многому, в том числе колдовскому полёту-гандрейду, чтобы летать по воздуху и через любые непроходимые места, где пожелаешь. Ему очень захотелось испытать это, ведь он страстно желал покинуть этих великанов.

Одним ранним утром, когда они ушли из пещеры, он собрался в путешествие, взял с собой свою учёную книгу и с помощью колдовского полёта выбрался из этой пещеры. Он вернулся к людям и обо всём поведал. Здесь заканчивается рассказ о нём.

И история эта заслуживает пересказа.

Троллиха похищает девушку (*Kona numin af tröllkonu*)

Перевод с исландского: Т.Ермолаев (Tim Stridmann)

Однажды некий молодой священник посватался к девушке из другого прихода, и ему ответили согласием. Это было весенней порой, а осенью он с ещё одним человеком поехал за ней. На обратном же пути им нужно было перебраться через гору, и там они угодили в такой кромешный туман, что пришлось развьючить лошадей и разбить палатку.

Все они залезли в палатку, поели и затем улеглись спать, а когда священник проснулся, его невеста пропала. Он решил, что скорее всего она вышла и вот-вот вернётся, но через некоторое время ему наскучило ждать, он вышел со своим спутником наружу и стал звать и искать её. Однако всё оказалось напрасно.

Вечером они стали спускаться обратно и набрали на закате на маленький бедный хутор. Священник дошёл уже до крайности от усталости и отчаяния из-за своего несчастья.

Они постучали в дверь, и оттуда вышел седой старик, он показался им совсем дряхлым. Они попросились на ночлег, и старик ответил, что эта хижина не слишком хороша для них, но другой он им предоставить не может.

Войдя в комнату, они увидели там молодую женщину и шестерых детей, больше же никого не было. Хозяин показал им кровать, где они будут спать ночью, и затем стал расспрашивать их про путешествие. Они рассказали всё, что произошло и выглядели глубоко несчастными.

А старик был достаточно откровенен и сказал, что они, очевидно, имеют дело не с людьми, и когда-то для него было бы развлечением найти девушку, поскольку она, наверное, жива. Едва священник услышал это, как оживился и попросил хозяина как-нибудь помочь, пообещав ему всяческие блага, если у того получится. Но старик сказал, что ничего не сможет,

поскольку уже давно бросил подобное, и затем все пошли спать.

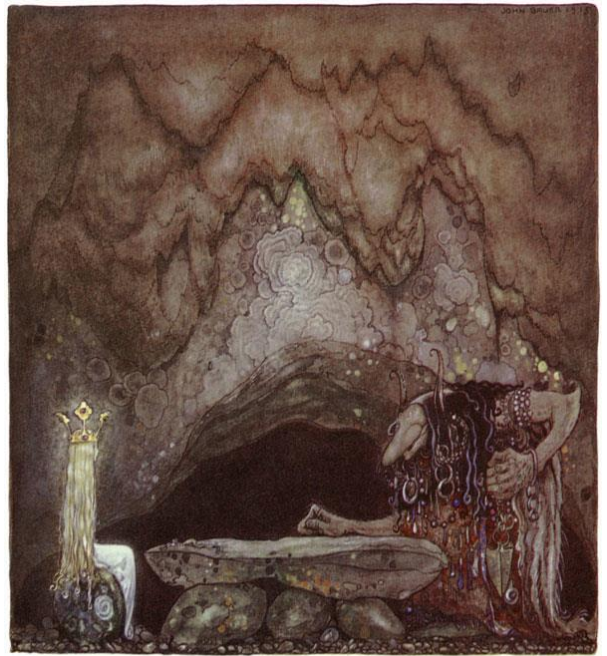
Утром на рассвете хозяин разбудил своих гостей и сказал, что негоже больше спать, если они собираются вернуть девушку, и теперь старик показался священнику молодым и бодрым. Он сказал, что пойдёт вместе с ними к палатке, хоть это ничего не значит.

Они сразу поднялись и тронулись в путь, и старик был проворнее всех. Когда они подошли к палатке, старик начертил три круга вокруг неё и усадил остальных во внутрь. Затем он вытащил дудочку и подул на юго-восток. Тогда скалы и холмы открылись и к старику стал стекаться народ, похожий на обычных людей. Все они подошли к внешнему кругу и спросили у старика, чего он хочет. Он грозным голосом спросил, не они ли не забрали девушку священника. Они ответили, что нет.

— Тогда идите с миром, — сказал старик, и они исчезли.

Взял он свою дудочку и подул на северо-восток. Открылись тогда скалы и камни, откуда вышло множество низкорослого, большеглазого и курносого народца, они подбежали, как и предыдущие, к внешнему кругу и спросили, чего он хочет. Он спросил, как прежде, получил тот же ответ, и затем велел им идти с миром, а сам взял дудку и подул на северо-запад.

Открылись тогда скалы, горы и пустоши, откуда вышли рослые и ужасные люди. Они, как и первые, подбежали к кругам, и старик спросил грозным голосом, не они ли забрали девушку. Они отрицали это, а последней пришла старуха, которая вела за руку маленькую девочку. Он спросил старуху, но та промолчала. Тогда девочка сказала, что девушка, о которой он спрашивает, осталась дома.

Йон Бауэр (John Bauer, 1882-1918гг.). Из иллюстраций к циклу шведских сказок «Среди эльфов и троллей». Сказка «Мать тролля находит ему жену» (1915г.)

Тогда старик сказал, что сожжёт их всех и поджарит то, что останется, если они тут же не приведут ему эту девушку. Старухе пришлось пообещать это, и она сразу отправилась за ней, пока остальной сброд ждал там.

Вскоре старуха вернулась с девушкой на руках, и девушка была такой слабой, что старухе пришлось толкнуть её в круг. Она сказала:

— Этим я обрекла своего сына на смерть; плохо будет, если я не отплачу тебе, старик, — и затем они отправились каждый своей дорогой.

Йон Бауэр (John Bauer, 1882-1918гг.). Из иллюстраций к циклу шведских сказок «Среди эльфов и троллей». Сказка «Мать тролля находит ему жену» (1915г.)

Священник же вручил старику большие подарки и к тому же написал отцу девушки о его помощи, и тот тоже прислал ему много денег, и теперь старик разбогател.

С тех пор прошло некоторое время, пока одной осенью старик не пошёл в горы за дровами. Связав вязанку, он уселся рядом, случайно посмотрел на гору и увидел скессу, которая приводила ему девушку. Она шла, держа в руке большой

нож, и, приблизившись к нему, сказала: — Случилось так, как я подозревала: мой сын, потеряв девушку, умер, и я пришла отплатить тебе и убить тебя.

Старик сказал, что прожил счастливую жизнь:

— Однако выполни мою просьбу, позволь мне перед тем трижды прочитать «Отче наш».

Старуха сказала, что ей всё равно, пусть он только поторопится. Он бросился ничком и стал читать молитву. Она уселась на кочку и поставила локти на колени, держа секиру. Она снова поторопила старика. Он сказал, что почти готов, ему осталось прочитать молитву один раз.

По окончании молитвы старик стал на ноги и сказал старухе поспешить и тут же убить его. Но когда старуха захотела подняться, оказалось, что она пристала к кочке, локти — к коленам, а секира — к рукам. Тогда она сказала:

— Ты всё-таки не оставил свои штучки.

— Да, чёрт тебя возьми, — ответил старик, — и ты сейчас умрёшь из-за этого, если клятвенно не пообещаешь не причинять ни мне, ни этому священнику, ни отцу девочки ни малейшего вреда, а будешь всегда оказывать нам помощь.

Она пообещала это и сдержала обещание, как подобает достойной женщине, и с тех пор всегда была готова помочь старику.

IV. События и Творчество

Альтинг — 2016 под Тихвином.

*Автор: Сигвальд,
годи Общины Асатру в г. Санкт-Петербург.*

С 20 по 21 августа 2016 года под городом Тихвином в Ленинградской области состоялась очередная Альтинг (общий открытый тинг общин и последователей) асатруа России. Принимающей стороной был годорд (община) «Тротборг» во главе с годи (руководителем) Торри (Санкт-Петербург), среди гостей присутствовали представители годорда «Скидбладнир» с годи Сигурдом (Москва), представители Общины Асатру в г. Санкт-Петербурге во главе с годи Сигвальдом, отдельные последователи движения Асатру из Москвы, Воронежа, Петрозаводска и других городов России. В качестве приглашенных гостей присутствовали петербургские религиоведы А. В. Гайдуков и А. В. Кутарев.

Обустройство лагеря. Фотографии любезно предоставлены Марией Арясиной.

Боги благословили замысел хорошей погодой. Участники альтинга встали лагерем на незаселённом берегу реки Тихвинка в живописном месте между молодых сосенок. На обрядовой поляне был установлен ри

туальный столп Ирминсульт, символ Мирового Древа.

Тинг официально открылся в субботу 20 августа, после того, как определился окончательный состав участников. Собравшиеся обсудили ситуацию в северном (германском и скандинавском) язычестве, обменялись мнениями по поднятым вопросам религиозных практик и взаимодействия с обществом, договорились о дальнейшем сотрудничестве по конкретным проектам. Была представлена последняя информация о ходе защиты исторического и культового комплекса камней-чашечников в Ленинградской области, а также названы ожидаемые дальнейшие шаги. Торри годи сообщил о состоявшемся приобретении земельного участка и планах на постройку святилища Асатру на нем. Главы общин и прочие присутствующие признали необходимость взаимодействия и наметили его формы и планы. При этом возврат к надобщинному объединению асатруа был признан в настоящее время нецелесообразным.

Участники Альтинга.

Вечером того же дня был проведён совместный обряд во славу богов с просьбой о благе собравшимся и верном пути для движения в целом, затем начался традиционный общий пир-вейцла. На следующее утро состоялось закрытие Альтинга, прощание и разъезд участников по домам.

Момент обряда.

Участники Альтинга искренне благодарят хозяев мероприятия, надеются на новую встречу через год и желают всем единомышленникам долгих лет в мире!

Ирминсуль на рассвете.

Создание Вечевого центра: шаг к организации практического взаимодействия языческих объединений.

27 августа 2016 года в Москве, в природно-ландшафтном и историко-архитектурном заповеднике «Коломенское» состоялось совещание представителей ряда известных языческих объединений и деятельных сторонников Традиционной культуры - славянской, эллинской, северогерманской ветвей Традиции и последователей Европейского Ведовства.

Собранию предшествовали недели и месяцы предварительного обсуждения рабочей группой насущных проблем языческого движения в закрытом режиме, вынесенных затем на повестку дня этой очной встречи. На встрече были представлены: Международная Языческая Федерация, Союз Славянских Общин Славянской Родной Веры, Международное общественное движение «Круг Языческой Традиции», Содружество общин «Велесов Круг», Московский Дом Виккан, Олимпийская религиозная лига «Освобождение разума», альманах «Сага» (проект Союза Вольных Асатру), Собрание славянских общин "Родная Земля". Представляем вниманию единоверцев «Слово о Вечевом центре и Содружестве языческих объединений», принятое на совещании.

СЛОВО О ВЕЧЕВОМ ЦЕНТРЕ И СОДРУЖЕСТВЕ ЯЗЫЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Пред ликами бессмертных Богов и Богинь, при свидетельстве всех, кто слышит и чи-

тает это, всех язычников и приверженцев Обычая мы речём нижеследующее:

«Мы и сторонники наши – люди, которым дорог исконный обычай, и основное его положение – «Единство в Многообразии».

При всём единстве Традиционной культуры она причудливо мозаична. Каждая ветвь этого единого Древа традиции – славянская ли, германская ли, эллинская ли, Европейское ведовство и прочие – придаёт ему свой неповторимый оттенок, вносит собственную красоту.

Дабы собрать воедино наш опыт, наше знание, нашу память, наладить тесную и прочную связь между собою и непрестанно делиться собранным и постигнутым, а после – передать собранное потомкам; дабы донести правду о нас, язычниках, до каждого, кто хочет Правды, подвигнуть пытливых на постижение и следование Природной Традиции, на каком бы из языков не именовались бы Высшие Боги и Богини; дабы совместно защищать Обычай, культурное наследие Предков, ценности Традиционной (языческой) культуры, включая духовное и физическое здоровье, а также полноценное образование каждого нового поколения, и наше право на собственную Веру – мы заявляем о намерении в будущем создать Содружество объединений (последователей Природной Веры) в России, Беларуси и других странах, сплочённых общим историко-культурным пространством.

Сага Сага

Настоящее собрание объявляет себя Вечевым центром такового Содружества, действующим на постоянной основе до того момента, пока не будет созван широкий представительный съезд участников и участниц наших объединений.

Пока Боги и Богини с нами, пока мы помним их и чтим, наравне с Предками нашими, а они откликаются нам, пока не содрогнулось Древо миров, да будет слово наше крепко, как сама Скала времён».

Белояр (М. Ионов), жрец и глава Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры

Вадим (В. Казаков), жрец, соучредитель Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры

Ведослав (Т. Колыженков), жрец, Сопредседатель Совета Круга Языческой Традиции

Веледор (С. Дорофеев), волхв, Сопредседатель Совета Круга Языческой Традиции

Велеслав (И. Черкасов), волхв, соучредитель Содружества общин «Велесов Круг»

Гвиддон Харвестон (С. Плонский), верховный жрец викканской общины «Серебряный Круг», национальный координатор российского отделения Международной Языческой Федерации (PFI)

Девясил (И. Рагозин), полномочный представитель религиозной группы «Освобождение разума» (Олимпийская религиозная лига «Освобождение разума»)

Ева (Е. Кузьменко), жрица викканской общины «Серебряный Круг»

Иггельд (Д. Гаврилов), волхв, соучредитель Круга Языческой Традиции, участник PFI

Магута (И. Грибков), жрец, представитель Собрания славянских общин «Родная Земля»

Мизгирь (А. Потапов), волхв, соучредитель Круга Языческой Традиции

Олег Леший (О. Гумеров), жрец, Сопредседатель Совета Круга Языческой Традиции

Осока (Е. Байкова), жрица Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры

ParNada (П. Лопухина), жрица и координатор Московского Дома Виккан

Ратослав Камень (П. Шатайло), волхв Круга Языческой Традиции

Скоморох (М. Макаренков), Пресс-секретарь Вечевого центра

Традис (Н. Топчий), редактор альманаха «Сага», участница PFI

Фенрир (М. Студнев), эриль, соучредитель ГардаКовена

Сага Сага

Примечание: заявления представителей объединений, поддерживающих такое начинание и готовых к работе во благо Традиции, о желании стать участником Вечевого центра будут рассмотрены его основателями. О правилах приёма и совместных проектах будет сообщено дополнительно, в специальном Приложении к этому документу.

Контакты Центра: vechetsenter@yandex.ru

27 августа 2016 года, Коломенское, г.Москва

«Былинный берег»: глазами очевидца⁷⁶.

Автор: Назаренко Ирина Юрьевна

(SimbAkella или просто Симба).

Лето — время свободы и путешествий, ночей под открытым небом и тёплых историй возле горячего пламени костра, поздних закатов и ранних рассветов, время ладоней, полных ягод, и криков коршуна в вышине. Дух приключений зовёт за собой в путь, и мы, собрав вещи в узелок и застегнув дорожный плащ, подобно героям книг, отправляемся на поиски себя, новых мест, впечатлений и воспоминаний.

Художник Ирина Назаренко (автор заметок) на фестивале

Позволь сегодня мне стать для тебя этим неугомонным духом и забрать с собой в приключение на лёгких крыльях семи ветров. Дай мне руку, друг, и я покажу тебе место, где оживают легенды, где огненными светлячками взмываются ввысь тысячи искр большого костра, где в сияющих небесах льётся звёздный дождь, где табун резвых коней мчится по бескрайнему по-

лю. Там: среди криков ласточек и разнотравья, среди жемчугов росы и нитей паутины, проступают из утреннего тумана очертания шатров и знамён, доносится с берега реки плеск волн, скользит по ней, разбивая вёслами воду, могучий драккар — это мир «Былинного берега», мир давно ушедшей эпохи викингов, мир фестиваля исторической реконструкции в Тверской области.

Здесь, среди обрывков разговоров и ярмарочного гула, среди дыма костров и запахов мяса, среди звона мечей и блеска шлемов, среди звуков музыки и пения скальдов, живут бок о бок славяне, скандинавы, финны, латгалы, тюрки, ирландцы и византийцы. Нет, они не призраки прошлого, они по-настоящему живые. У каждого из них в глазах своя история и свой путь в этом былинном мире — вот торговец расхваливает свой товар, вот кузнец в кожаном фартуке и с потом на лбу куёт в полевой кузне гвозди для щитов и витые колышки для шатров, вот гончар лепит из глины очередной горшок на продажу, вот мастерица ткёт на табличках узорный пояс, а рядом с ней молодая ученица вяжет иглой шерстяные носки для своего мужа. А кто же там — неподалёку? Это умелец, кропотливо создающий рунический камень для славного героя. А вон того мастера окружила толпа восхищённых девушек,

⁷⁶ Подробнее о фестивале «Былинный берег» читайте в группе vk.com/bylinniy_bereg. Оттуда же взяты две групповые фотографии для заметок.

ещё бы, ведь он изготавливает стеклянные бусинки, поражающие своей красотой и покоряющие сердце любой барышни! А здесь ремесленники красят отварами трав шерстяные, льняные и шёлковые ткани во все цвета радуги, словом, каждый нашёл тут занятие для души. И ты, дорогой мой странник, тоже можешь попробовать себя в каком-нибудь средневековом искусстве — уверяю, мастера не откажутся научить тебя чему-нибудь, если их попросить.

Но оставим привычные описания места и программы для других, я же хочу показать тебе особенные моменты. Это будет путешествие на уровне ощущений, жизнь на грани реальности и сна. Насладись романтикой былых времён, впитай атмосферу фестиваля, и ты поймёшь, зачем люди, подобные мне, стремятся сюда каждый год в последние выходные июля.

Представь, увидь всё это своими глазами...

Широкий песчаный пляж, где мелководье простирается на много шагов вперёд. Там, в утреннем тумане, среди стаи щебечущих ласточек, подвязав поясами широкие подола простых льняных платьев, плывут лебедями девичьи фигуры, чьи босые ноги омывают тёплые волны, чьи тонкие запястья погружаются в прозрачную воду, в чьих волосах играет ветер. Кто они и откуда? Куда уйдут потом? Или, быть может, это просто видения, и они растворятся вместе с утренним туманом? Решай сам...

Безбрежность.

Солнечный день полон забот. В круговороте событий и лиц, встреч и расставаний ты порхаешь синичкой по территории фестиваля и везде находишь маленькое приключение. Затрубили рога! Слышишь? Бой барабанов и протяжный глас волынки. И ты уже бежишь туда, где на большом ристалище собрались отряды воинов, готовящихся к сражению. В их глазах предвкушение и азарт битвы, на суровых лицах застыла решимость, блестят на солнце их шлема, мечи и кольчуги, развеваются на ветру знамёна. И вот — бой! Строй пошёл на строй, засвистели в воздухе стрелы и полетели сулицы, противники сошлись на середине поля, стали слышны удары топоров о щиты, крики, пыль столбом, всё смешалось в едином боевом танце. Зрители восторженно ликуют, а ты представляешь себя в пылу битвы, в самом её центре ты вместе с другом прорубаешь себе путь к победе или Вальгалле!

Встаёт рать... (фотография со странички группы «Былинный берег» во вКонтакте)

На горизонте показалась гроза. Тяжёлые тучи, полные воды, заволокли всё небо, и на фоне бирюзовых и сизых облаков засветились белым светом шатры. Засверкала холодной сталью изумрудная трава и тьма накрыла полигон. Порывы северного ветра терзают палатки и тенты, стремясь сорвать их и унести за собой. Дождь серой пеленой надвигается на мирный лагерь, все видят его приближение. Он медленно ползёт всё ближе и ближе, и вот один за другим фигуры, постройки и шатры исчезают в сплошной пелене льющей с неба воды. Но буйство стихии быстро уносится прочь, сменяясь кровавым закатом. А ты ощущаешь в своих ладонях тепло глиняной кружки, в которой плещется горячий мятный напиток, чувствуешь запах трав и сладкий вкус на губах. Прогонит прочь все болезни, согреет тело и душу имбирный эль.

Рассеивается вечерний туман, и сгущаются сумерки, крадущейся кошкой на мир опускается ночь. Взгляни на небо – там идёт настоящий звёздный дождь! Небосвод подобен глубокому синему океану и весь усеян миллиардами огней! На берегу реки загорается большой костёр. Все дневные дела и хлопоты окончены, время праздновать! Холодный свет с небес и горячие всполохи огня, отражающиеся в воде фигуры в средневековых одеждах, танцующие под музыку барабанов, флейт и волынок – всё это буйство ночи, веселье до утра, песни, смех и хороводы. Время раствориться в атмосфере чуда, слиться с окружающим миром и почувствовать себя по настоящему живым!

Огненная феерия (фотография со странички группы «Былинный берег» во вКонтакте).

Графика Ирины Назаренко по мотивам фестиваля⁷⁷:

БЫЛИННЫЙ:БЕРЕТ:ЛЕВ

Арысь-поле

БЫЛИННЫЙ:БЕРЕТ:ЛЕВ

Вёльва

⁷⁷ Другие работы автора можно посмотреть в группе vk.com/bealive3

БЫЛИННЫ:БЕРЕТ:ЛЕДЬ

Рог

БЫЛИННЫ:БЕРЕТ:ЛЕДЬ

Кошка

Сага Сага

БЫЛИННЫ: БЕРЕТ: ЭДМ

Один

Кукла Стригушка (Соломенная кукла)

Автор: С. Волкова (Рогнеда)

Золотистая солома,
Без сомненья, всем знакома.
Словно сказочные феи,
Поколдуем мы над нею:
Соберем ее в пучочек
И повяжем поясочек,
Ленточку шелковую,
Розовую, новую.
Лоскуточек ситца
Тоже пригодится.
Вот из всех стараний наших
Получилась кукла Маша!

Т. Лисенкова

Кукла Десятиручка (Дом Варген)

Издавна существовала традиция почитания «последнего снопа» на праздник Урожая. Считалось, что в нём живёт полевой дух, к которому надо обращаться для получения обильного урожая. Поэтому последний сноп сохраняли до следующей весны. В некоторых регионах его называли «луговой волк» (Россия) или «луговая собака» (Оркнейские острова). По одним поверьям

он приносил удачу в дом тем, кому доставался, по другим – наоборот неприятности. Бывало также, что он становился центром праздника Урожая. Его ставили в красный угол и всячески ублажали.

В это же время создавали и кукол из соломы – Стригушек. Стригушка из соломы – игровая кукла, делалась она между делом на потеху себе и детям и была очень распространённой игрушкой. И сегодня велик интерес к соломенным куклам – очень уж они получаются яркими и нарядными, а делаются так просто, что справится и маленький ребёнок. Из соломы или лыка делали и обрядовые куклы – Масленицу, Десятиручку, Рождественскую Козу и другие. Йольский козёл у германцев также изготавливался из соломы.

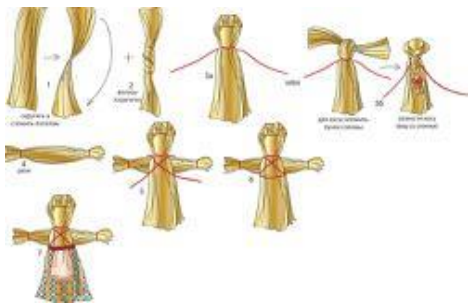
Йольский козёл

Такую куклу можно поставить на стол, а чтобы она была устойчива, снизу ее платье подстригали. За то, что соломенные юбки у таких куколок подравнивали, подстригали,

и прозвали их стригушками. Можно заставить стригушку сплясать, поставив ее на стол или табурет и постучав по столу рукой. Легкая соломенная кукла начнет подпрыгивать: и впрямь будто танцует!

Чтобы сделать эту куклу, понадобится солома, сжатая вручную – тогда она будет ровная и длинная. Солому нужно высушить и связать в снопок. Перед работой, чтобы солома стала мягче и эластичнее, её можно замочить в горячей воде (в воду можно добавить немного соли).

Стригушку также можно сделать и из других материалов: из мочала, веток или длинных ровных прутьев, и даже из некоторых трав (подходят травы семейства злаковых, например мятлик, тимофеевка).

1. Выбираем из снопики самые длинные ровные соломины, собираем их в пучок, перекручиваем посередине и сгибаем пополам. Это будет тело куклы.

2. Готовим второй пучок поменьше – для украшения головы: перекручиваем солому и вкладываем её в голову куклы. Перекрученная часть снопа накладывается поверх головы куклы, обрамляя лицо, а концы этого снопа опускают вниз – они дополняют тело куклы.

3. На месте шеи перевязываем нитью или бечёвкой.

4. Можно, как и у куклы из пакли, вставить кукле волосы внутрь головы – другой пучок соломы. Их потом можно будет заплести в косу, или красиво закрутить, как подскажет вам ваша фантазия.

5. Готовим руки – ещё один пучок соломы, перевязываем его на концах, формируя ладошки.

6. Вкладываем руки в туловище и снова перевязываем – крест-накрест на груди и затем на месте талии.

7. Основа куклы готова, теперь её можно нарядить – одеть юбку и фартук, повязать ленту на косу, одеть ожерелье, сшить сарафан, рубаху, сплести красивый пояс и т.д. Можно сделать лицо (из плотной бумаги или ткани) и нарисовать его (как делали у куклы из пакли).

Кукла Стригушка обязательно принесёт в дом радость и удачу! Успехов!!! Хорошего Урожая!

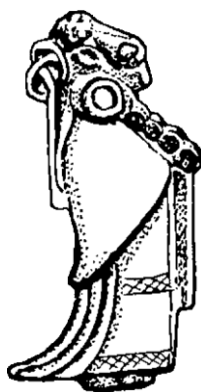

Стригушки (Дом Варген)

В статье использованы материалы сайта rukikla.ru

Сага № 12

Сентябрь 2016г.

Обратная связь.

Если у вас есть интересные материалы для следующих публикаций, пожелания и предложения по нашей работе, пишите нам

vyshezor@mail.ru

Мы заинтересованы в вашем участии в нашем проекте. Если вы заинтересованы нам помогать любыми посильными способами, вступайте в клуб в ВКонтakte https://vk.com/saga_journal

Все авторские права принадлежат глубокоуважаемым авторам.

№12/2016г.

Редакторы:

*Надежда Топчий (Tradis),
Светлана Волкова (Rogneda Varg)*

Корректор:

Наталья Волкова (Somosa)

Вёрстка:

Светлана Волкова (Rogneda Varg)

Дизайн:

Надежда Топчий (Tradis)